

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. А. Белецкий (Киев). Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков	3
Б. М. Юнусалиев (Фрунзе). Проблема формирования общенародного киргизского языка	28

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Б. Шапиро (Москва). Есть ли в русском языке категория состояния <u>как часть речи?</u>	42
Н. С. Поспелов (Москва). В защиту категории состояния	55
И. А. Батманов (Фрунзе). Части речи в киргизском языке	66

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. Смирницкий Значение слова	79
А. М. Бабкин (Ленинград). Лексикографические заметки	90

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Г. С. Ахведиани (Тбилиси). К вопросу о преподавании курса «История языкознания»	98
А. Ф. Ефремов (Саратов). О программе и преподавании курса «Современный русский литературный язык»	102

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

М. А. Габинский (Кишинев). Об издании словаря-справочника по языкознанию	105
О. Б. Шахрай (Шекли). «Ложные друзья» переводчика	107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. С. Кузнецов (Москва). С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола	112
С. Е. Яхонтов (Ленинград). Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики	120
К. А. Тимофеев и А. М. Бабкин (Ленинград). Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. (Курс лекций)	125
Фуад Кизимов (Баку). В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков	134
Б. И. Надэль (Ленинград). Д. Дечев. Характеристика на тракийския език	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. С. Поспелов (Москва). Международный конгресс славистов в Берлине	144
А. А. Курбанов (Ашхабад). Второй лингвистический съезд Туркменистана	147

Р е д к о л л е г и я:

С. Г. Бархударов, Н. А. Боскаков, Е. А. Бокарев (отв. секретарь редакции),
В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, П. А. Гондратов,
Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
Б. А. Серебрянников, В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

Т- 01476 Подписано к печати 15.III. 1955 г. Тираж 13450 экз. Зак 963
Формат бумаги 70×103¹/₁₆. Бум. л. 4³/₄ Печ. л. 13,02 Уч.-изд. л. 15,0

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-историческое изучение языков началось еще с первой четверти прошлого века на материале языков индоевропейской семьи, но до сих пор не охватило всех известных языков земного шара.

Только в марксистско-ленинском языкознании была дана правильная оценка сравнительно-историческому методу как совокупности приемов исследования, дающей возможность обеспечить диалектико-материалистический подход языковым фактам и явлениям и ближе всего подводящей нас к разрешению основной задачи нашей науки: к установлению закономерностей развития языков.

По своему значению все прочие методы исследования, применяемые при анализе языкового материала, не равны сравнительно-историческому, а лишь дополняют этот основной метод или совокупность приемов исследования и готовят материал для дальнейшего сравнительно-исторического исследования. Это следующие методы:

- 1) непосредственное наблюдение и последовательное (систематическое) описание (ср. также опрос по заранее составленному плану; в диалектологии еще картографирование);
- 2) самонаблюдение и эксперимент (преимущественно в области родного языка);
- 3) статистический метод (или метод подсчетов)¹;
- 4) сопоставительный (или метод сопоставления языков без учета их истории, развития, изменений);
- 5) инструментальный в области фонетики (ср. метод непосредственного наблюдения и последовательного описания).

Следует учесть основные особенности сравнительно-исторического метода, а именно:

- 1) сравнение (языков, диалектов, разновидностей общенародного языка, различных ступеней развития одного и того же языка) с учетом изменений (развития, совершенствования, истории);
- 2) сравнение с учетом неравноценности сравниваемого материала, с обязательным отделением главного от второстепенного в сравниваемом материале;
- 3) сравнение фактов, рассматриваемых как составные части некоторой системы, с учетом их связей с другими фактами (в грамматике — парадигмы, в лексике — лексической сферы, определенного круга выражаемых словами понятий);
- 4) установление системы соответствий между сопоставляемыми языками (ср. пункт 1) в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике и фразеологии;

¹ Ср. В. Ф. Чистяков и Б. К. Крамаренко, Опыт приложения статистического метода к языкознанию, вып. 1, Краснодар, 1929.

5) установление относительной хронологии (в тех случаях, когда невозможно установление безотносительной, или абсолютной; или же наряду с безотносительной, для обоюдной проверки);

6) установление родства языков на основании соответствий (чем ближе к доисторической эпохе, тем больше общего: ретроспективная конвергенция — доказательство родства языков, их общего происхождения);

7) восстановление фактов на основании соответствий между родственными языками (а также и между диалектами, см. пункт 1) и относительной хронологии, устранение пробелов документальной истории языков.

Таким образом, сравнительно-исторический метод при надлежащем его применении может удовлетворить требованиям, предъявляемым марксистским диалектическим методом к изучению фактов и явлений природы и общества, а именно:

1) изучать факты и явления в их взаимосвязи, в их взаимообусловленности;

2) изучать факты и явления в движении, с учетом развития, изменений, видоизменений;

3) изучать факты и явления с учетом накопления постепенных количественных изменений, перехода от старого качества к новому качеству, с учетом прогрессивного характера изменений;

4) изучать факты и явления с учетом внутренних противоречий, с учетом борьбы противоположностей (возникающего и отмирающего, нового и старого).

Сравнительно-историческое языкознание и сравнительно-историческая грамматика

Сравнительно-историческое языкознание, которое следует отличать от сравнительно-исторических грамматик отдельных семейств и групп языков, обобщает достижения этих последних, причем его задачи шире задач сравнительно-исторических грамматик, хотя и в них не только устанавливаются соответствия между родственными языками, но и восстанавливаются основные линии развития (как родственных языков вообще, так и одного какого-либо языка, имеющего «родственников»).

Сравнительно-историческое языкознание должно интересоваться установленными на основе сравнительно-исторического метода законами и закономерностями развития языков. По существу его основы нигде еще систематически не изложены. Это дело ближайшего будущего¹.

«Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе в известных своих частях (глава VIII — о лексике и IX — о развитии индоевропейских диалектов) уже приближается к тому, что можно было бы назвать сравнительно-историческим языкознанием, но в пределах индоевропейской семьи языков.

Выражение «сравнительная грамматика» А. Мейе употребляет в смысле нашего «сравнительно-историческая грамматика», которое нам тоже следует расчленить и различать просто «сравнительную», или, лучше «сопоставительную грамматику» (как родственных, так и неродственных языков), и собственно «сравнительно-историческую грамматику». К сожалению, даже в научной литературе последних лет в одном и том же смысле употребляются оба выражения. Этого следует избегать.

¹ См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 48. Небольшая книжка А. Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании» (A. Meillet, La méthode comparative en linguistique historique, Oslo, 1925; рус. перевод — М., 1954) не содержит этих основ, потому что она не выходит за пределы индоевропейских языков.

Установление родства языков

Сравнительно-историческая грамматика какого-либо языкового семейства или какой-либо языковой группы имеет дело с языками, родство которых уже установлено предварительными исследованиями. Задачей сравнительно-исторического языкознания является установление общих признаков определения родства языков.

Если для доказательства родства или общего происхождения индоевропейских языков, характеризующихся прежде всего внешней и внутренней флексиями, достаточно было сопоставления такой важной части грамматического строя, как спряжения глаголов, то для языков совершенно иного грамматического строя требуются иные основания при установлении родства.

Так, лексические аналогии и установленные на их основании фонетические соответствия, а затем уже так называемые именные классы с характерными префиксами и личные местоимения дали возможность еще в первой половине прошлого века определить семейство банту в Африке к югу от экватора¹.

Наличие характерных только для этих языков согласных, так называемых clicks (7 в бушменском и 4 в готтентотском), словесное музыкальное ударение (3 тона), односложность корней в соединении с суффиксацией, три числа и три грамматических рода позволили установить в Южной Африке готтентото-бушменское семейство языков (сан—язык бушменов, кхои — язык готтентотов, сандаве и киндига)².

На основании наличия уже упомянутых именных классов, неразличения именных и глагольных основ при различии имен и глаголов только при помощи суффиксов, противопоставления глагольных видов (несовершенный, совершенный и зависимый), строго позиционного синтаксиса, использования музыкальных тонов и на основе лексической общности были предприняты попытки объединить различные языки от Судана до Гвинеи в семейство негроафриканских языков, в которое в виде отдельной группы включили и близкородственные языки банту³.

Установление закономерностей развития языков

Нет сомнения в том, что не только перед общим языкознанием, но и перед сравнительно-историческим языкознанием стоит задача установить или определить закономерности развития, изменения и видоизменения языков во всех их составных частях, решить которую можно только на основе сравнительно-исторического метода.

Опыт сравнительно-исторического изучения языков мира позволяет говорить о существовании определенных соотношений в развитии составных частей грамматического строя. Так, например, обеднение морфологии какого-либо языка бывает связано с обогащением его синтаксиса (обычно — в отношении порядка слов, постоянных словосочетаний, появления

¹ Название семейства установилось позже (см. W. B l e e k, Comparative grammar of southafrican languages, London, 1869).

² Относительно так называемых clicks см. R. S t o p a, Die Schnalze, ihre Natur, Entwicklung und Ursprung, Kraków, 1935 и е г о ж е, Die Schnalzlaute im Zusammenhang mit den sonstigen Lautarten der menschlichen Sprache, «Archiv für vergleichende Phonetik», Bd. III, Heft II, Berlin, 1939.

³ Ср. шесть различных классификаций негроафриканских языков у Т. Милевского (T. M i l e w s k i, Zarys językoznawstwa ogólnego, cz. II, zes. 1, Lublin — Kraków, 1948, стр. 108—109).

«грамматических слов»: ср., например, германскую группу языков). Напротив, богатство морфологии (ср., например, санскрит) связано с относительной свободой в области взаиморасположения слов и с отсутствием значительного запаса «грамматических слов».

Развитое внешнее (присуще именно аффиксное) словообразование связано с возможностью сокращения так называемого внутреннего словообразования (т. е. изменения смыслового содержания слов), а следовательно, и нежелательных для языка омонимов.

В области фонетики обилие и разнообразие типов согласных обычно связано с ограниченным кругом гласных (ср., например, картвельскую группу иберийско-кавказских языков, среди индоевропейских языков — армянский язык). Наблюдается и обратное отношение: при разнообразии типов гласных (монофтонги и дифтонги, долгие и краткие гласные, наличие слогового и словесного музыкального ударения) система согласных может быть слабо развитой как в количественном отношении, так и в отношении возможностей их сочетания (ср., например, древнегреческие диалекты, среди неиндоевропейских языков — тибето-китайские языки).

Закон неравномерности темпов развития составных частей языка и, следовательно, изменений путем постепенного накопления элементов нового качества, конечно, может быть установлен и на примере одного языка; но лишь при сравнении с аналогичными фактами развития многих языков, при известном обобщении мы приходим к установлению общих закономерностей развития языков.

До сих пор нам приходилось иметь дело преимущественно с законами, установленными в области фонетики индоевропейских языков. Таковы законы: 1) Я. Гримма о соответствии согласных звуков германских языков согласным прочих индоевропейских языков (первоначально были сопоставлены согласные готского и греческого языков); 2) закон перемещения придыхания Раумера—Грассмана (первый открыл его на материале древнеиндийского, а второй — древнегреческого языка); 3) закон палатализации заднеязычных согласных (Асколи и др.), подтверждающий гипотезу о первоначальном различии качеств простых кратких гласных (а, е, о); 4) закон Вернера, объясняющий исключения из закона Гримма; 5) закон соответствия древнеиндийского краткого *i* краткому *a* прочих древних индоевропейских языков (открытие *shwa primum indoeuropeum*); 6) закон Фортунатова-де Соссюра, определяющий изменение типа ударения в славянских языках; 7) закон Шахматова, также связанный с первоначальным музыкальным словесным ударением славянских языков¹.

Таким образом, большинство так называемых законов до сих пор относилось к области фонетики (в частности, индоевропейских языков); задача заключается теперь в установлении (если так можно выразиться) более широких законов, затрагивающих не только фонетику, но и морфологию, синтаксис, лексикологию.

Определение языка-основы и понимание родства языков

Можем ли мы согласиться с таким определением «индоевропейского языка»: «...мы будем рассматривать... соответствия между различными индоевропейскими языками, отражающие древние общие формы; совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропей-

¹ См. Л. А. Булаховский, Акцентологический закон А. А. Шахматова, сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947.

ским языком»¹? Не ведет ли это определение к признанию непознаваемости индоевропейского языка-основы, к признанию невозможности восстано-вить его хотя бы до некоторой степени?

Признание всех языков смешанными, нежелание отличать в языке существенное от несущественного, признание всех языковых элементов равноценными фактически вело некоторых исследователей к отрицанию родства языков, определенно представленному в таком высказывании, как следующее: «...язык любой романской территории не восходит непосредственно к древнему языку Рима, но возник на основе общего, обыденного языка, которым пользовались в данной области после ее завоевания колонисты и войны, говорившие до этого каждый на своем диалекте»².

Мы не можем не видеть антиисторической основы и таких высказываний, как: «Всякий язык образован из различных источников и даст множество ответов»³.

Этот же исследователь считал так называемую теорию родословного древа языков совершенно устаревшей⁴. Подобный подход лишает язык его качественной характеристики, он должен быть отвергнут нами.

Действительно, в каждом языке могут быть элементы «из различных источников», но эти элементы подчиняются грамматическому строю языка, который всегда является более или менее своеобразным. Кроме того, эти заимствованные, а не унаследованные элементы не составляют основу языка, сущность его специфики.

Можно утверждать, что существование фонетических, морфологических, синтаксических и лексических (или также семантических) изоглосс на известных территориях вовсе не является опровержением исконого родства или отсутствия родства между распространенными на этих территориях языками. «Теория волн» Й. Шмидта только дополняет, но не опровергает «родословное древо» индоевропейских языков А. Шлейхера.

Теория А. Мейс о разделении индоевропейского языка-основы на диалекты только противопоставляет два древнейших состояния этого языка-основы: уже дифференцированный и еще не дифференцированный в отношении диалектов язык. Само собой разумеется, что под диалектами понимают, во-первых, близкородственные языки (например, древнегреческие диалекты) и, во-вторых, территориальные языковые разновидности, сосуществующие с общенародным (письменным и устным) языком (например, диалекты современного нам русского языка).

Необходимо дать ответ на следующий вопрос: могут ли существовать родственные семейства языков подобно тому, как в пределах семейств существуют родственные группы языков? Речь идет о возможности существования более отдаленного родства, чем то, которое объединяет известные нам индоевропейские языки.

Среди зарубежных языковедов были и есть такие, которые дают утвердительный ответ на этот вопрос: Х. Педерсен (автор «ностратической теории»), А. Тромбетти, Г. Мёллер, П. Мериджи, А. Кюни, К. Отран, Я. Хандель, Ст. Младенов и другие. Однако их попытки сближения индоевропейских языков с другими семействами (чаще всего с семитическими языками) не убеждают именно потому, что эти ученые не разли-

¹ А. Мейс, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 81.

² Г. Шухардт, О классификации романских диалектов («Избр. статьи по языкознанию [перевод с немецкого]», М., 1950, стр. 132).

³ Е. Г. же, Происхождение языка (там же, стр. 77).

⁴ См. е. г. же, К вопросу о языковом смешении (там же, стр. 174).

чают в языках наиболее существенного и наименее важного, все составные части языка рассматривают в одной плоскости.

А. Мейе вполне основательно определяет родство языков: «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»¹. Этот язык, «бывший в употреблении раньше», древнейшее состояние родственных языков, язык-основа, язык-источник, язык-предок, праязык, существование которого логически необходимо, входит в само понятие родства языков. Речь идет именно о языке, письменные памятники которого отсутствуют, но не о «системе соответствий». Эта «система соответствий» в области грамматического строя и словарного состава родственных языков является лучшим доказательством дивергентного развития родственных языков и, следовательно, существования их языкоосновы.

Мы не можем без изумления читать в советском учебнике, вышедшем в свет после 1950 г., следующие строки: «Цель сравнения — не языкооснова и восстановление его фактов. Понятие языка-основы прежде всего имеет значение регулятивного принципа (разрядка моя. — А. Б.), объясняющего, каким образом в языках, столь разобщенных, как латинский, русский и индийский (= древнеиндийский, санскрит. — А. Б.), обнаруживаются общие явления в основном словарном фонде и грамматическом строе»².

Что такое «регулятивный принцип»? Едва ли такое неопределенное понятие может существовать в советском языкознании.

Установление соответствий и восстановление фактов

Сравнительно-историческое изучение родственных языков приводит к установлению соответствий между ними, а также к установлению соответствий между отдельными ступенями развития одного и того же языка. Это задачи сравнительно-исторической грамматики, которые с успехом решались до сих пор главным образом в области фонетики; сравнительно-историческое языкознание должно в данном случае обобщить опыт изучения отдельных семейств языков. Это задача сама по себе чрезвычайно трудная и, конечно, многообещающая.

1. Соответствия

Из всех возможных соответствий между родственными языками сравнительно-историческому языкознанию нужны соответствия с исторической перспективой. Из них, действительно, можно сделать наиболее существенные выводы для восстановления языковых фактов. Рассмотрим соответствия разных типов.

Прежде всего сопоставления, основанные на фонетических соответствиях (с учетом смысловой стороны слов и форм слов), следует отличать от сопоставлений, основанных только на звуковом (или графическом!) сходстве (без учета исторических фонетических соответствий, без всякой исторической перспективы). Вот, например, сопоставления, основанные только на внешнем сходстве, из которых нельзя сделать никаких существенных для истории данных языков выводов.

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 50.

² А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 197 (2-е изд. — М., 1953).

Таблица 1

Русский	Болгарский	Русский	Болгарский
1) <i>бороз</i>	<i>бороз</i> «основной»	7) <i>меэдра</i>	<i>меэдра</i> «земельный надел»
2) <i>булка</i>	<i>булка</i> «невеста, невестка»	8) <i>печурка</i>	<i>печурка</i> «шампиньон»
3) <i>варка</i>	<i>варка</i> «лодка»	9) <i>сойка</i>	<i>сойка</i> «складной ножик»
4) <i>горе</i>	<i>горе</i> «вверху, наверху»	10) <i>табак</i>	<i>табак</i> «ножовник»
5) <i>кучка</i>	<i>кучка</i> «собачка»	11) <i>треска</i>	<i>треска</i> «щепка»
6) <i>майка</i>	<i>майка</i> «мать»		

Поставим вопрос и о том, может ли исследователь сделать какие-либо положительные выводы из рассмотрения фонетически и семантически соответствующих друг другу фактов родственных языков, но взятых не во всей их совокупности, а в какой-нибудь одной части? Таким сопоставлением приходится, например, удовлетворяться исследователю, если перед ним окажутся отдельные факты (а не парадигмы и не сложные контексты) какого-либо во всех других отношениях не известного ему языка. Отсюда понятно, что при попытках классифицировать в генеалогическом отношении недостаточно известные языки возможны досадные промахи, в которых менее всего виноват сравнительно-исторический метод. Сопоставим следующие слова разных языков:

Таблица 2

1) франц. <i>école</i>	нем. <i>Schule</i>
2) франц. <i>encre</i>	англ. <i>ink</i>
3) франц. <i>papier</i>	исп. <i>papel</i>
4) франц. <i>église</i>	португ. <i>igreja</i>
5) франц. <i>évêque</i>	нем. <i>Bischof</i>
6) португ. <i>diabo</i>	нем. <i>Teufel</i>
7) ирл. <i>casc</i>	франц. <i>pâque</i>
8) нем. <i>Pferd</i>	франц. <i>palefroi</i>
9) алб. <i>shtëpi</i>	новогреч. σπίτι
10) португ. <i>cidade</i>	катал. <i>ciutat</i>

Можно ли на основании простого сопоставления этих слов восстановить прототип каждого? Можно ли расположить их в порядке относительной хронологии (выяснить, какое является более древним, а какое более новым)? В большинстве случаев это невозможно без обращения к документальной истории каждого языка.

Относительно № 1 мы можем сказать, что прототип должен был содержать звук *-l-* и иметь не меньше двух слогов; № 2 содержал сочетание согласных *-nk-*; № 3 имел начало *pap-*; № 4 содержал сочетание согласных после начального гласного *-gl-* или *-gr-*; № 5 содержал согласный *-b-* или *-v-*; № 6 содержал согласные *-d-* или *-t-*, *-b-* или *-f-*; № 7 начинался каким-то смычным согласным, имел гласный *-a-* и сочетание согласных, в котором был *-k-*; № 8 начинался согласным типа *-p-* и содержал согласный *-r-*; № 9 содержал начальный *-s-* или *-j-* и согласные *-p-* и *-t-* в неизвестной последовательности; № 10 начинался согласным типа *-s-* и содержал разделенные гласным *-a-* два зубных *-d-* или *-t-*... Вот пределы возможного приближения к истине. Как видно, отсюда еще далеко до следующих слов: греч. *σχολή*, *ἐγκλιστε*, *πίπυρος*, *ἐκκλησία*, *ἐπίσκοπος*, *διάβολος*, *πάσχα*, галло-лат. *paraveredus*, лат. *hospitium*, лат. (вин. падеж) *civitatem*, более близких к прототицу рассмотренных выше слов.

Только система установленных в исторической перспективе фонетических соответствий позволяет нам говорить, что в следующих примерах мы имеем дело с унаследованными от древнейшего состояния вариантами слов, несмотря на их заметные фонетические различия:

Таблица 3

1) лат. <i>quinque</i>	греч. πέντε («пять») *penkwe
2) лат. <i>pes</i>	голл. voet («пога») *p $\frac{e}{o}$ d-
3) лат. <i>auris</i>	русск. ухо (ср. польск. ucho) *ows-
4) лит. <i>akì</i>	греч. ὄσσε («два глаза») *okw-
5) англ. <i>sweet</i>	греч. ἴδύς («сладкий») *swa: d-
6) латыш. <i>zoss</i>	греч. χήν («гусь») *ghans-
7) гот. <i>swaihrô</i>	греч. ἔκυρά («свекровь») *sw $\frac{e}{o}$ ku-r-
8) польск. <i>córka</i>	греч. θυγάτηρ («дочь») *dhughā-te: r-
9) русск. <i>сон</i>	греч. ὕπνος («сон») *sw $\frac{e}{o}$ p-n-
10) осет. <i>фыд</i>	арм. հայր («отец») *pā-te: r-

Следовательно, для сравнительно-исторического языкознания важны не отдельные соответствия между языками, а установленная с учетом фонетических изменений система соответствий.

2. Восстановления

Вполне естественно, что не все индоевропейские языки представляют одинаково ценный материал для восстановления основных вех развития грамматического строя. В одних оказывается больше следов старины, в других меньше. Возьмем для примера одну весьма важную в грамматическом строе этих языков парадигму — настоящее время изъявительного наклонения глагола «быть» (ср. санскр. *bhaviim*, ст.-слав. *быти*, лит. *būti*, латыш. *būt*, др.-греч. φέσθαι, лат. *fuisse* и пр.).

Наиболее древние формы сохранились в следующих языках:

Таблица 4

Хет. клин.	Санскр.	Авест.	Ст.-лит.
Ед. число			
1-е лицо <i>esmi</i>	<i>asmi</i>	<i>ahmi</i>	<i>esmi</i>
2-е лицо —	<i>asi</i>	<i>ahi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо <i>eszi</i>	<i>asti</i>	<i>asti</i>	<i>esti(i)</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>esweni</i>	<i>smaḥ</i>	<i>mahi</i>	<i>esmē</i>
2-е лицо <i>esteni</i>	<i>stha</i>	<i>sta</i>	<i>estē</i>
3-е лицо <i>asanzī</i>	<i>santi</i>	<i>henti</i>	<i>(est)</i>
Ст.-слав.			
Др.-греч.			
Лат.			
Гот.			
Ед. число			
1-е лицо <i>єсмь</i>	<i>εἶμι</i>	<i>sum</i>	<i>im</i>
2-е лицо <i>єси</i>	<i>εἶ</i>	<i>es</i>	<i>is</i>
3-е лицо <i>єсть</i>	<i>εἶσι(ν)</i>	<i>est</i>	<i>ist</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>єсмь</i>	<i>εἰμέν</i>	<i>sumus</i>	<i>(sijum)</i>
2-е лицо <i>єсте</i>	<i>εἶστε</i>	<i>estis</i>	<i>(sijud)</i>
3-е лицо <i>єуть</i>	<i>εἶσι(ν)</i>	<i>sunt</i>	<i>sind</i>

Они дают материал для восстановления древнейших предполагаемых форм:

Ед. число		Мн. число
1-е лицо	* <i>esmi</i>	*(<i>e</i>) <i>sm</i> $\frac{e}{o}$ (<i>s</i>)
2-е лицо	* <i>essi</i>	*(<i>e</i>) <i>ste</i> (<i>s</i>)
3-е лицо	* <i>esti</i>	*(<i>e</i>) <i>snti</i>

Здесь, однако, остаются нерешенными некоторые вопросы (например, является ли первичным *w* вместо *m* в форме *ewse*(*ni*): *eswe* < *esme*- или *eswe* > *esme*-, является ли первичным *th* вместо *t* в форме *stha*; были ли начальные неударные *e* в двойственном и во множественном числе только редуцированы, или вовсе отсутствовали; был ли обязательным или факультативным конечный *s*; насколько обязательными при различных формах были энклитические частицы вроде хет. клин.-*ni*; ср. аттич. ἐστίν с дорич. ἐστίνс).

Для каждой группы упомянутых здесь индоевропейских языков характерны некоторые новшества. Так, например, для анатолийской группы (хет. клин.): *-zi* вместо первичного *-ti*, отсутствие двойственного числа; для индо-иранской группы: *a-* вместо первичного *e-* (а для иранской подгруппы еще переход в известных положениях *s* > *h*); для балтийской группы: утрата формы 3-го лица в двойственном и во множественном числе за счет распространения формы 3-го лица единственного числа, а затем полное исчезновение первичной формы 3-го лица (ср. новолит. *yrà*, латыш. *ir*); для славянской группы: иотация начального *e*, личные окончания (в старославянском) *-tŭ* 3-го лица единственного и множественного числа, переход *i* > *ь*, *ŭ* > *ѡ*; для греческой группы: исчезновение *s* в начале слов и между гласными и его регрессивная ассимиляция (ср. лешб. ἐμί, дорич. ἦμι, аттич. εἶμι наряду с гот. *im*, ирл. *amm*, арм. *jem*, алб. *jam*), переход первичного *-nt-* > *-ns-* > *-s-* (с количественным и качественным изменением предшествующего гласного); ср. **sewa* > ἐντι > ἐντι > аттич. εἶσι; для латинского языка: отсутствие конечного *i*, новообразования в первом лице *sum* и *sumus* (ср. *sunt*), отсутствие двойственного числа; для германской группы: *i* вместо первичного *e*, отсутствие конечного *i*, озвончение (в готском) *t* после *n* (**sint* > *sind*), замена в 1-м и 2-м лице множественного числа форм изъявительного формами желательного наклонения (ср. в старославянском *кѣтъ* вместо *кѣтъ* и *сѣтъ* вместо *сѣтъ* наряду с формами повелительного наклонения: санскр. 3-е лицо *astu* — *santu*).

Если бы упомянутые здесь формы не сохранились, даже такое поверхностное проникновение в древнейшее документально не засвидетельствованное состояние индоевропейских языков, которое основано на сравнении форм и установлении их предполагаемого первичного вида, было бы невозможным.

Анатолийская группа индоевропейских языков так же, как «тохарская» (и, возможно, некоторые другие), исчезла. В индийской группе (или индийской подгруппе индо-иранской группы) произошли весьма существенные изменения во всем грамматическом строе. В результате этих изменений вместо форм с корнем **es-* выдвинулись формы синонимичного глагола *bhavāmi* «бываю». Так, например, в западном хинди, урду и хиндустани образовались формы (см. табл. 5).

В иранских языках, несмотря на все значительные изменения, следы древних форм сохранились. Так, например, в новоперсидском имеются самостоятельные и энклитические формы глагола «быть» [*bu:dæen*] (см. табл. 6).

Таблица 5

	Санскрит	Хиндустанѣ
Ед. число		
1-е лицо	<i>bhavāmi</i>	[(māi) hu:] ¹
2-е лицо	<i>bhavasi</i>	[(tu:) hai]
3-е лицо	<i>bhavati</i>	[(wah) hai]
Мн. число		
1-е лицо	<i>bhavāmah</i>	[(ham) hāi]
2-е лицо	<i>bhavatha</i>	[(tum) ho:]
3-е лицо	<i>bhavanti</i>	[(we:) hāi]

¹ В квадратных скобках примеры даются в фонетической транскрипции (МФА).

Энклитические формы происходят от древних форм настоящего времени, а самостоятельные формы являются новообразованиями, в которых основа — это форма 3-го лица единственного числа, а личные окончания (кроме 3-го лица единственного числа) — энклитические формы. Следовательно, в этих парадигмах лучше всего сохранилось именно 3-е лицо единственного числа (др.-перс. клин. *aštiy*, авест. *asti*).

Сравнительно со старолитовским новолитовский и латышский видоизменили рассматриваемую парадигму, причем не сохранились именно формы 3-го лица всех трех чисел (см. табл. 7).

Таблица 6

	Самостоятельные	Энклитические
Ед. число		
1-е лицо	['hæstæm]	[-æm]
2-е лицо	['hæsti:]	[-i:]
3-е лицо	['hæst]	[-æst]
Мн. число		
1-е лицо	['hæsti: m]	[-i: m]
2-е лицо	['hæsti: d]	[-j: d]
3-е лицо	['hæstænd]	[-ænd]

Таблица 7

	Новолитовский	Латышский
Ед. число		
1-е лицо	<i>esù</i>	<i>esmu</i>
2-е лицо	<i>esi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>
Мн. число		
1-е лицо	<i>šsame</i>	<i>esam</i>
2-е лицо	<i>šsate</i>	<i>esat</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>

Личное окончание *-и* проникло в эту парадигму (атематических глаголов) из другой (тематических глаголов), ставшей преобладающей, например, лит. *vedù* «веду», *stóviu* «стою», *žinaù* «знаю», а нынешнее 3-е лицо всех трех чисел — неглагольного происхождения (ср. тоже в греч.: наречие *ἐν*).

В славянской группе происхождение новых форм также (ср. иранскую подгруппу) связано с разделением форм на два вида: самостоятельные и энклитические. В одних славянских языках имеются различные самостоятельные и энклитические формы (например, сербский), в других — прежние энклитические стали самостоятельными (чешский, болгарский), в третьих — прежняя парадигма подверглась перестройке на новой основе (польский), наконец, в четвертых — все прежние формы вышли из употребления, кроме 3-го лица единственного числа (русский, украинский, белорусский).

Таблица 8

	Чешский	Польский	Сербский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>jsm</i>	<i>jestem</i>	<i>јесам, сам</i>
2-е лицо	<i>jsi</i>	<i>jesteś</i>	<i>јеси, си</i>
3-е лицо	<i>je, jest</i>	<i>jest</i>	<i>је</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>jsme</i>	<i>jesteśmy</i>	<i>јесмо, смо</i>
2-е лицо	<i>jsie</i>	<i>jesteście</i>	<i>јесте, сте</i>
3-е лицо	<i>jsou</i>	<i>są</i>	<i>јесу, су</i>

	Болгарский	Русский
	Ед. число	
1-е лицо	<i>съм</i>	<i>есть</i> (безразлично
2-е лицо	<i>си</i>	<i>или для всех</i>
3-е лицо	<i>е</i>	<i>лиц и чисел¹⁾</i>)
	Мн. число	
1-е лицо	<i>сме</i>	
2-е лицо	<i>сте</i>	
3-е лицо	<i>са</i>	

¹ Ср. *у меня есть, у тебя есть, у него есть* и т. д.; окончательное исчезновение всех прежних форм настоящего времени и распространение типа предложений с именным сказуемым; употребление новых вспомогательных глаголов: *бываю, нахожусь, являюсь, представляю* и т. п.

Однако одной формы *есть* достаточно для установления ее «индо-европейского» характера (корень **es-* и окончание **-ti*).

Нельзя пройти мимо параллелизма, который обнаруживается в развитии самостоятельных форм этой парадигмы в современных польском и персидском языках (см. табл. 5 и 8). Как видно отсюда, персидский язык зашел в перестройке прежней парадигмы несколько дальше, чем польский. В этом последнем еще сохранилась древняя форма 3-го лица множественного числа (ст.-слав *схтъ*).

Разительные перемены произошли с этой парадигмой в греческом языке. Современный нам новогреческий литературный язык (*ἡ δημοτικὴ γλῶσσα*) вовсе утратил древнегреческие формы. Здесь изменение парадигмы началось с 3-го лица единственного числа: *ἔμι* вместо *ἔσσι(ν)*. После исчезновения в разговорном языке прежних атематических глаголов (спряжение с окончанием *-μι*) 1-е и 2-е лицо единственного и множественного чисел перестроились по образцу медиопассивного спряжения. 3-е лицо единственного и множественного числа [*'iπe*] оказалось без личного окончания, а новой основой всех прочих лиц стала подударная фонема [*i*]:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[ʼime]	[ʼimaste]
2-е лицо	[ʼise]	[ʼiste]
3-е лицо	[ʼine]	[ʼine] ¹

Напротив, в цаконском диалекте (вернее, языке) сохранились некоторые древние личные окончания, но вся парадигма оказалась перестроенной:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[ʼeni]	[ʼeme]
2-е лицо	[ʼesi]	[ʼethe]
3-е лицо	[ʼeni]	[ʼini]

Эти новые парадигмы так же далеки от древней восстанавливаемой парадигмы, как, например, староирландская (ирская) парадигма:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>amm</i> ‡	<i>ammi</i>
2-е лицо	<i>at</i>	<i>adib</i>
3-е лицо	<i>is, (as)</i>	<i>it (at)</i>

или современная нам армянская:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jem</i>	<i>jenkh</i>
2-е лицо	<i>jes</i>	<i>jekh</i>
3-е лицо	<i>e</i>	<i>jen</i>

Парадигму современного албанского языка (тоскский диалект) можно считать более архаичной, так как в ней сохраняется, несмотря на фонетические видоизменения, древняя форма 3-го лица единственного числа:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jam</i>	<i>jemi</i>
2-е лицо	<i>je</i>	<i>jeni</i>
3-е лицо	<i>është</i>	<i>janë</i>

Рассмотренная нами парадигма принадлежит к числу наиболее замечательных остатков древнейшего состояния глагола в индоевропейских языках. Она дает нам возможность не только найти древний корень (**es*), но и древние личные окончания глаголов (**mi*, *-si*, *-ti*, *-m^e_o-*, *-te-*, *-nti*).

Подобное же соединение корней одного и того же происхождения с древними личными окончаниями находим в индоевропейских языках и в других случаях, и оно является неоспоримым доказательством их родства.

Так, для установления древнего корня **bher-* может служить сравнение следующих парадигм:

¹ См. Hubert Pernot, L'indicatif présent du verbe être en Néo-Grec, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. IX, 1896, стр. 1—23.

Таблица 9

	Санскр.	Авест.	Ст.-слав.	Др.-греч.
Ед. число				
1-е лицо	<i>bharāmi</i>	<i>barā(mi)</i>	<i>берѪ</i>	φέρω
2-е лицо	<i>bharasi</i>	<i>barahi</i>	<i>берешу</i>	φέρεις
3-е лицо	<i>bharati</i>	<i>baraiti</i>	<i>береть</i>	φέρει
Мн. число				
1-е лицо	<i>bharāmaḥ</i>	<i>baramahi</i>	<i>беремъ</i>	φέρομεν
2-е лицо	<i>bharatha</i>	<i>barata</i>	<i>берете</i>	φέρετε
3-е лицо	<i>bharanti</i>	<i>barenti</i>	<i>берѪтъ</i>	φέρουσι(ν)
	Лат.	Гот.	Ст.-прл.	Др.-арм.
Ед. число				
1-е лицо	<i>fero</i> ¹	<i>baira</i>	<i>berimm</i>	<i>berem</i>
2-е лицо	<i>fers</i>	<i>bairis</i>	<i>beri</i>	<i>beres</i>
3-е лицо	<i>fert</i>	<i>bairiþ</i>	<i>berid</i>	<i>berē</i>
Мн. число				
1-е лицо	<i>ferimus</i>	<i>bairam</i>	<i>berimme</i>	<i>beremkh</i>
2-е лицо	<i>fertis</i>	<i>bairiþ</i>	<i>berthe</i>	<i>berekh</i>
3-е лицо	<i>ferunt</i>	<i>bairand</i>	<i>berit</i>	<i>beren</i>

¹ В этом латинском глаголе наблюдается появление вторичных атематических форм во 2-м лице единственного и множественного числа, в 3-м лице единственного числа.

Таким образом, необходимо учитывать, что производимые в сравнительно-исторических исследованиях восстановления различного рода далеко не равноценны. В связи с этим ясно, что задачей сравнительно-исторического языкознания является определение тех условий, при которых восстановление будет наиболее ценным.

Грамматическая аналогия и заимствования

Подчиняются ли каким-либо законам те изменения элементов грамматического строя и лексики языков, которые обусловлены взаимодействием составных частей языка (грамматическая аналогия и лексическая контаминация) и взаимодействием диалектов и различных языков (лексические заимствования, лексические и фразеологические кальки)?

Хотя мы не можем признать такого рода изменения случайными и исследователи до сих пор систематически занимались их учетом, коллекционирование фактов пока что не дало возможности сделать другие выводы, кроме выводов о необходимости при изучении изменений учитывать названные процессы.

В отношении грамматической аналогии приходится удовлетворяться признанием того, что сама аналогия — это проявление одного из за-

конов развития языков, скажем, закона взаимодействия составных частей языка, в частности взаимодействия смежных парадигм. Здесь бывают вполне удовлетворительные объяснения, однако не идущие дальше простых констатаций.

Так, например, при сравнении форм 2-го лица единственного числа ст.-слав. *даси*, укр. *даси* и русск. *дашь* мы можем указать, что появление в русском языке формы *дашь* связано с воздействием форм типа *знаешь*, *хочешь*, но почему воздействие это обнаруживается только во 2-м лице единственного числа, а в 1-м лице при *знаю* остается форма *дам* — мы объяснить не можем, как не можем объяснить, почему архаический тип образования форм данного глагола сохранился в украинском языке лучше, чем в русском.

Следующая таблица показывает, наоборот, наличие больших новшеств в украинском языке, далее продвинувшемся по пути аналогии.

Таблица 10

	Старославянский	Русский	Украинский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>хоштѣ</i>	<i>хочу</i>	<i>хочу</i>
2-е лицо	<i>хоштеши</i>	<i>хочешь</i>	<i>хочеш</i>
3-е лицо	<i>хоштеть</i>	<i>хочет</i>	<i>хоче</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>хоштемъ</i>	<i>хотим</i>	<i>хочемо</i>
2-е лицо	<i>хоштете</i>	<i>хотите</i>	<i>хочете</i>
3-е лицо	<i>хотятъ</i>	<i>хотят</i>	<i>хочутъ</i>

Хотя наряду с этим в области склонения украинский язык может показаться относительно более архаичным:

Таблица 11

	Старославянский	Украинский	Русский
Им.	<i>рабъ сынъ</i>	<i>раб син</i>	<i>раб сын</i>
Род.	<i>раба сыноу</i>	<i>раба сина</i>	<i>раба сына</i>
Дат.	<i>рабоу сынови</i>	<i>рабові синові</i>	<i>рабу сыну</i>

Но в следующем примере относительно более архаичным оказывается русское склонение:

Таблица 12

	Старославянский	Русский	Украинский
Им.	<i>любы</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>
Род.	<i>любвѣ</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>
Дат.	<i>любви</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>
Вин.	<i>любвѣ</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>

Почему наряду со ст.-слав. *тебѣ* (дат. падеж) — *тобоѣ* (твор. падеж) и русск. *тебе* — *тобой* в украинском имеем *тобі* — *тобою*? Почему на основе старославянских наречий *како* — *яко* в русском возникло *как*, а в украинском *як*?

Гораздо легче ответить, учитывая определенные исторические предпосылки, на некоторые подобные же вопросы относительно заимствований. Если бы нас спросили, например, почему в русском языке наряду с *один* и пр. существует *единица* и пр., а в украинском последовательно *один* — *одиниця*, почему в русском наряду с существительным *солод* находим прилагательное *сладкий*, а в украинском *солод* — *солодкий*, в русском наряду с *бытие* — *бытьё*, а в украинском только *буття* и т. д., то ответ был бы простой: в русском литературном языке были более благоприятные условия для сохранения так называемых церковнославянизмов.

Нет сомнения в том, что изучение грамматической аналогии и заимствований, возникающих при взаимодействии языков, составляет одну из существенных задач сравнительно-исторического языкознания, а не только исторической грамматики какого-либо одного языка.

Относительная хронология

Вопрос о так называемых недостатках сравнительно-исторического метода в целом не рассматривается в данной статье, но в связи с рассмотрением задач сравнительно-исторического изучения языков нельзя не сказать об одном из этих недостатков, а именно, о пока что неизбежном субъективизме при расположении фактов в порядке относительной хронологии. При сравнении, например, парадигм склонения в древнеиндийском языке (*manuṣyaḥ*) и хеттском клинописном (*antuhzas*), на основании значительного разнообразия чисел и падежей в первом (три числа, восемь различных падежей в единственном числе, три различных падежа в двойственном числе, шесть различных падежей во множественном числе) и скудости во втором (два числа, четыре-пять различных падежей в единственном числе, два-три различных падежа во множественном числе) одинаково можно сделать допущение о большей древности как древнеиндийского склонения, так и хеттского, так как не всегда то, что представляется простым, непременно бывает первичным. То же самое можно сказать, например, о системах спряжения в различных группах индоевропейских языков. Можно ли утверждать, что система спряжения в аттическом диалекте классической эпохи была более архаичной, чем в латинском языке той же эпохи? Даже на этот вопрос в современном нам языкознании даются прямо противоположные ответы¹.

При определении взаимоотношений хеттского клинописного языка (или вообще анатолийской группы языков) и прочих индоевропейских языков главная трудность заключается именно в относительной хронологии. Легче всего располагать факты в порядке относительной хронологии, если мы имеем дело с фонетическими изменениями в пределах известных морфем. При сравнении хетт. клин. *pahhur* «огонь» с греч. πῦρ «огонь» мы не сомневаемся, что более архаической можно признать хеттскую клинописную форму этого слова. Точно так же при сравнении лит. *gỹsla* и русск. *жила* мы признаем более архаической первую форму данного слова.

¹ Ср. по вопросу о новообразованиях в греческом и в санскрите статью И. М. Троицкого о «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании» (сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», ч. I, Л., 1952).

Применение сравнительно-исторического метода в лексикологии

Настало время выяснить, можно ли с таким же успехом, как в области фонетики, применять сравнительно-исторический метод в области лексикологии?

Гениальный русский ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов свою догадку о родстве индоевропейских языков основывал на лексических сопоставлениях известных ему языков¹. Лексическими сопоставлениями и установлением на их основе фонетических соответствий приходится ограничиваться при изучении языков так называемого «корневого» или безаффиксного типа. В истории изучения индоевропейских языков лексика использовалась для восстановления культуры племени или племен, говоривших на предполагаемом общеиндоевропейском языке, и для выяснения их территориального распространения. До сих пор сравнительно-историческое изучение лексики различных языковых семейств недостаточно служило установлению законов развития (в данном случае — развития понятий, выраженных средствами различных языков).

Из определения слова как исторически сложившегося диалектического единства звуковой формы и смыслового содержания надо сделать вывод о том, что нелепо ставить вопрос о первенстве фонетики над семантикой или семантики над фонетикой. Однако нет сомнения в том, что исследователю в кропотливой работе по восстановлению фактов всегда легче опираться на фонетические соответствия между родственными языками, чем на возможные связи понятий.

Сравнительно-исторический метод следует применять не только в области фонетики, морфологии и синтаксиса, но и в области лексикологии. К лексикологии мы относим как наиболее важную часть семантику (семасиологию). Изучение отдельных слов на основе сравнительно-исторического метода делает лексикологию равноправной (не сразу, конечно!) с фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Сравнительно-историческое изучение смысловой стороны слов еще не производилось в достаточно широких масштабах. Здесь уже давно необходим синтез сделанного в отношении отдельных языков, групп и семейств языков. Наши советские языковеды должны покончить не только с «палеонтологической» (в отличие от необходимой нам исторической) семантикой, которую пытался изобрести Н. Я. Марр, но и с проявлениями агностицизма в области семантики (мол, нельзя установить законов развития слов, соответственно понятий²).

Мы не считаем, что эмпирическая стадия, т. е. время накопления фактического материала (еще без обобщений), здесь уже пройдена. Достаточно заглянуть в какой-нибудь очерк предполагаемых основ семантики, чтобы убедиться, каким скудным материалом оперируют авторы подобных очерков.

В этой области мы добьемся успехов, если согласимся относительно следующего: и тут можно установить, несмотря на значительные трудности, связанные с исключительным разнообразием материала, свои закономерности на основе материалистической диалектики и сравнительно-исторического метода. Здесь надо изучать связи понятий (ассоциацию

¹ См. П. С. Кузнецов, О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания, «Ученые записки [МГУ]», вып. 150 — Русский язык, 1952.

² Само собой разумеется, что понятий в каждом языке несравненно больше, чем слов, потому что понятия выражаются не только словами (грамматические понятия — также формами слов), но и сочетаниями слов.

идей) на разных ступенях развития общества и различные способы выражения понятий.

Нам, живущим в социалистическом обществе, уже не представляется естественной связь понятий «работать, трудиться» и «страдать, мучиться, горевать, бедствовать». Однако такая связь была вполне естественной для антагонистического классового общества, и мы, как известно, находим ее во многих языках. Достаточно упомянуть др.-греч. *πενεσθαι* «работать, трудиться», *πενυς* «бедняк», *πενυρός* «бедный», *πένος* «труд, работа; нужда; беда; несчастье; страдание, горе; боль; болезнь», *πενεῖν* «работать, трудиться; страдать, мучиться; болеть», лат. *labor* «труд, работа; нужда, бедствие, страдание» и *laborare* «работать, трудиться; бедствовать; страдать; болеть», др.-русск. *трьдѣ, трѣдѣ* «работа; старание; трудность; забота, беспокойство; страдание; скорбь, горе; боль, болезнь, недуг», *трудоушце* «болезнь», *трудоуатый* «больной», *трудоуатица* «больница», *трудоуиися* «работать; стараться; заботиться; страдать; подвергаться опасности», *трудоуимый* «тяжелый; затруднительный; опасный; утомленный; печальный», *трудоуидати* и *трудоуидати* «удручать», *трудоуидати* и *трудоуидати* «работать; заботиться; изнуряться; мучиться; страдать», латыш. *strādāt* «работать; заниматься», *strādība* «трудолюбие», *strādīgs* «трудолюбивый», *strādnieks* «рабочий, работник» и русские *страдать, страда, страдание*, ст.-слав. *мѣка* «мѣка», *мѣчити* «мучить», *мѣченик* «мучение» и рум. *muncă* «работа, труд, дело», *muncesc* «работаю, тружусь; пытаю, мучаю», *muncitor* «рабочий, работник», венг. *munka* «работа», *munkás* «рабочий, работник».

Показательными в том же смысле являются русск. *раб(ѣ)* «невольник» и *работа, работати* «работать», укр. *раб* и *робота*, польск. *robota*, болг. *раб* и *робота*, серб. *роб*, венг. *rab, rabszolga* «раб, пленник» (ср. *szolga* «слуга», *szolgálni* «служить»), рум. *rob* «раб», алб. *rob* «раб», *rolëroj* «беру в плен, порабащаю», *rolëruar* «взятый в плен, пленный». Эти примеры указывают на первоначально бесправное положение «производителя материальных благ». Полную аналогию нашему *раб — работа, работаю* представляет греч. *δούλος* в древности «раб», затем «слуга» — *δουλεῖα* «рабство; труд раба» > *δουλεῖα*, «работа, дело», *δουλεῖω* «нахожусь в рабстве, тружусь как раб» > «работаю, тружусь»¹.

Изучение языковых фактов показывает нам, что связь между понятиями «птица» и «летать», «лететь» многократно встречается в различных языках. Как известно, в русск. *птица, птенец, птичка* и т. п. представлен тот же корень, что и в др.-греч. *πέτεσθαι, πτεῖναι* «летать, лететь» и *πτερόν* «птица»; ср. еще латыш. *putns* «птица», др.-ирл. *én* (<*petn). То же находим в арм. [thr: th]e[] «летать, лететь» и [thr: th]un «птица», в груз. [vphrinav] «лечу, летаю», [phrepa] «летать, лететь» и [phrinveli] «птица», в фин. (суоми) *lentää, lennän* «летать, лечу» и *lintun, linnun* «птица», род. падеж «птицы».

Однако мы не находим такой, казалось бы возможной, связи между понятиями «рыба» и «плыть, плавать». Напротив, можно найти, хотя и не часто встречающуюся, связь между понятием «плыть, плавать» и названиями водоплавающих птиц.

Без знания древней «космогонии» трудно согласиться с возможностью существования связи между понятиями «камень» и «небо». Однако такая связь существовала еще в древнеиндийском языке: *asmân* значило «каменная глыба, камень» и «небо»; ср. древнюю форму местного падежа

¹ Ср. Я. А. Ленцмап, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2.

aśman «на небе», *aśmanāu* «небо и земля» (дв. число), *aśmanmayah* «каменный», *aśnaḥ* «камень», авест. *asman-*, *asma-* также «камень» и «небо», ново-перс. [*aseman*, (*asman*)] «небо», лит. *akmiù*, род. падеж *akmėns* «камень», латыш. *akmens* (то же), др.-греч. ἄκμων «наковальня», ст.-слав. *камы*, род. падеж *камене*, русск. *камень*.

О существовании такой связи говорит также известный библейский рассказ из «Книги бытия» (гл. I, стр. 7—8): «καὶ ἐπέλεξε ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανοῦ»; ср. «vocavitque deus firmamentum, caelum». Эту же связь можно найти в «Калевале» (руна 10, ст. 279).

В древнеиндийском языке обнаруживается связь понятия «вода» (ср. др.-инд. *udan-*, *udam*, *udakam*, ср. лат. *unda*, греч. ὕδωρ, род. падеж ὕδατος, лит. *vanduò*, род. падеж *vandėns*, латыш. *ūdens*, гот. *watô*, род. падеж *watins* и пр.) с понятием «течь, струиться» (ср. др.-инд. *unadmi*, *undmaḥ*, отглагольные прилагательные *unnah*, *utlah*).

Понятие «женщина» в индоевропейских языках (ср. санскр. *gnā* и *janiḥ*, *janī*, авест. *genā*, *γνᾶ* и *jaini-*, ново-перс. [*zæp*], арм. [*kin*], мн. число [*kanaikh*], греч. γυνή, (мн. число γυναικες, боот. βανᾶ, др.-ирл. *ben*, род. падеж *tná*, гот. *qinô* и *qēns*, англо-сакс. *swēn*, ст.-слав. *жена* и пр.) было связано с понятием «рождать, родить» (ср. санскр. непереход. *jāyê*, *jajāna*, *jajrê* и переход. *janayāmi*, греч. γίγνεται и γέννᾶν, лат. *gignere*, *genuisse*, *nasci*, *natum esse*, также лит. *gemù*, *gimti*, *gimdýti* и *žmonā*).

Связь понятий «рука» (кисть руки) и «хватать, брать», «собирать» прослеживается на таких примерах: гот. *handus*, англо-сакс. *hand*, *hond*, др.-верх.-нем. *hant* и пр. наряду с лат. *prehendō*, *prehendī*, *prehensum* и *prehensō*, греч. χερᾶν, ἔχου, κέρουδα, χείρομαι, ст.-слав. *рѣка*, русск. *рука*, латыш. *roka*, лит. *rankā* наряду с лит. *renkù*, *rinkti* «собираю, собирать», ср. *susirinkti* «собираться», *susirinkimas* «собрание» и пр.

Сравнение числительных первого десятка в индоевропейских языках подтверждает их родство, их происхождение, позволяет установить определенные фонетические и отчасти морфологические соответствия, а также расположить формы числительных отдельных языков в некотором относительном хронологическом порядке. На этом основании возможны некоторые восстановления. Однако «внутренняя форма» или «этимологическая структура» всех этих числительных остается нераскрытой.

Сравнение санскр. *panca(n)*, др.-перс. *panca*, новоперс. [*rændʒ*], арм. [*hing*], греч. πέντε, эол. πέμπε, ст.-слав. *пять*, лит. *penkì*, латыш. *pieci*, гот. *fimf*, лат. *quinque*, ирл. *coic* и др. дает возможность на основании соответствий восстановить форму **penk'we*.

Напротив, в австронезийских языках числительное «пять»: малайск. *lima*, сумба *lima*, фиджи *lima*, самао *lima*, гавай *lima*, маори *rima*, таити *rima* («рука» и «пять») — своей связью со словом «рука (кисть руки)» обнаруживает свою этимологическую структуру. Такое развитие понятий в области числительных подтверждается на примерах из многих других языков¹.

Наряду с этим числительное «один» представлено в различных языках различными синонимами (например, слав. *ѣдинъ*, лит. *vienas*, гот. *ains*, лат. *ūnus*, санскр. *ēkaḥ* и др.), что служит свидетельством в пользу существования в древнейшую эпоху нескольких синонимов для этого названия.

Таким образом, мы можем утверждать, что указанная этимологическая структура числительного «пять» в океанских языках является наи-

¹ См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I — Статьи по антропологии и этнографии, М.—Л., 1951, стр. 176.

более архаической. Это, конечно, еще не дает нам права настаивать на том, что дело не могло обстоять иначе с индоевропейским **penkʷe*. При отсутствии связей за пределами числительных эта индоевропейская форма остается этимологически непроницаемой.

Задачи, выдвигаемые в связи со сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков

Само собой разумеется, что здесь придется ограничиться только упоминанием некоторых задач, таких, как, например, пересмотр основ сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков в связи с открытием новой анатолийской группы этих языков, выяснение состоятельности так называемой ларингальной гипотезы, определение фонетического строения морфем (в частности, корней), изучение развития основ (в связи с вопросом о продуктивности древних суффиксов), выяснение происхождения флексии, а также грамматического рода, изучение развития словесного ударения, применение сравнительно-исторического метода в области синтаксиса, выделение наиболее существенных составных частей грамматического строя индоевропейских языков, определение пережитков древнейшего состояния среди этих составных частей.

*

1. Открытие в 1915 г. Б. Грозным новой группы индоевропейских языков (анатолийской) могло бы произвести переворот в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков¹. Однако выдвинутая Э. Х. Стертевантом «индо-хеттская» теория, согласно которой индоевропейский язык-основа и анатолийская группа языков были двумя ветвями еще более древнего индо-хеттского языка-основы, оказалась построенной на очень непрочном фундаменте².

В связи с этим данные неситского или клинописного хеттского языка, несмотря на все несоответствия графики фонетике, могли быть использованы лишь для подтверждения новыми фактами уже раньше высказанных гипотез (например, о наличии на одной из доисторических ступеней развития индоевропейского языка-основы фарингальных или ларингальных звуков, впоследствии исчезнувших, но оставивших рефлексии в виде различных качеств *a*, *e*, *o* основного гласного *e*, удлинения первоначально коротких гласных, так называемых протетических, и тематического гласного). Выводы Э. Х. Стертеванта относительно архаического характера грамматического строя клинописного хеттского языка³ не пользуются общим признанием в зарубежном языковедении.

Тем нашим ученым, которые займутся подведением итогов в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, надо будет дать обстоятельный анализ этих выводов. Самым значительным достижением в деле сравнительно-исторического изучения неситского

¹ См. F r. H r o z n ý, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1916—1917. О хеттском языке см.: И. Ф р и д р и х, Краткая грамматика хеттского языка, перевод с немецкого, вступ. статья А. Десницкой, М., 1952; А. В. Д е с н и ц к а я, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, ВЯ, 1952, № 4.

² См. E. H. S t u r t e v a n t, A comparative grammar of the hittite language, Philadelphia, 1933 (2-d ed.—1951).

³ См.: E. H. S t u r t e v a n t, Archaism in hittite, «Language», vol. IX, № 1, 1933; e г о ж е, The pronoun *so, *sā, *tod and the indo-hittite hypothesis, «Language», vol. XV, № 1, 1939.

языка является почти полное признание его одним из индоевропейских языков¹.

Весьма значительные трудности, связанные с качеством материала (неполнота, несовершенство графической передачи языка, недостаточная изученность), не дают возможности убедительно аргументировать выдвинутые на основании этого материала гипотезы, касающиеся становления и развития морфологии индоевропейского языка-основы².

2. В виду широкого распространения в зарубежном сравнительно-историческом языкознании так называемой ларингальной гипотезы (т. е. предположения о существовании в языке, который предшествовал общеиндоевропейскому, ларингальных или фарингальных звуков) критика этой гипотезы стала очередной задачей советского сравнительно-исторического языкознания.

Соглашаясь с (оценкой, в общем скорее положительной), которую дает ларингальной гипотезе А. В. Десницкая³, мы не можем, однако, присоединиться к той ее формулировке, где она указывает на «факт установления в хеттском ларингальных звуков». Ведь в соответствующих работах Э. Х. Стертеванта⁴ речь, конечно, идет об отражении в хеттской клинописи каких-то рефлексов предполагаемых ларингальных или фарингальных звуков. Следовательно, были ли в самом хеттском клинописном языке или в других языках этой же группы именно ларингальные звуки, мы не знаем и не можем знать.

Если бы со всей необходимой ясностью удалось доказать состоятельность ларингальной гипотезы, это обозначало бы, что в сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков со времени К. Бругмана и Г. Гирта произошли крупные изменения.

У нас нет сомнения в том, что нельзя пройти мимо ларингальной гипотезы после того, как Е. Курилович еще в 1927 г. указал на то, что хеттское клинописное *H* (*x*) в ряде слов соответствует предположенному Ф. де Соссюром «ларингальному (*A*)». Чтобы опровергнуть утверждение Е. Куриловича, надо было доказать, что в хеттском клинописном языке этот *H*(*x*) является новшеством сравнительно со всеми прочими группами индоевропейских языков⁵. Такого опровержения, насколько нам известно, не было, но были, конечно, высказаны сомнения относительно частостей.

3. Замечательная перспектива дальнейших исследований открывается в связи с возможностью сравнительно-исторического изучения языка (а может быть, языков?) минойских или крито-микенских надписей, а также тирренского или этрусского языков, лидийского и ликийского языков. Надо только проверить, действительно ли уже есть такая возможность и является ли основательным утверждение о принадлежности этих языков все к той же индоевропейской семье⁶.

¹ См. А. А. Фрейман, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 3, 1947.

² Ср., например, A. Vaillant, L'origine des présents thématiques en -e/o-, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XXXVIII, fasc. 1 (N 112), 1937.

³ См.: А. Десницкая, О хеттском языке [вступ. статья в указ. книге И. Фридриха], стр. 35; А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, стр. 57.

⁴ См., например, E. H. Sturtevant, The indo-hittite laryngeals, Baltimore, 1942.

⁵ Ср. J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes, I, Kraków, 1935, стр. 27—76 (II. Sur les éléments consonantiques disparus en indoeuropéen).

⁶ См.: В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, София, 1954; его же, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4; С. Я. Лурье, [реп. на кн.:] В. Георгиев, Проблемы минойского языка, София, 1953, —ВДИ, 1954, № 3.

4. Ясно, что в настоящее время не может уже быть приемлемым такой взгляд на корни индоевропейских языков, согласно которому все они будто бы когда-то являлись самостоятельными словами. То, что теперь называется корнями разных индоевропейских языков, возникло не одновременно на какой-то ступени развития языков и не из одного и того же источника.

Эти корни, прежде чем стать составными частями (корневыми морфемами) простых и сложных слов, подвергались неоднократным фонетическим изменениям и преобразованиям. В большинстве случаев они достигли размеров одного слога, построенного по действующим в каждом языке законам взаиморасположения звуков. Были, конечно, и такие случаи, когда всем этим преобразованиям подверглись существовавшие на древних ступенях развития отдельные слова или формы слов¹.

5. В связи с вопросом о происхождении и развитии флексии находится вопрос о происхождении различий между основами по их характеру. Выше уже шла речь о противопоставлении атематических и тематических форм друг другу (ср., например, санскр. *pāt*, род. падеж *padah* и *padam*, род. падеж *padasya*, *pādah*, *pādasya* «нога», *pūh*, род. падеж *purah* и *puram*, род. падеж *purasya*, *nāh*, род. падеж *nih* и *narah*, род. падеж *narasya*; санскр. *admī* и греч. *ἔδω*, *ἔδομαι*, санскр. *hanmi* и греч. *ἔειπω*, санскр. *bibharmi* и *bharāmi*, греч. *φέρω*).

Что же такое тематические формы? Были ли они формами, которые сохранили какой-то первичный суффикс, со временем утративший свое смысловое значение, или же в них содержатся древние корни с конечным тематическим гласным? Уже давно была установлена связь между атематическим и тематическим характером глаголов, с одной стороны, и противопоставлением изъявительного и сослагательного наклонений в древних индоевропейских языках, с другой.

Атематические глаголы, очевидно, становились тематическими в сослагательном наклонении, тематические же глаголы, так сказать, вдвойне тематическими (их признаком была долгота тематического гласного). Дальнейшее исследование соотношения атематического и тематического классов (в тех языках, где еще существовало подобное противопоставление) помогло бы выяснить первоначальную природу тематического гласного в глагольных основах.

6. Когда теория «агглютинации» была противопоставлена теории «адаптации», казалось, что признание одной теории равносильно отрицанию другой. Мы не можем еще утверждать, что вопрос о происхождении и развитии именной и глагольной флексии в индоевропейских языках является уже решенным: до этого пока далеко. Нам ясно, что для решения его нужно открытие новых фактов из неиндоевропейских языков, а также широкое использование аналогий из истории неиндоевропейских языков, грамматический строй которых обнаруживает явления, подобные тем, которые имеют место в именной и глагольной флексиях индоевропейских языков.

Вопрос о происхождении и развитии грамматического рода в индоевропейских языках был снова поставлен в связи с открытием хеттского клинописного (или неситского) языка, в котором не было обнаружено морфологических признаков различия трех грамматических родов.

Этот вопрос ставили также в связи с классификационными префиксами судано-гвинейских языков и языков банту в Африке и с так называемыми

¹ Ср. J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, I, Kraków, 1935, стр. 77—130 (III. Les changements vocalique et leur chronologie).

мыми «счетными» словами в языках Азии (тюркских, новоиранских, тибето-китайских) и Океании (индонезийских, меланезийских, микронезийских).

Однако на основании таких сопоставлений еще не удалось решить данного вопроса. Исследование материала самих индоевропейских языков исторической эпохи пока что позволило установить, что противопоставлению трех грамматических родов могло предшествовать противопоставление двух родов (ср. одинаковые формы слов мужского и женского рода в древнегреческом и латинском языках, например *ὁ πατήρ, ἡ μήτηρ, pater m., mater f., ἡ τούρις, τούρις, turris f., ὁ ἔχλις, anguis m.* и *f.* и т. д.).

В некоторых индоевропейских языках различие грамматических родов свелось к противопоставлению только двух родов (мужского и женского в романских языках, рода живых существ и рода вещей в скандинавской ветви германских языков), в других оно вовсе исчезло¹.

7. Для восстановления древнего словесного музыкального ударения большую ценность представляет материал славянских языков, в частности восточнославянских и сербо-хорватского, литовского языка, древнегреческого и древнеиндийского (акцентуированные ведические тексты).

Именно на этом материале основана сравнительно-историческая акцентология индоевропейских языков. Успехи ее измеряются теми законами, которые удалось установить в этой области. До последнего времени она остается доступной только для узкого круга специалистов, среди которых у нас есть такие ученые, как член-корр. АН СССР проф. Л. А. Булаховский.

Вообще в области фонетики индоевропейских языков слишком много неразрешенных вопросов, связанных с восстановлением древнейших ступеней развития, чтобы в нескольких словах можно было дать о них представление. Упомянем еще хотя бы о следующих. До сих пор остаются не установленными причины возникновения так называемого качественного чередования гласных в индоевропейских языках (*e — o*, ср. русск. *бреду — брод, везу — воз, гребу — гроб, плету — плот, теку — ток*). Далеко недостаточно исследованной остается группа так называемых сонантов, которые имели в фонетике индоевропейских языков большое значение. С характером этих звуков связан также вопрос о дифтонгах в индоевропейских языках.

8. До сих пор остается не исследованным вопрос о становлении и развитии парадигм склонения в индоевропейских языках, который в истории науки неоднократно был предметом размышлений и споров².

Нам представляется возможным связать этот вопрос с вопросом о становлении и развитии одного из типов наречий (суффиксация именных корней и основ). Если в историческую эпоху падежные формы имен превращались в наречия, то для эпохи становления парадигм склонения можно предположить использование наречий (суффиксированных имен и местоимений) в качестве падежных форм. Сравнительно-историческое изучение наречий и падежных форм обнаруживает подвижность границы между теми и другими.

Для восстановления основных линий развития в области синтаксиса падежей наибольшее значение имеют такие языки, как санскрит, сохранивший или выработавший наибольшее число падежей (8), литовский (7),

¹ Ср.: А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, стр. 57; J. Lohmann, Genus und Sexus, Göttingen, 1932.

² Ср., например, И. В. Нетушил, Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка, т. II — О падежах, Харьков, 1885.

славянские языки (от 7 до 6), латинский (6), отчасти древнегреческий (5, при совпадении в одной форме *dativus — instrumentalis — locativus* и в другой форме *genetivus — ablativus*).

Если сравнительно-историческое исследование флексии имен дает возможность восстановить древнейшую парадигму склонения имен в единственном, а отчасти и во множественном числе, то этого нельзя сказать о личных (в известной мере и о прочих) местоимениях. Здесь следует установить причину различия именной и местоименной флексий и, в частности, исследовать становление и основные ступени развития флексии местоимений (в первую очередь, личных).

Однако при восстановлении фонетической стороны развития языков мы всегда имеем значительные преимущества сравнительно с попытками восстановления синтаксической (сочетание форм) и семантической (выражение понятий) сторон.

Среди так называемых недостатков сравнительно-исторического метода указывают на то, что до последнего времени не удалось открыть достаточно определенных закономерностей развития и установить основные ступени развития синтаксических фактов. В этой области новшества оказываются столь значительными, что за ними часто не видно следов древнейшего состояния.

Если взять, например, соотношение сочинения (паратаксиса) и подчинения (гипотаксиса) в истории отдельных языков, то кажется бесспорным факт первичности сочинения и вторичности подчинения. Однако и этот факт требует проверки в зависимости от разновидности общенародного языка. Так, например, в литературной и письменной разновидности языка последовательность изменений от сочинения к подчинению является вполне естественной, но в разговорной разновидности подобное же естественное развитие может многократно нарушаться под влиянием первой названной разновидности.

Если сравнить греческий язык на разных ступенях его развития, то можно установить такую последовательность: преобладание сочинения над подчинением в языке гомеровского эпоса, затем — широкое распространение подчинения в классическую эпоху, сохранение его в письменной литературной разновидности в эллинистическую и римскую эпохи, но в то же время как бы «восстановление» сочинения в неофициальных бытовых документах, весьма существенное расхождение между литературной и обиходной разновидностями в византийскую эпоху и, наконец, снова широкое распространение сочинения в той разновидности литературного языка, которая развивалась на основе общенародного, разговорного языка (*ἡ δημοτικὴ, ἡ κοινὴ καθολικολογμένη*), при гораздо более значительном сохранении подчинения в архаизирующей разновидности (*ἡ καθαρὸν ὄψα*).

9. Несомненно, что принятое в нашей науке после 1950 г. положение об устойчивости грамматического строя языка не только сравнительно с общим словарным составом, но и сравнительно с основным словарным фондом не следует понимать догматически. Речь идет, конечно, об относительной, а не об абсолютной устойчивости грамматического строя.

Так, например, современный английский язык сохраняет в своем грамматическом строе некоторые характерные черты грамматического строя англо-саксонского языка, однако в нем очень мало черт, характерных для таких языков, как санскрит, литовский, старославянский (чередование гласных в некоторых корнях, супплетивизм и сохранение категории грамматического рода в личных местоимениях, спряжение *to be* и т. п.).

Хотя первичные пракрыты и литературная форма одного из них — санскрит — были родоначальниками современных нам индоевропейских языков Индии, грамматический строй этих последних гораздо более существенно изменился, чем основной словарный фонд. Не только прежнее склонение имен вытеснено сочетанием основ с послелогами, но и спряжение перестроено на новых основах¹ (ср. табл. 7).

Следовательно, при неограниченности языковых изменений любой язык не теряет своих родственных связей даже при существенном изменении своей основы: грамматического строя и основного словарного фонда.

Сравнительно-исторический метод тогда может успешно применяться для исследования языкового материала, когда в этом материале есть генетически связанные, но фонетически или семантически различные слова и формы слов, относящиеся к различным ступеням развития одного и того же языка или к различным языкам и диалектам. Восстановление древних форм и древних парадигм возможно лишь при наличии определенных нарушений систем, обычных для данной ступени развития сопоставляемых языков. До сих пор остается в силе правило, установленное А. Мейе: «Язык тем менее допускает сравнительное изучение, чем регулярнее его морфология»².

Несомненно то, что сопоставительное изучение неродственных языков (например, русского и арабского) ограничивается одной ступенью развития сопоставляемых языков. Напротив, сравнительно-историческое изучение родственных языков (например, русского и польского) не может ограничиваться одной ступенью развития сравниваемых языков, потому что при изучении их на разных ступенях развития (в исторической перспективе) по мере отдаления от современного нам состояния сходство грамматического строя и словарного состава родственных языков увеличивается.

Создание учебных пособий по сравнительно-историческому языкознанию

До сих пор лишь опыт сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков использовался при изучении иных семейств и групп языков, в то время как сравнительно-историческое изучение неиндоевропейских языков очень мало дало для углубления исследований индоевропейской семьи языков.

Поэтому наряду с необходимостью разработки основ сравнительно-исторического языкознания в результате обобщения опыта сравнительно-исторического изучения языков различных групп и семейств перед нами стоит задача создания сравнительно-исторических грамматик уже установленных языковых семейств.

Надо приветствовать явление в 1953 г. «Сравнительной грамматики монгольских языков» (т. I) проф. Г. Д. Санжеева. В первую очередь хорошо было бы издать сравнительно-исторические грамматики (на русском языке) языковых семейств, представленных в Советском Союзе: индоевропейского с группами славянской, балтийской, иранской, армянской, романской, индийской (цыганский язык), тюркского, финно-угорского, самодийского, тунгусо-маньчжурского, эскимосского. Разнообразие грамматического строя языков, представленных на территории Советского Союза, является залогом успеха в деле обобщения опыта сравнительно-исторических исследований.

¹ Ср. А. П. Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, «Ученые записки [ИГУ]», № 98, Серия востоковед. наук, вып. 1, Л., 1949.

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 444.

Относительные достижения в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков объясняются не только тем, что этими языками много занимались, но и тем, что в пределах этого семейства оказались как близкородственные языки (объединенные в группы), так и отдаленно родственные, а также тем, что сохранились письменные памятники древних индоевропейских языков (начиная от II тысячелетия до н. э.).

Одной из очередных задач в области сравнительно-исторического языкознания является создание учебного пособия по основам этой науки для университетов и самообразования. Как показывает опыт создания новых курсов основ языкознания (имеется в виду «Введение в языкознание»), необходимо выделить сравнительно-историческое языкознание из состава общего языкознания, в пределах которого не удастся в должной мере осветить основные проблемы этой чрезвычайно важной отрасли языкознания.

*

В течение известного периода, предшествовавшего лингвистической дискуссии 1950 г., исследования сравнительно-исторического характера если и велись, то в весьма ограниченном плане (исследования отдельных групп родственных языков, исследования в области истории отдельных языков, но чаще всего без восстановления языковых фактов и явлений). Доистория языков была заменена фантастической палеонтологией, сомнительными семантическими законами и совершенно туманными стадиями развития языков. Понятие родства языков по происхождению и предположение о существовании «праязыка» или языка-предка были отвергнуты на основе вульгарно-социологического учения о единстве «глоттогонического процесса». Сходства, идущие в глубь веков, наблюдаемые в грамматическом строе и основном словарном фонде языков, объяснялись непосредственно социально-экономическими условиями развития языков и результатами схождения или скрещений языков. Ошибки исследователей без разбора приписывались сравнительно-историческому методу, будто бы буржуазному в своей основе. Имена знаменитых исследователей и добросовестных тружеников, представителей отечественной науки, предавались забвению. В то же время у нас беспрепятственно развивалось описательное языкознание. Шла работа по составлению нормативных грамматик и словарей (кроме этимологических). Производилось накопление материала в области диалектологии.

Настало время устранить образовавшуюся у нас диспропорцию между описательным и сравнительно-историческим языкознанием. Используя описания языков народов и народностей Советского Союза, пора теперь приступить к их изучению на основе сравнительно-исторического метода. Необходимо обобщить опыт сравнительно-исторического изучения языков различных языковых семейств. Надо проверить основные достижения в области изучения индоевропейских языков. В области сравнительно-исторической грамматики нужно отделить существенное от несущественного. Следует обратить внимание на многосторонние связи истории языка с историей общества. Все это даст нам возможность приступить к решению основной задачи: установить закономерности развития языков.

Б. М. ЮНУСАЛПЕВ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕНАРОДНОГО
КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

1

При объяснении происхождения общенародного киргизского языка мы исходим из известного в науке положения о том, что в основе формирования общенародных, общеплеменных и общеродовых черт языка лежит общественная функция языка, выступающего в качестве «важнейшего средства общения» между членами данного языкового коллектива. Языковая общность на всех ступенях развития человеческого общества (род, племя, народ) не может возникнуть без длительного экономического и культурно-политического общения представителей коллектива. «Язык, — пишет И. В. Сталин, — относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он складывается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»¹.

Но общение возможно лишь при наличии общности территории. При этом территориальная общность должна сохраняться в течение веков, из поколения в поколение. Кроме того, имеет значение и интенсивность общения. Все указанные факторы, взятые вместе, составляют неизменные исторические условия, в которых формируется общенародный язык. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что чем теснее и длительнее общение между разноплеменными, хотя и родственными (чаще всего по языку) этническими группами, из которых формируется народ, тем скорее завершается процесс формирования общенародного языка и быстрее происходит нивелировка диалектных особенностей.

При интерпретации языковых фактов в связи с историей народа мы исходим также из положения, что процесс формирования общенародного языка неразрывно связан с процессом формирования его носителя — народа.

Общенародные черты (или признаки), рассматриваемые в историческом плане и взятые из наиболее устойчивых областей киргизского языка — из фонетики, грамматики и основного словарного фонда, — подразделяются на четыре группы. Рассмотрим эти группы каждую в отдельности.

2

В первую группу входят наиболее древние черты, общие для близкородственных и дальнеродственных языков. Сюда могут быть отнесены:

1. Общая структура производного слова (корень + аффикс словообразования + аффикс словоизменения при отсутствии префиксации), а

также предложения (подлежащее предшествует сказуемому, определение предшествует определяемому и т. д.).

2. Наиболее древние словообразовательные и словоизменительные морфемы (например, тюрк. *-ра-* // монг. *-р-* в словах: кирг. *күбүрө-* «шептать» // монг. *гүбер-* «бормотать, ворчать» наряду с кирг. *күбүр* «шопот»; тюрк. *сач-* // *чач-* «разбрызгивать» и *сачира-* // *чачира-* // монг. *цацара-* «разбрызгиваться»; аффикс *-кай* // *-хай* в тюрк. *анкай-* // монг. *ангай-* «зиять; ротозейничать» и др. наряду с тюрк. *аң* «сознание» и *аң* «яма»; аффиксе *-л:* монг. *арил-* «очищаться» // тюрк. *арил-* «быть вычищенным» наряду с тюрк. *арыт-* «вычищать» и монг. *арчи-* «очищать») ¹.

3. Наиболее древний состав корневых слов, в особенности корневых глаголов, например, тюрк. *сура-* ∞ *сурга-* «спрашивать» // монг. *сура-* «спрашивать», тюрк. *тун-* «отстаиваться (о воде)» // монг. *туна-* «отстаиваться», тюрк. *кон-* «ночевать, садиться (о птице)» // монг. *хона-* «ночевать», тюрк. *сыз-* ∞ *чыз-* «чертить, проводить линию» // монг. *зура-* «чертить, рисовать»; тюрк. *кара* // монг. *хара* «черный», тюрк. *көк* // монг. *хөх* «синий» и т. д.

4. Грамматическое значение основ глагола — повелительное наклонение единственного числа 2-го лица: тюрк. *саг* // монг. *сага* «подой».

5. Действие закона сингармонизма, обусловленного характером препадалательных и постпадалательных гласных.

6. В области основного словарного фонда можно указать на общность слов, которые обозначают наиболее древние понятия и предметы (основные анатомические, животноводческие, земледельческие термины, термины родства и названия орудий труда). Например:

а) термины анатомические: кирг. *бел* «талия» // монг. *бэл* «стан»; кирг. *жүрөк* // монг. *зүрхэн* «сердце»; кирг. *кыл* «волос (чаще о гриве и хвосте)» // монг. *килгасун* «конский волос» (ср. с тем же корнем кирг. *кылкан* «кости рыб») и т. д.²;

б) термины родства: кирг. *ага* // монг. (халх.) *агха* «старший брат»; кирг. *бажа* // монг. *база* «свойяк»; кирг. *жээн* // монг. (письм.) *жиге*, халх. *зээ* «племянник»; кирг. *күйөө*, др.-уйг. *күдэгү* // монг. *хургэн* «зять, жених» и т. д.;

в) названия орудий труда: кирг. *балта* // монг. *балта* «топор», кирг. *бургу* // монг. (бурят.) *бургаи* «сверло»; кирг. *бүлөө* // монг. (письм.) *билегүй* «точило»; кирг. *тегирмен* // монг. (письм.) *тегерме* «мельница»; кирг. *кайчы* // монг. *хайч* «ножницы» и т. д.;

г) термины животноводства: кирг. *айгыр* // монг. *азарга* «жеребец»; кирг. *бука* // монг. *буха* «бык-производитель»; кирг. *буура* // монг. (письм.) *бугура* «верблюд-самец»; кирг. *музоо* // монг. (письм.) *бирагу* «теленок»; кирг. *төө*, уйг. *түйгэ* // монг. *темеген* «верблюды»; кирг. *кой*, туркм. *коин* // монг. *хонин* «овца» и др.

3

Во вторую группу включается гораздо более широкий круг языковых явлений, общих для так называемых близкородственных языков. Подавляющее большинство языков, сохраняющих древнейшие черты, имеет почти полное совпадение не только системы гласных, но и системы согласных³. Наиболее древняя часть основного словарного фонда, в особен-

¹ Подробнее о тюрко-монгольских аффиксах см. G. J. Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, Helsingfors, 1912.

² Для краткости из близкородственных языков приводится только киргизская форма.

³ Следует заметить, что в приложенном к «Памятникам древнетюркской письменности» С. Е. Малова (М.—Л., 1951) словаре все слова, начинающиеся со звуков *p*,

ности его ядро — корневые слова, в них почти полностью совпадает, различаясь главным образом фонетически и отчасти семантически в зависимости от классификационных групп; ср. огуз. *даг* // юго-вост. *таг* // кыпч. *тав* // кирг. *тоо* «гора» // якут. *тыа* «лес»; огуз. *баг* // кыпч. *бав* // кирг. *боо* // якут. *быа* «связка, шнур»; огуз. *саг*- // кыпч. *сав*- // кирг., алт. *саа*- // якут. *ыа*- «дойть». Совпадение форм и семантики многих грамматических категорий (падежные, глагольные, отглагольные и другие производные формы) во всех близкородственных языках вообще и в особенности внутри одной классификационной группы — общеизвестно. Например, формы глагола на *-ган* (огуз. *-ан*), *-ар*, деепричастие на $-\frac{a}{e}$ й, *-п* свойственны почти всем близкородственным языкам.

Отмеченные ранее тюркологами общие черты внутри каждой классификационной группы тюркских языков свидетельствуют о том, что в очень отдаленную от нас эпоху, вероятно, имела место общность носителей этих языков.

Обычно при классификации тюркских языков киргизский язык включался в кыпчакскую группу, где главными признаками считались: переход конечного звонкого *g* в *y* (*таг* > *тау*), выпадение конечного *g* (*сары*, *атлы*)¹. Бесспорная близость киргизского и алтайского (ойротского) языков и их отличия от других входящих в кыпчакскую группу языков не могли оставаться незамеченными, а поэтому они выделялись некоторыми авторами в особую подгруппу то под названием домонгольской², то под названием киргизско-ойротской³.

В результате изучения фонетических изменений, произошедших в структуре корневых слов в ходе истории киргизского языка, мы пришли к выводу, что киргизский и алтайский языки, несмотря на ряд фонетических, морфологических и лексических сходств с кыпчакской и отчасти чагатайской группой, должны быть выделены в особую классификационную группу. Поэтому в принципе мы вполне согласны с Н. А. Баскаковым, когда он в своей классификации тюркских языков выделяет современные киргизский и алтайский языки в особую классификационную группу⁴.

4

Признаки, сближающие киргизский и алтайский языки и в то же время отличающие их от других родственных языков (в том числе казахского, узбекского и уйгурского), включаются нами в третью группу общенародных черт.

в, *з* и *жс*, оказываются заимствованными; согласные *ф*, *х* не встречаются в корневых общетюркских словах.

¹ См.: Ф. Корш, Классификация турецких племен по языкам, «Этнограф. обозрение», 1910, № 1—2, стр. 122 и сл.; см. также «Некоторые дополнения к классификации турецких языков», Пг., 1922.

² См. «Некоторые дополнения...», стр. 11.

³ См. И. А. Батманов, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 90.

⁴ См. Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 133. Из отмеченных автором признаков, с нашей точки зрения, не являются характерными для обоих языков и в то же время отличающими их от других языков кыпчакской группы следующие: 1) «слабое по диалектам различие глухих и звонких согласных» (кроме, пожалуй, одной пары согласных *с* и *я* для киргизского); 2) «наличие шипящих согласных *ч* — *ш*, в отличие от кыпчакско-ногайской группы языков, где этим согласным соответствуют *ш* — *сш*»; 3) «наличие в начале слов преимущественно глухих согласных...»; 4) «озвончение глухих согласных в интервокальной позиции...» (нехарактерно только для одной киргизского языка); 5) «тенденция превращения полных личных аффиксов в сокращенные...» (в одинаковой мере имеет место в казахском и других языках).

Эту группу признаков мы охарактеризуем несколько подробнее, ибо она является преобладающей как по своему объему, так и по своей значимости.

Фонетика

1. Наличие восьми парных гласных полного образования *a* и *e(э)*, *o* и *ө*, *y* и *y:* *ы* и *и*¹ в противоположность, например, казахскому языку, где имеются гласные неполного образования, (*yр*), *ū* (*yр*) и др.

2. Последовательный сингармонизм, в частности, сохранение лабиальной гармонии в основе и в аффиксах: кирг., алт. *тоголок* // казах. *домалак* // узб. *думалак* ~ *йумалак* «круг, круглый»; кирг., алт. *өлбөгөндөр* // казах. *өлмегендер* // узб. *ўلمэгэнләр* — отрицательная форма причастия прошедшего времени от глагола *өл-* «умереть»². Лабиальная гармония, пожалуй, в той же мере сохраняется и в современном якутском, что, вероятно, свидетельствует о каких-то отдельных исторических связях носителей этих языков.

3. Наиболее существенным фонетическим признаком является наличие долгих гласных вторичного образования в киргизском, а также в тувинском, хакасском, алтайском языках. В эпоху совместного проживания предков современных носителей этих языков в верховьях Енисея, вероятно, начинался процесс вокализации звонких согласных *g* и *g*, а также заднеязычного носового *ŋ*, между гласными, что привело к возникновению вторичных долгих гласных:

а) примеры на долгий *a*: кирг. *джаа* // алт. *дьаа* // хак., тув. *чъаа* // татар. *жэй* «лук (оружие)»; кирг. *джаак* // алт. *дьаак* // тув. *чъаак* // хак. *ньаак* // орх., др.-уйг., туркм. *йаңак* «щека»;

б) примеры на долгие *o* и *y*: кирг., алт., тув., хак. *соол-* // казах. *сувал-* («сугал-») «иссякнуть, испариться, высохнуть»; сев.-кирг., алт. *боос* // тув., хак. *поос* // уйг. и др. *богаз* // казах. *буваз* «беременная, стельная»; кирг., алт., тув., хак. *суур* // уйг., узб. *сугур* «сурок»;

в) примеры на долгий *э*: кирг., алт., тув., хак. *ээ*, узб., уйг. *эгд* // кирг. (таласск. диалект) *эйэ* «хозяин»; кирг., алт. *бээ* // тув., хак. *пээ* «кобыла»; кирг., алт., тув., хак. *ээн* «пустой, свободный»;

г) примеры на долгий *ө*: кирг., алт., тув., хак. *сөөк* // орх. *соңук* // ново-уйг. *суңак* «кость»; кирг., алт., тув., хак. *сөөл* // казах. *сүйсәл* // узб. *суял* «бородавка»; кирг., алт. *мөөрө-* // тув., хак. *мөөре-* // казах. *мөңре-* «мычать».

Как видно, до возникновения долготы должно было произойти дальнейшее преобразование заднеязычного *g*, перешедшего, как правило, в губно-губной проточный *v*, и среднеязычного *g*, перешедшего в переднеязычный *й* («йот»). Этот предшествовавший вокализации процесс, вероятно, протекал в эпоху до образования кыпчакских языков; позднее процесс вокализации получил свое дальнейшее развитие. То, что уже в древнейшую эпоху из некоторых типов сочетаний развилась вторичная долгота, доказывается не только аналогичностью процесса вокализации,

¹ Наличие подобного явления в некоторых говорах других языков нами в расчет не принимается, поскольку оно не оказывается общенародным, тем более, что в них имеются не восемь, а девять гласных; например, в кыпчакском говоре узбекского языка имеется девятая фонема *ä*.

² В. А. Богородицкий в статье «Законы сингармонизма в тюркских языках» («Вестник науч. о-ва татароведения», Казань, 1927, № 6) делил тюркские языки на девять групп; в первую из них входят только киргизский и алтайский языки, где «губной сингармонизм проведен наиболее полным образом» (стр. 69).

но и возникновением долгот в одних и тех же словах¹. По крайней мере долгие *a*, *э*, *ө* мы имели во многих словах в языках предков современных киргизов, алтайцев, хакасов и тувинцев (*таан* «галка», *сөөк* «кость», *джаа* «лук», *ээ* «хозяин» и др.).

Конечно, некоторые долгие гласные могли развиваться параллельно, но все же в результате действия единой закономерности, которая никак не могла возникнуть в условиях изоляции указанных языковых коллективов. Параллельное развитие на основе выработавшейся ранее закономерности происходило, разумеется, и позже, уже в условиях изолированности или при очень слабой связи хакасов и тувинцев с киргизами и алтайцами. Приведем примеры, иллюстрирующие сказанное:

кирг., алт., *уул* // тув., хак. *оол* «сын»;
 кирг., алт. *суук* // тув., хак. *соох* «холодный»;
 кирг., алт. *куур-* // хак. *хоор-* «жарить»;
 кирг. *дисууркан* // алт. *дьооркан* // тув., хак. *чоорхан* «одеяло»;
 кирг. *ууру* // алт. *уур* // тув. *оор* // хак. *огыр* «вор»;
 кирг. лит. *ооз* (диалект. *оос*) // алт. *оос* // тув., хак. *аас* «рот».

Расхождения здесь между киргизским и алтайским языками, с одной стороны, тувинским и хакасским, с другой, конечно, не случайны. Они свидетельствуют о какой-то изолированности этих двух групп языков после их довольно длительной общности. С другой стороны, совпадения внутри каждой из этих групп сигнализируют о их продолжавшемся общении друг с другом после распада их первоначальной общности.

Поэтому однотипность образования долгих гласных из сочетания гласный + звонкий согласный + гласный в киргизском и алтайском языках рассматривается нами как результат того, что носители киргизского и алтайского языков после распада единой общности продолжали общаться между собою еще долгое время.

Что касается судеб сочетаний гласный + заднеязычный звонкий согласный *г* (или среднеязычный звонкий *з*), то следует сказать, что они в хакасском и тувинском остались совершенно не затронутыми (ср. тув., хак. *суг* «вода», *таг* «гора», *паг* «веревка, шнур» и др.; хак. *үҗрөт*, но алт. *үҗүрөт*-, кирг. *үйрөт*- «учить», хак., тув. *эг*-, алт., кирг. *ий-* «гнуть»), тогда как в киргизском и алтайском эти сочетания развились в долгие гласные, сохранив в диалектах дифтонг, на чем подробнее остановимся ниже².

¹ Для краткости мы не приводим исторических сведений, свидетельствующих о том, что предки современных киргизов, алтайцев, хакасов, тувинцев составляли единую общность в верховьях Енисея и южнее его. Сошлемся лишь на источники по истории енисейских киргизов: В. В. Бартольд, Киргизы. (Исторический очерк), Фрунзе, 1943; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949, стр. 314—362; Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 350 и сл.; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, [Новосибирск], 1948; П. Мелников, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, ЖМНП, СПб., 1898, июнь, стр. 278 и сл.

² Вторичная долгота вообще характерна и для ряда других тюркских языков, но она имеет в них иную фонетическую закономерность возникновения; например, в ново-уйгурском долгота возникает за счет выпадения *p*: *багаа* < *бавар*; *бамайбу* < *бармайду*; или за счет выпадения *л*: *ал*, но *аамоду*; в диалектах турецкого языка имеем *даа* < *даг*, тогда как в киргизском долгота этого сочетания имеет диалектный характер и дает не долгое *a*, а долгое *o*: *тоо*, ср. алт. *туу*. В якутском языке киргизско-алтайской долготы, как правило, соответствует восходящий дифтонг, но в отдельных подобных случаях имеем долготу: кирг. *джаа* || якут. *саа* «лук (оружие)», кирг. *туу* || сев. диалект *туу* || якут. *туу* || узб. *туғ* «знамя» (см. W. R a d l o f f, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, СПб., 1908, стр. 6—10).

Как в алтайском, так и в киргизском имеется восемь долгих гласных: *аа, ээ, өө, оо, үү, уу, ии, ыы*¹.

4. Близость фонетической структуры и действие аналогичных фонетических закономерностей проявляются и в том, что многие аффиксы в современных алтайском и киргизском языках имеют одинаковое количество фонетических вариантов. Так, количество фонетических вариантов гласного аффикса *-ла* в тюркских языках колеблется от 2 до 16, только в киргизском и алтайском языках он имеет по 12 вариантов². То же самое наблюдается с аффиксом множественного числа *-лар*: в киргизском и алтайском языках имеется по 12 вариантов, в казахском — 9, тувинском — 8, татарском — 8, башкирском — 16, в узбекском и уйгурском — по 2.

5. Известно, что фонетические варианты аффикса обладания *-лыг* в зависимости от выпадения или сохранения конечного согласного (*таглыг таглы*) тюркологами рассматривались в качестве одного из классификационных признаков³. В современном киргизском и алтайском, в зависимости от говора, имеем в этом аффиксе или долготу, или дифтонгическое сочетание с сильно огубленным звуком *w* (*тоолуу* или *товлуw*, *аттуу* или *аттуw*, *үйлүү* или *үйлүw* и т. д.), в кыпчакской группе имеет место выпадение конечного согласного (*атты* или *атлы*, *тавлы*, *үйли*), в чагатайской и огузской группах сохраняется древняя форма — *лыг* (*таглыг*, *атлыг*).

6. Судя по наблюдениям Н. Ф. Катанова⁴, аффикс отрицания глагола, личный аффикс множественного числа 3-го лица и вопросительная частица только в киргизском и алтайском имеют носовой губно-губной вариант на *б(п)*: кирг., алт. *алба* // чагатайск. и огуз. *алма* «не бери»; кирг., алт. *атпа* // чагатайск. и огуз. *атма* «не стреляй», кирг., алт. *алабыз* // чагатайск. и огуз. *аламыз* «мы возьмем, берем»; кирг., алт. *мал бы?* // чагатайск., огуз. *мал мы?* «скот ли?» Смешанные [носовой *м* и носовой *б(п)*] варианты наблюдаются в казахском, погайском и других языках кыпчакской группы.

7. Кроме того, киргизский и алтайский языки имеют такие особенности, как переход в косвенных падежах *и* после *р* в *д* в словах: *орун* > *орду* вместо *орну* в других языках, *эрин* > *эрти* вместо *эрни* в других языках, *карын* > *карды* вместо *карны* в других языках; утрата конечного *з* во множественном числе: *силер* вместо *сизлер*, *сиздер* в других языках⁵; выпадение конечного *а* в слове *бала* во множественном числе: *балдар* вместо *балалар* в других языках⁶.

¹ В алтайском языке долгие *ии* и *ыы* в основах встречаются довольно редко и развились они из сочетания *и + й + и* или *ы + й + ы*; ср. *ийир* > *иир* «прясть», *дйит* «парень», но *ийин* «плечо», *ийик* «веретено», *кийик* «дикий зверь». До сих пор грамматисты не отмечали в киргизском наличие долгих узких *и* и *ы*. По нашему наблюдению, долгота этих гласных во всех диалектах в будущем предположительно времени на *-ар* несомненна: *байы* — *байыар*, *чири* — *чириар*, *ури* — *уриар*. Кроме того, я полагаю, что лабораторная запись живого произношения в контексте таких основ, как *ширип* (*кой*), *кйинип* (*ал*) и др., даст несомненную долготу. В юго-западном (ичкилском) диалекте киргизского языка, кроме указанных восьми долгих, встречаем долготу гласного *э*: *мээлим* «учитель», *бээр* «весна».

² Эти цифры взяты нами из таблиц Н. Ф. Катанова. См. его «Опыт исследования урянхайского языка...» (Казань, 1903), табл. XI.

³ См. «Некоторые дополнения...», стр. 12 и сл.

⁴ См. Н. Ф. Катанов, указ. соч., §§ 66, 73 (табл. XIV).

⁵ Форма *силер* встречается в уйгурском языке и генетически связанных с ним говорах узбекского языка (например, в наманганском говоре); см. В. В. Решетов, О наманганском говоре узбекского языка, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 227.

⁶ Форма *балдар*, по усмотрению башкироведа Кийебасва, встречается в одном из говоров башкирского языка.

8. Наконец, киргизский и алтайский языки имеют группу слов, в которых выпали начальные аффрикаты *дж* // *дз* перед узкими гласными: кирг., алт. *ыр*// казах. *жыр*, татар. *йыр* «песня»; кирг., алт. *ыйла*-¹// казах. *жыла*-, татар. *йыла*-, узб. *йыгла* «плакать»; кирг., алт. *ыраақ*// казах. *жырак*, узб., уйг. *йырақ* «далеко, далекий».

Морфология

Важнейшие морфологические признаки, отличающие современный общенародный киргизский язык от всех окружающих и вообще от других родственных языков, также находят себе соответствия в алтайском языке. Приведем некоторые из этих общих киргизско-алтайских признаков, наблюдаемых чаще всего в глагольных или в отглагольных формах.

1. Совпадение формы настоящего-будущего времени в 3-м лице² на-т, восходящий к сочетанию деепричастий на $\frac{a}{e}$ й + вспомогательный глагол *дур*// *тур*: кирг., алт. *алат*// татар. *ала*// казах., узб. *алады*// уйг. *алиду* «он (она, оно) берет, возьмет».

2. Из форм прошедших времен глагола следует отметить:

а) киргизско-алтайскую форму прошедшего времени неожиданности на-ып + тыр: *барыптыр* // казах., уйг., узб. с выпадением конечного *р* — *барыпты* «оказывается, ходил»; в современном хакасском сохраняется конечный *р*, но формант *-тыр* присоединяется не к деепричастиям на-п, а прямо к основе глагола: *партыр*;

б) сложное прошедшее незавершенное время типа кирг., алт. *баратты* «он (она) в данное время шел (ехал) в пути», которое в такой форме и значении в окружающих языках не встречается. Оно восходит к сочетанию *бара* + *жатты*.

3. В качестве специфических киргизско-алтайских форм наклонения можно указать следующие:

а) форма повелительного наклонения 1-го лица множественного числа на-лы: кирг., алт. *баралы* «пойдем», которой соответствует в узб. лит. *борайлиқ*, уйг. *барайли*, казах. *барайық*. Повторяю, что данная форма выделяется как общая киргизско-алтайская, хотя она встречается в восточном диалекте современного уйгурского и в смежном с киргизским говоре казахского языка³;

б) киргизско-алтайская форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа на-ңар: *барыңар* «идите-ка». Судя по таблице Н. Ф. Катанова, привлекавшего для сравнения 48 родственных тюркских языков, данная форма встречается в говорах современного хакасского и тувинского языков, что исторически вполне объяснимо. Форма-ңар исторически возникла путем стяжения полной формы на-ң + дар, которая сохраняется ныне в казахском (*барыңдар*), ср. уйг. *барыңла(р)*, *эмиңла* < *алиңлар*.

4. Из сложных глагольных конструкций в качестве общей киргизско-алтайской формы можно указать еще на деепричастие на-п + глагольная частица *эле* (в южном диалекте алтайского языка и ичкиликском го-

¹ Любопытно заметить, что в енисейских надписях мы имеем *ыгла*- «плакать», что вполне закономерно соответствует современному кирг., алт. *ыйла*, где *ғ* после узкого гласного *ы* перешел в *й*; ср. аналогичное явление в соответствиях: кирг. *сый-узб. сый-* «вместиться», кирг. *дыйы-* || узб. *йығ-* «собирать». В древнеуйгурском и современных турецком и азербайджанском имеем форму *агала-*.

² См. Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.—Л., 1940, § 113.

³ См. Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, «Известия АН Казах ССР», Серия филологическая, вып. 4 29), 1946, стр. 58 и сл.

воре киргизского языка *ле*). Авторы «Грамматики алтайского языка» отмечали эту форму со значением продолжительности, незавершенности действия: *ол дьүрүп ле отурды* «он (она) продолжал идти»¹. В современном киргизском мы имеем то же самое: *ал джүрүп эле отурду* в том же значении. Эта форма, кажется, встречается в некоторых говорах уйгурского языка, что также исторически вполне объяснимо.

Далеко не исчерпанный нами перечень общих киргизско-алтайских фонетических и морфологических признаков можно на этом ограничить, ибо приведенного вполне достаточно, чтобы убедиться в особых исторических взаимоотношениях между современными киргизским и алтайским языками и их носителями.

Если мы при сравнении современных форм в этих двух языках находим очень много общих, притом для киргизского о б щ е н а р о д н ы х, признаков, то в то же время сравнение общекиргизских форм с формами таких родственных языков, как казахский, узбекский и отчасти уйгурский, не дает нам ни одного существенного признака, объединяющего или сближающего современный общенародный киргизский язык с одним из названных выше языков, хотя киргизский народ, как известно, в последние века, по крайней мере с начала XVI в., живет в непосредственной близости с носителями этих языков и имеет с ними тесные культурно-экономические и политические связи. Конечно, это взаимодействие не могло не привести к возникновению общих черт в лексике. Это прежде всего заимствованная до революции иранско-арабская лексика, значительная часть которой прочно закрепилась в современных среднеазиатских языках, например: *кат* «письмо», *мектеп* «школа», *пахта* «хлопок», *мөмө* «плод (ягода)», *таза* «чистый», *соода* «торговля», *тараза* «весы» и т. д. Много общего создано в этих языках в послереволюционный период.

Все вышеперечисленные факты об общекиргизско-алтайских соответствиях подтверждают гипотезу В. А. Богородицкого, который писал следующее: «Ввиду приведенных и других сходств при одинаковости законов губного сингармонизма будет правдоподобным допустить, что некогда каракиргизский диалект находился в смежности и единении с алтайским и лишь впоследствии занял настоящее свое местоположение»². В подтверждение этого предположения, сделанного, надо сказать, из одного лишь, но существенного факта (действие закона лабиальной гармонии гласных), автор ссылаясь на исторические сведения об енисейских киргизах. «Этот вывод, — писал он, — полученный чисто лингвистическим путем, находит себе и историческое подтверждение в сказаниях китайцев, гласящее между прочим, что каракиргизы к концу VI в. составляли обширное сильное государство, вобравшее в себя племена, обитавшие на юге Енисейской губ., на востоке доходившее до Байкала, на юге — до Вост. Туркестана и может быть еще далее»³.

Лексика

Факты из области общего для киргизского и алтайского языков основного словарного фонда, который в подавляющей части по своей структуре дает единый фонетический тип и близкую семантику, свидетельствуют о том, что указанные фонетические и морфологические черты формировались в эпоху развития общего для них языка-основы.

Сходство же фонетической структуры весьма существенно, ибо, как известно, основной словарный фонд в своей наиболее древней части в

¹ См. «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869, стр. 97 (§ 115).

² В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 70.

³ Там же.

близкородственных языках различается главным образом по фонетической структуре: ср. кирг., алт. *толо*-// казах. *толе*-// уйг. *толимэк*!// татар. *тулэ*- «платить».

Кроме того, в основном словарном фонде, который исторически не является неизменным, имеется группа слов, иногда и корневых, встречающихся только в ограниченной части родственных языков.

С этой точки зрения представляют интерес слова, встречающиеся во всех говорах киргизского языка, а также, судя по лексикографическим источникам, в уйгурском и алтайском языках или только в киргизском и в алтайском языках.

Приведем некоторые из них:

1. Слова, встречающиеся в киргизском, уйгурском и алтайском языках:

а) кирг., уйг. *чоң* «большой»; алт. *чоң* «качество»;

б) алт., кирг., уйг. *чогул*-«собираться», от ныне мертвого в киргизском и уйгурском односложного глагола *чок*-«собирать», который сохраняется в алтайском; ср. монг. (письм.) *чуг* «вместе», *чугла*-«собираться»;

в) кирг., алт. *төрө*-, уйг. *төрэ*-, ср. монг. (письм.) *төрү*-«рождать»;

г) кирг., уйг. *кол*-«вставать, подниматься» (не встречается в среднеазиатских языках);

д) кирг., алт. *уй* «корова» (самка); в уйг. *уй* «бык, вол». На юге, в юго-западном диалекте киргизского языка *уй* почти забыто, но встречается в устойчивых сочетаниях: *жундучу уй* «як», дословно «шерстистая корова» (среди памирских ичкиликов), *музовлуш уй* наряду с *торпоктуш сыйыр*, «тельная корова»;

е) кирг., алт. *топчу*, уйг. *топча* «пуговица»; ср. монг. *тобши id*, казах., узб. и др. *туйме*;

ж) кирг., уйг. *шук*! — междометие, обозначающее примерно русское «тес! тихо!»; ср. алт. *шыж* «мирный, тихий», *шык болду* «присмирел».

2. Слова, встречающиеся в киргизском и алтайском, а также тувинском и хакасском языках:

а) кирг., алт., хак., тув. *таан* «галка», на востоке Казахстана оно встречается в форме *таган*¹;

б) кирг. *таар* «дерюга для мешка», алт., тув. «мешок, тара из дерюги», хак. *таар* «накидка»;

в) кирг., алт. *темене* «большая толстая игла»; ср. монг. *тэмэнэ*; казах., туркм. *тебен id*;

г) кирг., алт. *шибеге* «шило», монг. *шибүгэ id*, казах. *биз*, уйг., узб. *бигиз*;

д) кирг., алт. *чуркура*-«галдеть, шуметь»,

е) кирг., алт. *кокуй*! — междометие; производное от него: *кокуйла*!// *кокуйла*-«кричать от испуга»;

ж) кирг., алт. *таң* — междометие, кроме возгласа удивления, имеет значение отрицания: *таң! билбеим* «не знаю»;

з) трудно объяснить параллельным развитием и киргизско-алтайскую форму *унчук*-«подавать голос, промолвить; издавать звук», которая восходит к сочетанию имени *чи* «голос» + глагол *чык*-«выходить»; ср. кирг. *унчуду чыгарба* «голоса своего не подавай; замолчи!», казах. *даусынды шыгарма*! В казахском мы имеем также слившуюся форму *чнде*-«подавать голос; звучать; призывать», где первым компонентом выступало то же имя *чи*, но вторым — другой глагол *де*-«сказать, говорить»; ср. то же в уйг., узб. *индимэк*-«отвечать словом, промолвить»;

¹ См. «Казаково-русский словарь», М., 1925 (обл.: 1926), стр. 52; (на казах языке); ср. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905, стр. 796, где это слово приведено в значении «голубь».

и) любопытно наличие в киргизском и алтайском двух форм слов, этимологически связанных с ныне мертвым вспомогательным глаголом *эр*: *эмей* со значениями в киргизском «а если не; разве; конечно», в алтайском «разве; ведь» (алт., кирг. *көп эмей* «разве не много!»); *эмесе* // алт. *эмесе* «если так; в таком случае; или».

Как видно, приведенные факты из области основного словарного фонда опять-таки связывают современный киргизский язык с тем же алтайским или, еще шире, с тувинским и хакасским языками, с одной стороны, и с уйгурским языком, с другой, тогда как мы не находим в основном словарном фонде киргизского языка группы слов, свойственной только киргизскому и узбекскому или только киргизскому и казахскому языкам. Иначе говоря, в области общенародной лексики мы замечаем то же самое явление, которое было обнаружено в области фонетики и грамматики при рассмотрении третьей группы общенародных черт в современном киргизском языке.

5

В качестве четвертой группы общенародных черт, свойственных только современному киргизскому языку, нами обнаружено следующее:

1. В области фонетики — джокание (в других родственных языках, как нам известно, оно имеет диалектный характер). Эта киргизская аффриката исторически может быть сопоставлена с алтайской звонкой аффрикатой *дь* или с хакасской звонкой аффрикатой *чь* и тувинской озвончающейся между гласными аффрикатой *ч*, но не с хакасским жоканием или йоканием в других языках; ср. в иссык-кульском говоре киргизского языка чередование *ч* // *джис*: *чө жис* // *жө джис* «цыпленок», *дыжыгач* // *чыгач* «дерево».

2. В области морфологии можно указать в качестве специфических киргизских форм только две: во-первых, прошедшее время обычности на *-чу*, например *мен барчумун* «я обычно ходил (хаживал)», но эта форма встречается также в хакасском языке в древнем оформлении на *-чых*: *мен парчыхтын* «я ходил»¹; во-вторых, форма родительного падежа на *-нын*, которую можно считать исключительно киргизской формой, так как во всех других языках ей соответствует форма на *-ның* с заднеязычным носовым *ң* в конце²; ср. кирг. *баланын* // в других языках *баланың* «ребенка».

Из описанных кратко четырех групп общенародных языковых признаков первые две группы могут быть не приняты во внимание при характеристике современного киргизского языка, так как они в одинаковой мере являются общенародными и для любого из близкородственных языков (узбекского, казахского и других). Четвертая же группа общих черт коллественно слишком незначительна.

В освещении истории формирования общенародного киргизского языка важное место как по объему, так и по своей значимости должна занимать третья группа признаков, которая оказывается общей для всех современных диалектов киргизского языка и в то же время для южного диалекта современного алтайского языка.

Отсюда вытекает сам собой напрашивающийся и весьма существенный вывод о том, что в главных своих чертах общенародный киргизский язык сложился в период продолжительной общности предков — носителей современного киргизского языка и южных диалектов алтайского языка.

¹ См. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова - Грекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 458 и др.

² В турецком языке *н* объясняется конвергенцией звуков *н* и *ң*.

6

Знаменитый ученый (лингвист и историк) начала XI в. Махмуд Кашгарский в предисловии к «Словарю тюркских наречий» при перечислении родов и племен Чуйской, Таласской, Иссык-Кульской долин, Тянь-Шаня и Ферганы не упоминает ни одного этнонима, встречающегося в составе современного киргизского народа. Говоря же о тюркоязычных племенах, живущих к востоку от Черного моря, он помещает киргизов на крайнем востоке территории, занятой тюркскими племенами, и указывает, что киргизы близки к стране Чин (т. е. Китаю). Подобное расположение киргизов того времени несколько перекликается с данными, имеющимися в анонимном труде «Худуд-ал-алем» («Границы мира»), согласно которому в период киргизского великодержавия киргизы были в городах Пенчуле¹ (около современного г. Учтурфан) и Аксу² (город носящий ныне то же наименование). О том, что основная масса киргизов в эпоху монгольского нашествия оставалась на отрогах Алтая, свидетельствует сообщение историка конца XIII и начала XIV в. Рашид-ад-дина. Он приводит живущую до сих пор в народе легенду о происхождении киргизов от 40 девушек и о том, что страна киргизов и Кэм-кэмджиут составляют одно владение³. Этот же автор указывает, что племена урасути и теленгуты «обитают в пределах страны киргизов», что племена ойротов монголоязычны и живут в верховьях той же реки Кэм (т. е. в восьмичерчии «Сегизмурзы»), что баргуты, туласы (вероятно, төлөсы) и канглы живут на Иртыше и в пределах гор между страной киргизов и страной уйгуров и т. д.

Доказательства того, что киргизы еще в конце XIII в. оставались в своей главной массе в районах южного Алтая и верховьев Енисея, находим, кроме указанных выше исторических источников, в труде историка-археолога С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», где он пишет следующее: «Однако и после этого (т. е. после нашествия киданей в XI в. — *Б. Ю.*) киргизы сохраняли свое государство на Енисее, отличавшееся независимостью и силой. Непоправимый удар киргизам был нанесен лишь завоеванием Чингизхана... Однако они (т. е. киргизы. — *Б. Ю.*) оставались опасными», в 1218 году «киргизы восстали в тылу монгольских армий... Новое восстание было поднято киргизами в 1254 г. ...монголы вынуждены были двинуть на Енисей 20 тыс. воинов... Но и усмирненные киргизы представляли, очевидно, большую опасность. Поэтому Хубилай-хан распорядился в 1293 г. вывести часть киргизов в Маньчжурию...»⁴.

Тот же автор на основании археологических материалов о взаимоотношениях киргизов и алтайцев пишет следующее: «Значительность киргизских черт в алтайской культуре IX—X вв. может служить новым основанием для предположения не только о культурной, но и о политической зависимости Алтая от киргизов»⁵.

Память о киргизах, как о многочисленном народе, сохранялась у жителей районов древнего обитания киргизов до недавнего времени. Знаменитый путешественник-этнограф Г. Н. Потанин в середине прошлого столетия писал, что «Чудские могилы дюрбюты приписывают народу,

¹ См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 31.

² См. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 364.

³ См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 150

⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 317.

⁵ Там же, стр. 314.

которым управлял Киргиз-хан, торгоуты их называют Киргизин-юр; в Забайкальи буряты приписывают их также киргизам»¹.

Многие фактов, перекликающихся с данными лингвистики, мы имеем и в области этнографии. Историкам и тюркологам хорошо известно совпадение многих, причем наиболее распространенных, киргизских этнонимов с алтайскими, тувинскими и хакасскими, в составе которых имеется и название «кыргыз» а также встречаются общие этнонимы: *төлөс*, *мундуз*, *багыш* (в виде *погоше*), *тастар*, *джелден* (в виде *челден*), *кызай*, *шыгай* (в виде *сагай*)², *мунгуш* (или *монгуш*), *бугу*, *саруу* (в виде *сарлар* и *сару*), *каба*, *азык* (в виде *ассык*)³ и другие. Обращает на себя внимание тот факт, что название *кыргыз* встречается среди алтай-кижи, а *бурут* (так называли киргизов калмыки) — среди теленгутов, т. е. опять на юге Алтая⁴.

Важно заметить, что все эти этнонимы являются характерными для киргизов и почти не встречаются у узбеков и казахов.

Любопытно сопоставить некоторые топонимические названия современной Киргизии и Алтая. Многие названия основных рек и местностей Киргизстана оказываются перенесенными из Алтая; ср. Чуй на Алтае и здесь, а также Каракуджур, Боом, Куркюре, Корумгу, долина Кулунду и др., в то же время такие названия, как Нарын, Көкөмерен, Каракөл и др., вероятно, унаследованы от монгольского населения⁵.

Основываясь на описаниях китайских и азиатских географов путей к стране Кыргыз, В. В. Бартольд предполагал, что в древности киргизы жили не только на Енисее, называемом тогда Кэм, но и значительно южнее, в районах современного озера Кыргыз-нор в северо-западной Монголии⁶.

Судя по этим данным, киргизы до начала XIV в. располагались в верховьях реки Кэм (т. е. Енисей) и на юго-запад от нее, но в то же время не упоминаются они в качестве жителей Центрального и Западного Тянь-Шаня и Ферганской долины. Не говорит о них и Марко Поло, описывая путь из Самарканда через Памир в Кашгар и Хами⁷.

Ч. Валиханов на основании китайской летописи, которая в связи с енисейскими киргизами приводит легенду о происхождении киргизов от 40 девушек, делал заключение, что енисейские хакасы китайских летописей и тяньшанские киргизы тождественны⁸. Кроме того, он указывает, к сожалению, без ссылки на источники, что «в маршруте Гулагу 1253 встречаются киргизы (Килики-цзы) на Тянь-Шане и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая (горная цепь юго-восточнее Алтайских гор. — Б. Ю.) и обратно продолжались и в последующие времена...»⁹. Возможно, что здесь речь идет о восточном Тянь-Шане.

¹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, СПб., 1881, вып. II, Примечания, стр. 11.

² Первые семь названий отмечены В. Радловым в его работе «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии» (перевод с немецкого, Иркутск, 1929, стр. 6, 7, 10, 11, 26).

³ Все эти этнонимы названы Г. Е. Грумм-Гржимайло (см. «Западная Монголия и Урянхайский край», т. II, стр. 539—543; здесь же даны соответствующие ссылки на источники).

⁴ См. Н. А. Баскаков и Т. М. Тошак ова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 215, 217.

⁵ По-монгольски *нарын* «тесный, мелкий», *көкө* «синий», *мурэн* «река», *хара* «черный», *гол* «речка».

⁶ См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 15—16.

⁷ См. И. П. Минаев, Путешествие Марко Поло, СПб., 1902.

⁸ См. Ч. Валиханов, Очерки Джунгарии, «Записки Имп. Русск. геогр. о-ва», 1861, кн. 2, стр. 46.

⁹ Там же.

Историк А. П. Чулошников, описывая события начала XV в. в Средней Азии, указывает, к сожалению, также без ссылок на источники, что на Востоке «черные» киргизы продолжали свои передвижения с Енисея на Памир и Тянь-Шань, что часть киргизов, оставшаяся еще на Востоке, примкнула к ойратам¹.

Нахождение небольшой части киргизов на Тянь-Шане, скорее всего в восточном Тянь-Шане, в XIII—XIV вв. вполне возможно, ибо в IX—X вв. западная граница киргизского государства доходила до Аксу и Кашгара. Последовавшие одно за другим нашествия каракитаев (киданей) в X—XI вв., монголов Чингис-хана в XII—XIII вв., калмыков в XIV—XVI вв. постепенно вытесняли киргизов с востока на запад и юго-запад, порою, быть может, угоняя покоренные киргизские племена.

Как известно, первые наиболее достоверные сведения о киргизах, как о довольно крупной силе на Тянь-Шане, мы имеем с начала XVI в. в связи с событиями, связанными с Султан-Халилем, который бежал сначала к киргизам, считавшимся «дикими львами» Моголистана, а затем ушел в Фергану, принадлежавшую в то время узбекам².

Предположение Н. А. Аристова о нахождении киргизов со II в. до н. э. на Тянь-Шане было отвергнуто В. В. Бартольдом также на том основании, что до XVI в. киргизы считались чуждыми исламу. В связи с этим весьма важно историческое известие, оставленное узбекским историком Махмуд-ибн-Вели (XVII в.), о том, что киргизы — не мусульмане, а кафиры, что 12 тыс. семей киргизов впервые прибыли в 1636 году через Каратегин в Гиссар и просили у узбекского хана в Балхе разрешения поселиться. Известно также и то, что одним из условий разрешения на поселение было принятие этими киргизами ислама. Надо полагать, что это было на Юге последнее переселение киргизов с Востока на Запад, связанное с джунгарским нашествием и оставившее в языке память: *Казак кайың сааганда, кыргыз кысар киргенде* «Когда казахи дошли березу (т. е. ушли в Сибирь), когда киргизы вопли в Гиссар».

Мне представляется, что это были предки памирских киргизов, которые ныне живут в Гармской и Горнобадахшанской областях Таджикистана и относят себя к отделу Ичкилик, поскольку другого такого перемещения киргизов в том районе позже мы не знаем. Нам хорошо известно, что эти киргизы из-за непреодолимых горных препятствий поддерживают весьма слабую и непродолжительную (в течение только 2—3 месяцев в году) связь как между собой в указанных областях, так и с киргизами западных районов Ошской области. С другой стороны, киргизы родов и племен отдела Ичкилик, жившие на Памире и Алае и далее на запад, за последние века, по крайней мере в известный нам с начала XVII в. период, оказались вообще географически изолированными. Это в еще большей степени относится к киргизам того же отдела, проживающим на западе и севере Кашгарии до городов Хотан, Турфан и Яркенд и частично на севере Афганистана³. Мало того, историкам хорошо известно, что за указанный период до самой Октябрьской революции весьма слабы и кратковременны были связи между киргизами отдела Тагай (северокиргизские племена) и отдела Адигине (южнокиргизские племена, кроме отделов Мунгуш и Ичкилик). Судя по данным современного языка и исторических известий, можно сказать, что за указанные 4—5 веков, до на-

¹ См. А. П. Чулошников, Очерки по истории казак-киргизского народа..., Оренбург, 1924, стр. 72 и сл.

² См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 51—52.

³ О киргизах — представителях племен теит, кесек и других, живущих в указанных районах, см. Фонд Ин-та языка, лит-ры и истории Кирг. филиала АН СССР, инв. № 1057, стр. 179 и сл.

чала XIX в. северные киргизы больше общались с казахскими племенами, даже непродолжительно объединяясь с ними во времена Касым-хана и Джаныбек-хана, нежели со своими соплеменниками на юге. Южные же киргизы имели тесное культурно-экономическое и политическое взаимоотношение с узбеко-уйгуро-таджикоязычным населением Ферганской долины, Памира и Кашгарии. Такое обстоятельство не могло не привести к довольно серьезным расхождениям в наиболее изменчивой области их языка — в лексике, что действительно наблюдаем мы ныне на ирано-арабских заимствованиях, которые в ряде случаев у южан оказались настолько прочными, что начали вытеснять исконные киргизские слова.

История киргизов в тьяншанский период еще раз подтверждает тот вывод, что общенародный киргизский язык мог сложиться и в действительности формировался далеко на Востоке, на юге Алтайского хребта, по крайней мере до XIV—XV вв. Процесс его формирования, вероятно, начался гораздо раньше, еще в первом периоде истории енисейских киргизов, в I—VIII вв. н. э., о чем свидетельствуют отмеченные нами выше общие признаки с хакасским и тувинским языками. Окончательное формирование общенародного киргизского языка может быть отнесено ко второму периоду истории киргизского народа, а именно к VIII—XII вв., т. е. до момента каракитайского (киданского) нашествия.

В этот период продолжительной общности носителей всех основных диалектов киргизского языка и южноалтайского диалекта и сложились общие киргизско-алтайские черты, кратко описанные нами выше. Так как эти общие киргизско-алтайские черты оказываются по своему объему и значимости основными, решающими в характеристике современного киргизского языка, то мы приходим к выводу, что современный общенародный киргизский язык сложился не в тьяншанский период разобщенности киргизских племен, а в более древнюю эпоху истории киргизского народа.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Б. ШАПИРО

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ
КАК ЧАСТЬ РЕЧИ?

О «категории состояния» за последние два-три десятилетия писали многие. Фигурирует она и в программах и учебных пособиях по современному русскому языку для высшей школы. Считается бесспорным, что «категория состояния» — особая часть речи в русском языке, занимающая в нем такое же место, как и все остальные части речи.

Теоретической разработкой вопроса о «категории состояния» занимались крупнейшие советские языковеды — Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов и В. В. Виноградов. Некоторые интересные положения о «категории состояния» мы находим в недавно вышедшей работе А. В. Исаченко¹.

Впервые на эту группу слов обратил внимание А. Х. Востоков, отметивший, что у кратких прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени, а также у слов типа *можно, жаль, лъзя, лень* имеются некоторые черты глагола: время, значение безличности. Востоков, правда, не выделил эти слова в особую часть речи, а отнес их к глаголам, изъяв их тем самым из классов существительных, прилагательных и наречий, куда их зачисляли по установившейся традиции.

Всестороннее и обстоятельное изучение слов, относимых к «категории состояния», имеет большое значение, так как углубляет учение о слове как в лексическом, так и в синтаксическом аспектах. В результате такого изучения открываются подчас новые возможности освещения некоторых процессов в области исторического синтаксиса (например, историч. синтаксических функций кратких прилагательных и наречий на -о в связи с характером их лексических значений), исследования некоторых типов безличных предложений (например, безличных предложений типа *Нечего делать, Непкуда пойти; Не с кем посоветоваться* и др.), а также закономерностей употребления в качестве сказуемых имен существительных, обозначающих состояние, отношение и т. п. (*Она в ужасе, Он без сознания, Я всему виною, Он из купцов* и т. п.).

Однако вопрос о том, что рассматриваемые типы слов образовали в русском языке самостоятельный и цельный грамматический класс, выступающий как новая часть речи, нельзя считать разрешенным в положительном смысле. Та аргументация, которая до настоящего времени выдвигалась и продолжает выдвигаться в пользу признания особой части речи — «категории состояния», не может быть признана убедительной.

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954 [тит. л. паралл.— на русском и чешском языках].

*

Для решения вопроса о принадлежности слова или целого разряда слов к той или иной из существующих в языке частей речи нужно исходить из того, на каком принципе основано самое учение о частях речи. Тем более нужна полная определенность в указанной области, когда речь идет о формировании в языке новой части речи (независимо от того, закончился или еще продолжается процесс формирования). ✓

Конечно, в основу классификации любых явлений действительности могут быть положены различные принципы. Но несомненно то, что при выборе классификационного принципа следует избирать сущест-
2 в е н н ы е признаки классифицируемых объектов, т. е. такие, в которых в наибольшей степени отражаются их специфические черты.

Можно рассматривать части речи в русском языке (как и в любом из существующих языков) как лексические классы слов. Для русского языка это означало бы классификацию слов по значениям их основ. Такая классификация относилась бы к семасиологии, но не была бы грамматической классификацией.

Можно рассматривать части речи исходя из функций, выполняемых словом в предложении. Но при такой классификации части речи совпадали бы с членами предложения. Если такая классификация и возможна в языках корневых, т. е. таких, в которых слова не имеют морфологического строения, то в языках флективных она привела бы к тому, что в одну и ту же «часть речи» попали бы слова с самыми различными значениями (предметности, действия, признака и т. п.) и морфологическим строением: известно, что один и тот же член предложения может выражаться в этих языках словами, существенно различающимися по своим грамматическим значениям.

Грамматическое учение о частях речи не случайно возникло и сложилось в языках флективного строя. Есть все основания считать, что формальные элементы в словах выработались как структурные «отложения» их категориальных лексических значений и синтаксического употребления. Но и независимо от того, как представлять себе генезис морфологических форм слов, нельзя отрицать того очевидного факта, что в очень многих современных языках строение слова находится в самой непосредственной связи с выражаемыми в нем определенными категориальными значениями: лица, числа, рода, падежа и т. п. Эти структурные черты слов образуют строгую систему, позволяющую классифицировать слова совершенно независимо от значения их основ и от их функций в словосочетании и в предложении¹.

Все это дает основание считать части речи морфологическими классами слов. Каждый из этих классов обладает определенным комплексом форм, являющимся показателем грамматического значения слова. В результате длительного употребления в роли членов предложения слова стали различаться своими «благоприобретенными» синтаксическими свойствами, из которых одни являются для этих слов основными (например, функция определения для полных прилагательных), другие — второстепенными (например, функция подлежащего для инфинитива) или реализующимися лишь в определенных условиях (например, функция сказуемого для существительного и прилагательного). За каждой частью речи закрепляются определенные «словосочетательные» свойства: она связывается в ре-

¹ Следует оговориться, что речь идет о так называемых «полных», или «знаменательных», словах, т. е. словах, выполняющих номинативную или указательно-номинативную функцию и потому являющихся членами предложения.

чи с другими словами, образуя цельные по смыслу словесные двучленные группы («словосочетания»). Так, за полными прилагательными закрепилось свойство сочетаться с существительными всех типов, за всеми наречиями — свойство сочетаться с глаголами, за некоторыми типами наречий — свойство сочетаться с отглагольными существительными (*спуск вниз, бой вруклопашную*) и т. п.

*

В ряде работ, опубликованных в последние десятилетия, все чаще и настойчивее проводится взгляд на части речи в русском языке как на классы слов, характеризующиеся различными признаками: не только морфологическими, но и синтаксическими, а также лексическими. А. А. Шахматов писал, что «морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи»¹. Он неоднократно указывает на то, что препятствием к установлению принадлежности слов к той или иной части речи на основе их морфологических признаков является наличие в русском языке таких слов, которые морфологически не обнаруживают их связи со свойственными данной части речи грамматическими категориями (несклоняемые существительные, неспрягаемые глагольные формы — инфинитив, деепричастие и т. п.). Попытка А. А. Шахматова дать синтаксическую характеристику частей речи русского языка² не может быть признана удачной. Эта характеристика не содержит в себе определений частей речи. Не удовлетворившись, видимо, данными «определениями», А. А. Шахматов указывает на более глубокие основания для различения частей речи — основания семасиологические; он приходит к выводу, что «необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям»³.

Точка зрения А. А. Шахматова оказала серьезное влияние на изучение вопроса о частях речи в последующий период. А. М. Пешковский также думал, что учета одной лишь системы окончаний, т. е. одних только морфологических признаков слов, недостаточно для отнесения слова к той или иной части речи. Поэтому он считал необходимым положить в основу классификации слов по частям речи характер сочетаемости слов с другими словами в словосочетании. Однако при анализе прилагательного и глагола этот признак остается у Пешковского неиспользованным. Автор сам объясняет это тем, что в глаголе и прилагательном формальные признаки самих слов достаточно выразительны для того, чтобы на основании их могла быть установлена принадлежность к соответствующей части речи⁴.

Оказывается, таким образом, что привлечение синтаксических свойств слова как одного из признаков части речи понадобилось А. М. Пешковскому только для существительного, да и то только потому, что в составе этой части речи есть небольшое число слов, не имеющих форм. Если бы таких слов не было (а ведь это в большинстве своем слова заимствованные, грамматически не освоенные в нашем языке, либо аббревиатуры), для

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 420.

² «Существительное — это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное — это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие — это часть речи, употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства» (там же, стр. 427).

³ Там же, стр. 428.

⁴ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 112.

А. М. Пешковского (как, надо полагать, и для А. А. Шахматова) вопрос о синтаксических признаках частей речи, повидимому, и не возник бы.

Изложенный выше взгляд Шахматова на части речи получил дальнейшее развитие в грамматических высказываниях Л. В. Щербы. Считая, что грамматические категории должны иметь «внешние выразители», Л. В. Щерба указывает, что эти внешние выразители могут быть самыми разнообразными по своему характеру. «Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. *Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду*, *какаду моего брата*, *какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное»¹.

В приведенных словах ощущается еще непосредственная преемственная связь со взглядами А. А. Шахматова и А. М. Пешковского: сочетаемость слов является замещающим признаком для установления принадлежности слова к той или иной части речи при отсутствии морфологических показателей (характерно, что все три автора оперируют при этом несклоняемыми существительными). Но дальше Л. В. Щерба обнаруживает значительно более скептическое отношение к роли морфологических признаков при определении частей речи. Указывая, что «изменяемость по падежам является признаком существительных и прилагательных в русском языке», он спешит с примечанием: «Впрочем, едва ли мы поэтому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные» — и тут же добавляет: «Я полагаю, что все же функция слова в предложении является в с я к и й р а з наиболее решающим моментом для восприятия»².

Но если так, то какое же значение имеют морфологические признаки слов? Выходит, что можно с ними совсем не считаться, лишь бы только знать, какова «функция слова в предложении». И если так, то совсем безразлично, склоняются ли существительные в русском языке или все они, подобно *какаду*, не обладают признаком «специфической изменчивости». А если действительно «наиболее решающим моментом для восприятия» категориального значения слова (принадлежности к той или иной части речи) является его функция в предложении, то на каких основаниях можно устанавливать различия грамматических систем языков: ведь функции слова с одинаковым лексическим значением более или менее одинаковы во всех языках, в то время как особенности строения слов и наличие в них тех или иных «выразителей» отдельных грамматических категорий в разных языках различны.

Л. В. Щерба не дал ясного ответа на вопрос о том, что такое часть речи, и не продвинул вперед проблему размежевания синтаксиса и морфологии как двух аспектов грамматического описания языковых фактов.

*

Взгляды Л. В. Щербы на части речи встретили сочувствие у большинства русских грамматистов и нашли отражение во многих грамматических работах. За период, превышающий четверть века, в нашей печати не было сделано ни одной попытки критически рассмотреть и оценить кон-

¹ Л. В. Щ е р б а, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, Новая серия, II, Л., 1928, стр. 8.

² Там же, стр. 6.

цепцию Л. В. Щербы. Этим объясняется тот факт, что выделенная им новая часть речи — «категория состояния» — получила быстрое признание в широких лингвистических и педагогических кругах. «Категория состояния» как самостоятельная часть речи в русском языке — вполне последовательный вывод из общей теории частей речи, изложенной Л. В. Щербой. Обратив внимание на то, что в русском языке остается «ряд слов..., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно» (речь идет о словах *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п.), Л. В. Щерба готов вначале примириться с отнесением их «по формальному признаку неизменяемости» к наречиям, с оговоркой, что эти слова «...употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подвоятся под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию»¹. К приведенным выше словам Л. В. Щерба присоединяет также формы, как *холодно, светло, весело* и т. п. в фразах: *На дворе становилось холодно; В комнате было светло; Нам было очень весело* и т. п. «Может быть, — пишет Л. В. Щерба, — мы имеем дело здесь с особой категорией состояния (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого — безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) | *запрещается; можно* (в одном из значений) | *позволяется; становится холодно | холодает...* Формальным признаком этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой, с другой...»².

Внеся такое предложение, Л. В. Щерба тут же добавляет: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке»³. Как бы ослабив последней оговоркой свою «ответственность» за выдвинутую новую категорию, Л. В. Щерба переходит к постепенному расширению ее объема. Сперва он указывает, что в категорию состояния может быть введен и ряд слов, выступающих в личных конструкциях: *я готов, я должен, я рад, я способен, я болен, я намерен*. Таким образом, отбрасываются признаки безличности и неизменяемости, которые немногими строками выше были выдвинуты в качестве характерных для категории состояния. Вступив на этот путь, Л. В. Щерба пишет: «В конце концов правильны будут и следующие противоположения: *я весел* (состояние) | *я веселюсь* (состояние в виде действия)... *он шумен* (состояние) | *он шумит* (действие) | *он шумливый* (качество)... и без параллельных глаголов: *он печален* | *он печальный...* *палка велика для меня* | *палка—большая...* То же по смыслу противоположение можно найти и в следующих примерах: *я был солдатом* (состояние: «*j'ai été soldat*») | *я солдатствовал* (состояние в виде действия) | *я был солдат* (существительное: «*j'ai été un soldat*»).... Наконец под категорию состояния следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, на чеку, без памяти, без чувств, в шуртуке* и т. п. и т. п. Во всех этих случаях *быть* является связкой... поэтому слова *навеселе, наготове* и т. д. едва ли могут считаться наречиями. Они все тоже выражают состояние...»⁴

Так, начав с попытки грамматического выделения (пусть по синтаксическому признаку сочетаемости) слов, зачисляемых в «категорию состояния» как в особую часть речи, Л. В. Щерба приходит в конце концов к тому, что единственным признаком, объединяющим все слова,

¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, стр. 16.

² Там же, стр. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 17—18.

относимые им к этой «части речи», оказывается их лексическое значение (конечно, в соответствующем грамматическом оформлении): это ясно вытекает из того, что, зачисляя в категорию состояния такие слова, как *готов, болен, навеселе, без чувств* и т. п., он не дает в числе примеров таких слов, как *веселлив, прост, знаком, накоротке* (обозначающие не состояние, а взаимоотношение), *без танцев* (например, *Вечер будет без танцев*) и т. п.

Почувствовав уже в самом начале описания «категории состояния» шаткость занятой позиции, Л. В. Щерба в конце раздела, посвященного им этой «части речи», высказывается еще более осторожно. Он пишет: «Хотя все эти параллели едва ли укрепили мою новую категорию, так как слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненными для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит общей марки. Сейчас формально категорию состояния пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями: нуль для мужского рода, -а для женского рода, -о, -э (искренне) для среднего рода, или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное значение)¹. Самый этот итог, к которому пришел Л. В. Щерба, как нельзя более выразителен. Оказывается, не только нельзя утверждать, что «категория состояния» укрепилась в русском языке как самостоятельный и грамматический класс слов (часть речи) наравне с другими классами, но возможно, что она никогда не получит «общей марки». В чем черпает Л. В. Щерба свое убеждение, что русский язык делает попытки «иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях», — трудно сказать: ведь все те явления, которые зачисляются в наше время в «категорию состояния», существовали уже и в древнерусском языке (подробнее об этом см. ниже) и продолжали существовать в русском языке во все периоды его жизни вплоть до настоящего времени, причем не наблюдается никаких явлений, свидетельствующих об их морфологической и синтаксической концентрации вокруг каких-либо существенных, «ведущих» для всей категории признаков.

Попытка Л. В. Щербы дать «формальное» определение «категории состояния» чрезвычайно показательна: единственным позитивным «формальным» признаком оказалось употребление со связкой. Но ведь со связкой при выполнении функции составного сказуемого выступают вообще все части речи, не являющиеся глаголами, а также некоторые неспрягаемые глагольные формы (причастия, инфинитив). А далее идет ряд негативных признаков (не полное прилагательное, не именительный падеж существительного). И весьма характерно утверждение, что слова «категории состояния» могут выражаться формами существительных, «формами с родовым окончанием» *нуль, -а, -о* (добавим: согласуемыми с существительными-подлежащими в роде и числе), иначе говоря: слова, принадлежащие к этой новой «части речи», могут выражаться формами других частей речи.

И. И. Мещанинов, опираясь на приведенную выше статью Л. В. Щербы и на высказывания по этому же вопросу В. В. Виноградова², также

¹ Там же, стр. 18.

² См. В. В. Виноградов, Современный русский язык, выпуски 1 и 2, М., 1938.

ввел «катеґорию состояния» в число частей речи русского языка. Он разделил все слова этой «части речи» на две группы: 1) безлично-предикативные формы, 2) нечленные прилагательные и причастия. И. И. Мещанинов резко противопоставляет морфологическую характеристику слов «категории состояния» их синтаксической функции. Он пишет, что слова первой группы «...сближаются по грамматической форме с наречиями, вторые же с прилагательными, краткою (нечленною) формою которых они и являются»¹. Неоднократно повторяя, что безлично-предикативные формы «категории состояния» тяготеют по грамматической форме к наречиям, И. И. Мещанинов в заключение рассматривает выделение их в особую часть речи как лексическое их обособление, покоящееся на синтаксической основе. Его вполне удовлетворяет то, что часть речи (в данном случае «категория состояния») характеризуется только функционально-синтаксическими признаками, а с точки зрения морфологической (по «грамматическим формам») может «тяготеть» к какой-нибудь другой части речи и даже быть формой другой части речи (см. приведенное выше утверждение, что слова, входящие во вторую группу «категории состояния», являются краткою формой прилагательных). Следует признать, что во взглядах И. И. Мещанинова на «катеґорию состояния» нет полной последовательности; это объясняется недостаточной ясностью его общей концепции взаимоотношения членов предложения и частей речи. Не должно в связи с этим удивлять и такое утверждение И. И. Мещанинова, которое в конце концов сводит на нет все его попытки обосновать существование в русском языке особой части речи — «категории состояния»: «Наречие... используется в основном своем значении как признак глагола или любой глагольной и отглагольной формы (*хорошо говорю, хорошо говорящий*). Наречие используется и отдельно в значении сказуемого (*мне хорошо*). Оно в этом случае оказывается синтаксически двузначным и не утрачивает возможности выступления в своем основном содержании обстоятельственного слова, хотя в отдельных контекстах и выступает сказуемым. В положении сказуемого могут выступать не только глагол, но и другие группы слов, не переставшие от этого оставаться другими частями речи. Если имя существительное остается им же и в позиции сказуемого, ср. *липа — дерево*, то и наречие не перестает быть наречием, когда самостоятельно выступает сказуемым, ср. *мне хорошо*»². Таким образом, слова, относимые к «категории состояния», остаются в то же время и наречиями: первое — по синтаксическому «использованию», второе — по «грамматическим формам». Что же такое после этого части речи?

В. В. Виноградов значительно углубил учение о «категории состояния», опираясь, в основном, на мысли Востокова и Некрасова и на концепцию Щербь. Поставив «катеґорию состояния» в один ряд со всеми остальными частями речи, он характеризует ее следующим образом: «Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого»³. Далее читаем: «Слова, относящиеся к категории состояния, выражают „недейственное“ состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и

¹ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 270.

² Там же, стр. 274.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 401.

т. п.). Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т. п.) — являются чистыми формами времени и склонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений¹.

Употребление входящих в «категорию состояния» слов в функции сказуемого — признак синтаксической. Одного этого признака, как уже было сказано выше, недостаточно для определения части речи, к которой относится слово. Исходя именно из этого признака (употребление с «вспомогательными глаголами *есть, было, будет*», т. е. в качестве сказуемых безличных предложений), Востоков относил такие слова, как *весело, можно, лъзя, жаль* и т. п., к глаголам, с чем, как видим, не согласны ни Л. В. Щерба, ни В. В. Виноградов.

Рассмотрим другие признаки — морфологические, а именно — формы времени и склонения, приписываемые В. В. Виноградовым «категории состояния». Кроме этих форм, в словах «категории состояния», развившихся из кратких прилагательных, усматривается также форма лица². Наличие этой формы выводится из соотношения таких конструкций, как *я (ты, он) должен — должно, я (ты, он) виден — видно* и т. п. «Краткие формы имен прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени», пишет В. В. Виноградов³. Это, видимо, надо понимать так, что поскольку краткие прилагательные постоянно употребляются как сказуемые, их форма ассоциируется с временным значением, и поскольку для выражения прошедшего и будущего времен привлекается связка *был—буду*, с отсутствием такой связки ассоциируется представление о настоящем времени. Это верно, но с существенной оговоркой: такая ассоциация относится к краткому прилагательному как к сказуемому, т. е. как к члену предложения, но не как к части речи. Как сказуемая конструкция, всякое краткое прилагательное, употребленное без связки, имеет значение настоящего времени. Но само по себе, как слово, морфологически, краткое прилагательное не включает в себе ни форм времени, ни форм склонения, ни форм лица. Ведь именно потому краткие прилагательные, при выполнении ими их сказуемостной функции, и нуждаются в связке, что сами они, в силу своей морфологической природы, лишены способности выражать категории времени, склонения, лица, чем принципиально отличаются от спрягаемых форм глагола. И этой своей чертой краткие прилагательные (все сказанное относится в такой же мере и к кратким страдательным причастиям и наречиям на *-о*, и к таким словам, как *пора, жаль* и т. п.) ничем не отличаются от имен существительных и полных прилагательных, когда эти последние выступают в функции сказуемого [ср. *мой брат — учитель, мой брат — высокий; мой брат был (будет) учитель, высокий* и т. п.]. Тот факт, что краткое прилагательное употребляется исключительно в функции сказуемого, а существительные и полные прилагательные могут употребляться и в других синтаксических функциях, к характеру их морфологической структуры, какой она является в настоящее время, отношения не имеет.

Точно так же обстоит дело и с формой склонения применительно ко всем разновидностям «категории состояния». *Я готов, мне весело, нам жаль, его* в такой же мере являются конструкциями с «оттенком» изъявительного склонения, в какой этот же «оттенок» свойствен таким конструкциям,

¹ Там же, стр. 401—402.

² См. там же, стр. 405.

³ Там же, стр. 402.

как я учитель, колхоз — богатый и т. п. Значения других наклонений могут появиться только при введении связки (*я был бы готов, будь готов, мне было бы весело, нам было бы жаль его*; ср.: *я был бы учитель, колхоз был бы богатый* и т. п.), ибо категория наклонения свойственна глаголу и не свойственна никаким другим частям речи.

3) Что касается формы лица в применении к кратким прилагательным, то здесь не может быть речи о лице, свойственном глаголу: в понятие формы глагольного лица включается, помимо самой связи действия с его субъектом, также и представление одного из трех лиц, противопоставляемого двум другим, причем каждая из этих форм имеет свой звуковой показатель. Этого, конечно, нет и не может быть у краткого прилагательного в силу его грамматической природы и морфологического строения.

В. В. Виноградов указывает на то, что у кратких прилагательных в результате ограничения их синтаксических функций «...развиваются значения, не свойственные полным прилагательным, и складываются новые синтаксические связи»¹. В качестве примера приводятся слова *готов* в значении «пьян», *повинен* в значении «обязан», *зол* в значении «сердит»; при этом указывается, что многие такие краткие прилагательные приобретают свойство управлять теми же косвенными падежами существительных, какими управляют глаголы той же основы: *зол — злиться* на кого-нибудь, *сердит — сердиться* на кого-нибудь, *жив — жить* чем-нибудь и т. п. Это верно, как верно и то, что не только краткие, но и многие полные прилагательные управляют теми же косвенными падежами, что и однородные по основе глаголы; ср. *склонный — склонен — склоняться* к чему-нибудь, *гордый — горд — гордиться* чем-нибудь и т. п. И поэтому вполне понятен вывод, что лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся от категории имени прилагательного. С именем прилагательным сближает эти формы общность словообразовательных признаков, у некоторых — наличие сравнительной степени. Кроме того, у многих кратких форм синтаксический отрыв от категории имени прилагательного не сопровождается изменением их лексических значений (ср. *кроток — кроткий; задумчив — задумчивый* и т. п.)... Нечто подобное наблюдается и в отношениях многих качественных наречий на *-о, -е* и *-ски* к лексически однородным именам прилагательным².

Получается впечатление, что автор цитированных строк склонен оставить рассмотренные формы в общей системе имен прилагательных и наречий, так как дальше он пишет: «Однако в категории состояния есть целый ряд и таких слов, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом... Они образуют грамматическое ядро категории состояния»³. Имеются в виду такие слова, как *рад, горазд, солон, намерен*, далее — такие, как *стыдно, совестно, можно, нужно* и т. п., и, конечно, такие, как *жаль, пора, недосуг*. Впрочем формулировка «... в категории состояния есть целый ряд и таких слов...» говорит о том, что и краткие прилагательные, и наречия на *-о, -е, -ски* также входят в «категорию состояния». Здесь — явное противоречие: слова эти, с одной стороны — не самостоятельные, не оторвались от категории имени прилагательного и наречия, а с другой — принадлежат к «категории состояния».

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 402.

² Там же, стр. 403—404.

³ Там же, стр. 404.

По мысли В. В. Виноградова, неоднократно им подчеркиваемой, указанное противоречие «снимается» тем, что «категория состояния» — не окончательно сформировавшаяся часть речи с ярко очерченными границами и морфологическими показателями, а грамматическая категория, формирующаяся, активно развивающаяся «на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия»¹.

Для того чтобы утверждение о формировании и активном развитии «категории состояния» в русском языке могло считаться доказанным и бесспорным, необходимо аргументировать его специальным историческим исследованием, которое наглядно показало бы, как зародилась эта «категория», как шел, постепенно нарастая, процесс концентрации ее элементов вокруг определенного грамматического стержня, — процесс, приведший к тому, что появилась новая часть речи, занимающая равноправное положение среди всех других частей речи и могущая быть противопоставленной им на основе единого и существенного классификационного признака. Такого исследования не существует, а непосредственные наблюдения над историческими фактами говорят о противоположном — о том, что все те формы с их сказуемыми функциями, которые вводятся в «категорию состояния» и Л. В. Щерба, и В. В. Виноградов, издавна существуют в русском языке и что никаких принципиально новых явлений в данной области не происходит².

А. В. Исаченко также признает наличие в русском языке особого грамматического класса слов, в советской литературе именуемого «категорией состояния». Он называет эту часть речи предикативами: термин «категория состояния» его не удовлетворяет ввиду его многозначности, а также потому, что этот термин «...исходит прежде всего из семантического признака данного ряда слов, причем слова типа *можно, надо, нельзя*, а также такие слова, как *пора́*, только с известной натяжкой подводятся под общее значение „состояния“³. Нельзя не согласиться с тем, что термин «категория состояния» для наименования части речи неудачен: если его еще с некоторыми оговорками можно допустить для приведенных здесь слов, то он совершенно не подходит для огромного большинства кратких прилагательных. Но дело, в конце концов, не в термине, который всегда в какой-то степени условен, хотя не лишним будет отметить, что термины «категория состояния» и «предикативы» отражают не морфологическое «лицо» слов, а первый — их лексическое значение, второй же — их синтаксическую функцию.

Принимая в целом учение о «категории состояния» Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, А. В. Исаченко, однако, не признает «предикативами» краткие формы прилагательных, соотносительные по значению с полными формами, а также формы на -о (-е) типа *мне интересно, мне приятно, интересно, что...* и т. п.: последние А. В. Исаченко считает формами среднего рода кратких прилагательных; здесь он не совсем последователен, коль скоро основной признак «предикативов» видит в том, что «эта группа объединяет прежде всего такие слова, которые встре-

¹ Там же, стр. 420—421.

² А. В. Исаченко приводит много соответствующих примеров (из памятников как старославянского, так и древнерусского языка). Из старославянского: *лѣтъ нѣтъ* («нельзя»), *лѣзъ* («можно»), *нѣтъ лѣзъ* («нельзя»), *неволь естъ* («необходимо»), *оунѣ* или *оунѣ* («лучше»). Из древнерусского: *лѣзъ, нельзя, надобѣ, неволь, трѣбъ; жель, бѣда; ажно, неажно, льпо, дневно, угодно, борао, тяжко, ало, гобино, достыно, чѣдно, жить*. Сюда же автор относит и краткие формы прилагательных типа *рад, готов, жив, прав, виноват, противен, недуж* и др. Приведены и предложения, в которых перечисленные слова выступают в функции сказуемого (см. А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 360—361).

³ Там же, стр. 359.

чаются исключительно в функции сказуемого, оторвались от своих основных парадигм и приобрели особые формы времени»¹.

А. В. Исаченко предлагает и свою классификацию «предикативов». На первое место он ставит «модальные предикативы». В эту группу входят слова *надо, можно, нельзя, (я) должен, (я) намерен* и т. п. Формальным признаком «предикативов» этой группы автор считает аналитический способ выражения категории времени и склонения, состоящий в акцентологическом ослаблении и энклитическом употреблении «вспомогательного глагола».

Считая излишним повторять сказанное выше по вопросу о форме времени у «категории состояния», отметим, что постпозитивность связки у сказуемых рассматриваемого типа действительно характерна для них (как увидим дальше — для сказуемых не только этого типа, но и некоторых других). Но если бы этот признак был связан с «предикативностью» слов, выступающих в функции сказуемых, то он охватывал бы предикативы в с е х типов. Если же он присущ только некоторым группам, то причину этого нужно искать не в особом употреблении аналитического способа выражения категории времени и склонения, а в чем-то другом — вернее всего, в особенном характере лексических значений слов, о которых идет речь. Что касается ослабления ударения у «вспомогательных глаголов», то это явление связано с постпозитивностью как таковой и наблюдается не только у «предикативов». Ср.: *Я уч^тителем был, Ты моим помощником будешь, Он совсем стариком (старым) становится* и т. п. (Следует иметь в виду, что связка даже и в препозитивном положении, если нет специальной надобности в ее выделении, акцентологически несколько ослабляется.)

Таким образом, если отбросить «особый» характер аналитического выражения времени и склонения как вовсе не характерный для модальных «предикативов», то окажется, что единственным основанием для их выделения в особую группу является их лексическое значение модальности; в грамматике это, конечно, отношения не имеет.

Следующая группа — местоименные предикативы типа *ничего, никогда*. Слова этого типа (равно как и падежные формы *некого, не у кого, не с кем* и др.) действительно употребляются в качестве безлично-предикативных слов, но вместе с тем они же выполняют в предложении и другие функции — дополнений и обстоятельств.

«Предикативы» остальных групп выделяются по различным признакам: *пора, жаль* и т. п. — как слова, «восходящие к именам существительным» (генетический признак), другие — по лексическому значению слов («предикативы» чувственного восприятия, «предикативы» состояния, «предикативы» наличия — *есть, нет*).

Выше уже были высказаны критические замечания по вопросу о наличии у этой «категории» форм времени и склонения. Мы убеждены, что положение о наличии м о р ф о л о г и ч е с к и х показателей времени и склонения у «предикативов» свидетельствует о неразличении форм частей речи и форм членов предложения, т. е. фактов морфологических и фактов синтаксических. Нам могут возразить, указав на аналитические формы будущего времени (*буду читать*), степеней сравнения (*более интересный, самый интересный*), всеми единодушно относимые к морфологии. Но есть глубокое различие между этими аналитическими формами и такими, как *(я) должен был, жаль было, было весело* и т. п.: у первых значение части речи (глагола, прилагательного) р а с п р е д е л е н о между двумя лексическими единицами: так, в форме *буду читать*

¹ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 362.

глагольные категории вида, залога, один из соотносительных показателей глагольного класса заключены в *читать*, а категории времени и наклонения — в *буду*; в форме *более интересный* все категории прилагательного (род, число, падеж, «полнота») заключены в *интересный*, а категория сравнительной степени — в *более*. У вторых же («предикативов») слова *должен*, *жаль*, *весело* и т. п. не заключают в себе н и к а к и х показателей принадлежности к особой части речи, а если и есть какие-либо морфологические показатели (например, формы рода и числа у таких слов, как *должен*, форма степени сравнения у таких слов, как *весело* — *веселее*), то они всегда «тянут» эти слова к одной из «старых» частей речи; грамматические же показатели (времени, наклонения, отчасти и вида) приходится искать в «вспомогательном глаголе», появляющемся только в предложении, когда соответствующее слово выступает в роли сказуемого.

*

Все изложенное говорит о том, что сторонниками «категории состояния» как особой части речи в русском языке исчерпаны все возможные аргументы для защиты их точки зрения. И тем не менее колебания и сомнения, высказанные основоположником учения о «категории состояния» — Л. В. Щербой, остаются неустранимыми. И хотя нельзя отрицать того факта, что ряд типов аналитических сказуемых действительно может быть объединен по признаку обозначения этими сказуемыми «состояний» (в довольно широком понимании этого слова), сказуемые эти тем не менее не образуют такого класса слов, который может претендовать на признание его самостоятельной частью речи.

Нужно ли во что бы то ни стало добиваться «общей марки» для рассматриваемого типа сказуемых? Так ли действительно важно найти особое морфологическое «гнездо» для этих сказуемых и дать ему название (кстати, и название-то придумать оказывается не просто)? Не важнее ли для правильного, т. е. соответствующего реальной действительности, освещения грамматического строя современного русского языка описать то, что есть в языке, и так, как оно есть, положив в основу факты и явления только продукты в нем? В результате такого описания и получится определенная система классов слов (конечно, с известными переходными ступенями и смешанными группами). Для «категории состояния», как это вытекает из всего сказанного в настоящей статье, места в этой классификации быть не может.

~~Передко возникает вопрос, по каким признакам можно отличать наречия от прилагательных (ср. *медленно*, *часто*, *смешно* и т. п.).~~ Для распознавания таких форм обычно выдвигается синтаксический критерий: считают, что в тех случаях, когда поясняется глагол или прилагательное, перед нами наречие, в остальных случаях — краткое прилагательное среднего рода. Однако с точки зрения морфологической отнесение таких слов, как *медленно*, *часто*, *смешно*, к кратким прилагательным или к наречиям решается в зависимости от того, является ли в них конечное -о показателем родо-числовой формы, т. е. принадлежит ли данное слово к ряду с флексиями *нуль* — *-а*, *-о*, *-ы* (*-и*) (*смешон*, *-смешн-а* *смешн-о*, *смешн-ы*) или же оно таким показателем не является.

Наречия не имеют родо-числовых форм потому, что они им, в силу их значения как части речи, не нужны: наречие обозначает признак без соотносительности с предметом. Оно может обозначать признак действия и признак другого признака, но оно может обозначать и признак, не соотносимый с носителем его. Последнее имеет место тогда, когда характер выражаемого наречием признака допускает отсутствие носителя.

В этих случаях признак приобретает те черты, которые превращают его в «качественное состояние» (В. В. Виноградов). Все это делает понятным, почему предложение, в котором утверждается наличие такого «качественного состояния», может быть только безличным, а слово, обозначающее состояние, выступает в качестве сказуемого такого предложения. Что «качественное состояние» непосредственно связано с характером лексического значения наречия, ясно видно из сравнения следующих наречий: *холодно, сухо, светло, хорошо, плохо, красиво, жалко, обидно, тревожно, опасно* и *грубо, случайно, терпеливо, гордо, часто, злобно, дружно*. Наречия первой группы могут выступать в функции «сказуемого» безличного предложения, наречия второй группы в этой функции выступать не могут. Показательно, что наречия, выступающие в сказуемой функции, могут сочетаться с наречиями места и времени, а также с дательным падежом существительного и местоимения, обозначающих субъект, испытывающий «состояние»; ср.: *здесь (теперь, брату) холодно; тогда (там, всем) было тревожно* и т. п. Наречия второй группы членами таких словосочетаний быть не могут.

Отказ от признания «категории состояния» как в этих речи приводит к тому, что некоторое количество слов, обычно включаемых в нее, остается «беспризорным», так как не может быть включено ни в один из существующих морфологических классов (*жаль, надо, можно, нельзя* и некоторые другие). Это факт, который остается только признать. Слова могут, в связи с общим ходом развития языка, выпадать из тех морфологических классов, в состав которых они ранее входили, не переходя в другие классы, но выполнять при этом те или иные синтаксические функции. Система взаимоотношений между частями речи и членами предложения не испытывает от этого никаких потрясений, так как она покоится на тех основаниях, которые создаются и поддерживаются взаимодействием только продуктивных и живых языковых фактов и процессов.

Н. С. ПОСПЕЛОВ

В ЗАЩИТУ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Вопрос о грамматических признаках категории состояния как особого лексико-грамматического разряда знаменательных слов, отличного от наречий, имен прилагательных и глаголов, до настоящего времени является вопросом недостаточно выясненным. По определению В. В. Виноградова, «под категорию состояния подводятся несклоняемые и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого»¹. Согласно этому определению, основным морфологическим признаком слов категории состояния являются собственные им формы времени, а единственным их синтаксическим признаком — употребление их в функции сказуемого.

В курсе лекций МГУ в качестве самого постоянного и неизменного грамматического признака слов категории состояния указывается их «...синтаксическая функция — быть присвязочным членом в структуре именного сказуемого...»²; отмечаются и другие синтаксические признаки: то, что категория состояния «никаких слов не определяет», не согласуется, не управляется и, относясь к субъекту, «употребляется с субъектом только в дательном падеже». Что же касается морфологических признаков слов данной группы, то как «наиболее яркий грамматический признак» указывается их неизменяемость. Формы же времени не рассматриваются как формы слов категории состояния, так как они «имеются лишь у связки, с которой сочетаются слова категории состояния», хотя в то же время и утверждается, что «связка стала характерной приметой слов категории состояния» и их «отстоявшимся синтаксическим признаком»³. Таким образом, морфологическое своеобразие категории состояния, по существу, отрицается, так как неизменяемость, которая приписывается безлично-предикативным словам данной категории, не отличает их от наречий⁴.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 401.

² «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», [М.], 1952, стр. 397 (глава «Категория состояния», написанная проф. Е. М. Галкиной-Федорук).

³ Там же, стр. 398. В более ранней статье Е. М. Галкиной-Федорук в качестве вполне отстоявшейся формальной приметы категории состояния указывалась «...невозможность соединиться не с каким-либо личным глаголом, а только со связкой...» (Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения с безлично-предикативными словами на «о», «Труды кафедры русского языка [МГУ]», кн. 1, М., 1948, стр. 77).

⁴ К этому выводу последовательно приходит О. К. Балишвили, рассматривая «категорию состояния» как лексико-семантическую категорию в составе прилагательных и наречий, употребляемых в предикативной функции (О. К. Балишвили, Вопрос о категории состояния в русском языке. Автореферат канд. дисс., Тбилиси, 1952, стр. 7, 13, 16).

С другой стороны, при расширении «категории состояния» до понятия «предикатива», как это имеет место у А. В. Исаченко¹, в этот лексико-грамматический разряд слов включаются не только модальные предикативы (*надо, можно, нельзя* и т. п.), предикативы состояния и чувственного восприятия (*стыдно, весело, видно*), предикативы, восходящие к именам существительным (типа *пора, жаль*), но и местоименные предикативы (*ничего, некого, некогда*), и предикативы наличия чего-либо (*есть, нет*). Но при таком широком толковании «категория состояния» утрачивает свою морфологическую и конструктивную определенность, так как в ее состав войдут и склоняемые слова с местоименным значением (*ничего, некого*), и местоименные наречия (*некогда, некуда*), конструктивно зависимые от глагола в неопределенной форме, и глагольные по своему происхождению образования (*есть, нет*), не утратившие еще морфологической соотносительности с полнозначными глаголами бытия *было* и *будет*.

Все подобные слова, действительно, являются «предикативами», поскольку им присуща синтаксическая функция сказуемого, но они не образуют особой части речи, потому что в плане грамматического учения о слове они не имеют объединяющих их морфологических признаков, отличных от местоимений, наречий и глаголов. Что же касается слов категории состояния, то они образуют особую часть речи не потому, что выступают в синтаксической функции сказуемого, а потому, что им присущи специфические для них аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклонения, причем связка или ее значимое отсутствие является необходимым компонентом такой аналитической формы. Именно благодаря наличию грамматического выражения категорий времени и наклонения слова из категории состояния объединяются с краткими прилагательными и глаголами и противопоставляются всем другим частям речи, не имеющим определенного значения: именам существительным, прилагательным в их основном составе полных форм, наречиям, местоимениям и числительным². Поэтому анализ грамматических признаков и конструктивных свойств слов из категории состояния на конкретном языковом материале является весьма актуальной задачей исследования грамматического строя русского языка.

В настоящей статье автор и ставит своей задачей сделать некоторые наблюдения над грамматическими признаками слов категории состояния, указанными В. В. Виноградовым, но недостаточно раскрытыми в его книге «Русский язык». Первое, на что необходимо обратить внимание, это то, что слова категории состояния, в отличие от наречий, вовсе не являются в строгом смысле этого понятия неизменяемыми словами. Им свойственно грамматическое различие форм времени и (в более ограниченном объеме) наклонения, и они всегда выступают в определенных формах времени и наклонения. Но, в отличие от спрягаемых форм глагола, слова категории состояния выражают грамматические значения прошедшего и будущего времени аналитически, посредством связки, являющейся в данном случае не отдельным служебным словом, а только необходимым компонентом аналитической формы слов данного лексико-грамматического разряда³. При этом отсутствие связки при выражении

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954.

² Ср. мою статью «Соотношение между грамматическими категориями и частями речи» (ВЯ, 1953, № 6, стр. 61—63).

³ Л. В. Щерба считал формальными признаками слов категории состояния их неизменяемость и употребление со связкой. Но именно потому, что он не вскрыл в связке компонента аналитически изменяемой формы, категория состояния не представил-

настоящего времени оказывается значимым, и формы с подобным значением тоже являются потенциально аналитическими, как осложненные нулевыми показателями времени и наклонения (ср. *холодно* и *было*, *будет холодно*).

Настоящее время в бессвязочных формах категории состояния (*холодно*, *жарко*, *стыдно* и т. п.) устанавливается как их грамматическое значение в соответствии с парадигматическим соотношением данных форм с формами прошедшего или будущего времени, конструируемыми посредством связки: *было холодно, будет жарко, стыдно было* и т. п. В этом основное структурное отличие слов данной категории от наречий, которые действительно являются неизменяемыми. Таким образом, в отличие от наречий, слова категории состояния характеризуются определенной парадигматической схемой¹, определенной закономерностью грамматических изменений, образующих систему грамматических форм времени и наклонения — то, что А. Г. Шанидзе называет скривой или рядом². Слова категории состояния, так же как и глаголы, выражая то или иное грамматическое время, тем самым выражают и изъявительное наклонение. Кроме изъявительного наклонения, слова категории состояния могут иметь аналитически выраженные формы сослагательного наклонения (например, *Ему стыдно было бы так думать; Надо бы ему об этом сказать*). В плане грамматической характеристики слов категории состояния особенно важно подчеркнуть, что они, в отличие от глагола, не могут выражать побуждения к действию в форме повелительного наклонения.

Включаемые иногда в состав категории состояния слова *рад*, *горазд*, *прав*, *должен* и т. п. не отличаются парадигматически (они имеют синтетические формы рода и числа) от обычных кратких форм имен прилагательных и в их составе образуют непродуктивную группу, потерявшую соотношение с полными формами имен прилагательных³. В отличие от основного массива слов категории состояния, немногочисленные подобные слова допускают аналитическое образование форм повелительного наклонения: *будь рад, горазд* и т. п. От спрягаемых форм глагола и кратких форм прилагательного⁴ слова категории состояния отграничиваются и тем, что не имеют грамматического изменения в лице, этой базы глагольного спряжения. Слова категории состояния — и в этом коренное отличие их от глаголов и кратких прилагательных — являются не предикативными словами вообще, а «безлично-предикативными словами», которые могут употребляться или бессубъектно, или с дательным субъекта в качестве конструктивно необходимого дополнения, или с инфинитивом для выражения действия, приписываемого субъекту. Это сближает их с

лась ему яркой и убедительной категорией в русском языке (см. Л. В. Щербачева, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 17).

¹ О парадигматической схеме, характеризующей знаменательное слово как определенную часть речи, см. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 20.

² См. А. Г. Шанидзе, Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка, «Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры [АН Груз. ССР]», т. X, Тбилиси, 1941.

³ Как правильно отмечает О. К. Балишвили, краткие прилагательные *рад*, *горазд* представляют собой реликтовые слова, границы употребления которых в языке все время суживаются, что особенно наглядно прослеживается на прилагательном *горазд* (О. К. Балишвили, указ. автореферат, стр. 10).

⁴ Мнение, что краткие формы прилагательных являются спрягаемыми формами, было, как известно, высказано Востоковым и обосновано Шахматовым (см. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 176—177).

безличными глаголами и с «глагольными предикативами», выражающими отрицание наличия чего-либо: *нет времени, не было возможности, не будет поезда, не было бы грозы* и т. п. Но от тех и других безлично-предикативных образований слова категории состояния отличаются аналитическим выражением форм времени и наклонения.

Так же, как и «глагольные предикативы», слова категории состояния (и в этом их основное грамматическое отличие и от кратких прилагательных, и от наречий) не являются названиями признака чего-либо, и поэтому они ни к чему не прилагаются и ни к чему не примыкают. Однако это не лишает их специфической для них грамматической сочетаемости со словами других лексико-грамматических разрядов. В строе предложения они управляют дательным падежом личного местоимения или имени существительного и могут сочетаться с инфинитивом и раскрывать свое конкретное содержание в зависимых от них придаточных предложениях, связанных с ними пояснительной синтаксической связью.

Именно эта характерная для слов категории состояния грамматическая сочетаемость и свойственное им грамматическое изменение времени и наклонения объединяют слова данной категории с глаголами, особенно безличными (*кажется, хочется*), и некоторыми непродуктивными группами кратких прилагательных (*рад, готов* и т. п.) и отделяют их от наречий как неизменяемой части речи. Необходимо в теоретическом плане отграничивать слова категории состояния и от предикативных наречий, входящих в состав сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами (например, *становилось холодно; стало темно*).

Предикативные наречия являются только первой ступенью в формировании слов категории состояния как особой части речи. Самый процесс перехода предикативных наречий в категорию состояния разъясняется В. В. Виноградовым следующим образом: «Превращение... глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало „предикативность“ наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось со связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения (ср. также развитие аналогичных процессов в сочетаниях кратких имен прилагательных со связкой). Ослабление и выветривание в связке *быть* лексических значений глагола приводило к переходу „предикативных наречий“ в категорию состояния»¹.

Следует при этом отметить, что новое грамматическое качество слов категории состояния находит себе выражение и в ином положении слов категории состояния в структуре сказуемого. Если предикативные наречия входят в состав сказуемого в качестве зависимых его членов, примыкающих к вспомогательному глаголу, то слова категории состояния представляют собою ядро, основную часть аналитической формы сказуемого, в состав которой связка входит только как грамматический показатель определенного времени и наклонения (в *совестно было* — прошедшего времени изъявительного наклонения).

Предикативные наречия, объединяясь в составе сказуемого с вспомогательными глаголами прошедшего времени несовершенного или совершенного вида (*становилось, стало*), в безличной их форме удерживают при этом лексико-грамматическое значение отдельного слова, обозначающего конкретный признак обобщенного действия, выражаемого вспомогательным глаголом.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 415.

Вот несколько характерных примеров из произведений Чехова.

«— Становится свежо, — сказала Ольга Ивановна и вздрогнула («Попрыгунья»); «Становилось грустно, когда они цели» («В родном углу»); «Без самовара в избе Чикильдеевых стало совсем скучно» («Мужики»); «— Сейчас пройдет... — прошипел Пантелей, садясь. — Потихонечку стало» («Степь»); «По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо» («Студент»).

Связочная функция вспомогательного глагола в конструкции с предикативными наречиями выступает отчетливее при наличии в предложении дополнения в дательном падеже с значением субъекта — носителя состояния, выражаемого предикативным наречием в сочетании с вспомогательным глаголом.

Вот ряд примеров:

«Ей становилось совестно и стыдно своих чувств» (Тургенев, Накануне); «Базарову стало досадно» (Тургенев, Отцы и дети); «Одиной стало и страшно, и жалко его» (Тургенев, Отцы и дети); «Совестно стало ему перед доброю, смешною, благородною старушкой» (Тургенев, Дым); «Грише стало горько» (Чехов, Кухарка женится); «Егорушке стало скучно возле него» (Чехов, Степь).

При наличии дательного субъекта вспомогательный глагол, выполняя функцию связки, перестает быть основным компонентом составного сказуемого и предикативное наречие становится главным членом в составе сказуемого. Однако вспомогательный глагол не теряет при этом видовых и залоговых значений. В тех же случаях, когда связочное значение в сказуемом выражается не вспомогательным глаголом, а связкой, утратившей грамматическое значение действия и не имеющей глагольных категорий вида и залога, из предикативных наречий при помощи связки как служебного слова образуется категория состояния как особая часть речи с аналитическим оформлением. При этом при отсутствии дательного субъекта в аналитической форме слов категории состояния удерживается в какой-то мере и экзистенциальное значение.

Вот ряд примеров подобного употребления слов категории состояния со связкой прошедшего и будущего времени, в которой удерживается наряду со служебным и экзистенциальное значение, или без связки, значимое отсутствие которой служит не только средством выражения настоящего времени, но и утверждением наличия определенного состояния, передаваемого знаменательной частью аналитической формы слов категории состояния:

«Было тихо и уныло» (Чехов, Попрыгунья); «Уже поздно» (Чехов, Володя большой и Володя маленький); «Скучно, скучно, скучно!» (Чехов, Учитель словесности); «Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!» (Чехов, Архиерей); «И он с жадностью ел и все повторял: — Ах, как вкусно! Ты попробуй!» (Чехов, Крыжовник); «— И долго ты у них пробудешь? — Не думаю. Чай, скучно будет» (Тургенев, Отцы и дети).

Бессубъектные конструкции с бессвязочным употреблением слов категории состояния близки к номинативным предложениям, в которых утверждается наличие чего-либо в реальной действительности (ср. *Тишина* и *Тихо*; *Ветер* и *Ветрено* и т. п.). Этим объясняется возможность соотносительного употребления в определенных контекстах предложений, формируемых словами категории состояния с экзистенциальным

значением, и номинативных предложений. Вот примеры из произведений Чехова:

«Площадка для крокета. В глубине направо дом с большой террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко» («Чайка», ремарка); «И щ и к: Постой... Жарко... Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину...» («Вишневый сад»).

Экзистенциальное значение сказуемых, выражаемых словами категории состояния, конкретизируется обстоятельствами места, времени, образа действия:

«В саду было тихо и тепло» («Верочка»); «Л о п а х и н: Холодно здесь чертовски» («Вишневый сад»); «Хорошо у вас здесь! — сказала Ольга, крестясь на дерковь» («Мужики»); «В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно...» («Ионыч»).

Отличие аналитических форм категории состояния от наречий отчетливо выявляется при их сочетании с примыкающими к ним наречиями:

«Было нестерпимо жарко и душно» («Хористка»).

В подобных случаях, так же как и при глаголах, наречие выступает в качестве средства синтаксической характеристики слов категории состояния.

Синтаксическая соотносительность слов категории состояния экзистенциального значения с глаголами выражается также в широкой возможности их объединения в составе сложносочиненных и бессоюзных предложений:

«В комнате было темно, но лампадка перед образом уже не горела» (Чехов, Нахлебники); «В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле» (Чехов, Невеста); «Спать не хотелось, на душе было непокойно, тяжело» (там же).

При сочетании слов категории состояния с дательным субъекта отчетливее выступает служебная функция связки (или ее значимого отсутствия) как морфемы времени и наклонения в составе аналитической формы. Знаменательная часть аналитической формы становится основным средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту. Приведу несколько примеров в различных временных значениях:

«Как тебе не стыдно, Евгений...» (Тургенев, Отцы и дети); «И жутко ему было, и сладко, и ни о чем он не жалел, и ничего не берег» (Тургенев, Дым); «— Думайте, что хотите, но мне будет скучно, когда вы уедете» (Тургенев, Отцы и дети); «А вам стыдно, господин Чечевицын!» (Чехов, Мальчики); «Мне нехорошо... — сказал за дверью Дымов...» (Чехов, Попрыгувья); «— Скучно вам с нашим братом» (Чехов, Палата № 6); «И ему было грустно, очень грустно!» (Чехов, Степь); «Должно быть, и подводчикам было жутко» (там же); «— Когда все будешь знать, тебе на всякой стезе легко будет» (там же).

Слова категории состояния могут выражать состояние определенно-го субъекта и при отсутствии обозначения его формой дательного падежа. В таких случаях вся синтаксическая конструкция, в которую входит слово категории состояния, должна квалифицироваться как неполное по своей структуре безличное предложение¹. Вот некоторые примеры,

¹ По классификации, намеченной И. А. Половой, подобные предложения следует отнести к ситуативным неполносоставным предложениям с неназванным дополнением

типичные для слов категории состояния при употреблении их без связки в форме настоящего времени:

«— Скучно; работать хочется, а здесь нельзя» (Тургенев, Отцы и дети); «— Стыдно, Петр Петрович!» (Чехов, Дом с мезонином); «В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга» (Чехов, Учитель словесности).

Как случаи субъектного употребления слов категории состояния следует рассматривать и все случаи примыкания к ним зависимого инфинитива, будет ли налицо дательный субъект или его не будет в составе предложения. Ведь инфинитив всегда есть выражение действия, приписываемого какому-либо, хотя и потенциальному субъекту¹. Как правильно отмечено Е. М. Галкиной-Федорук², конструкции с постпозитивным инфинитивом, примыкающим к словам категории состояния, всегда выражают субъективную оценку, а не простую констатацию факта.

Вот несколько почерпнутых из произведений Чехова примеров такого по существу «субъектного» употребления слов категории состояния с примыкающим к ним инфинитивом, при отсутствии в составе предложения дательного субъекта.

«Е п и х о д о в: Как приятно играть на мандолине!» («Вишневым сад»); «— Должно быть, совестно жениться... — думал Гриша. — Ужасно совестно!» («Кухарка женится»); «Неужели не скучно быть простым, ничем не замечательным, неизвестным человеком, да еще с таким помятым лицом и с дурными манерами?» («Попрыгунья»).

Зависимость постпозитивного инфинитива от слов категории состояния отчетливо выделяется в подобных конструкциях при наличии дательного субъекта:

«Ляптеву было уже неприятно оставаться подолгу дома» («Три года»); «Ему было тепло стоять около дьячихи» («Ведьма»); «Вот хорошо бы и ему, старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств» («Печенег»).

В тех случаях, когда инфинитив, обычно в препозиции, получает синтаксическую функцию подлежащего, слово категории состояния остается сказуемым, которое не имеет формы ни лица, ни рода и, не согласуясь с подлежащим, только координируется с ним. Вот примеры из произведений Чехова:

«Даже слушать скучно» («Черный монах»); «Работать было трудно; дивень портил все, что мы успевали сделать» («Моя жизнь»); «Да-с, — говорил Иван Абрамыч, задумчиво глядя в окно. — Жениться никогда не поздно» («Печенег»); «Вспоминать о вчерашней своей слабости ему не было стыдно» («Палата № 6»); «Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорится: дома стены помогают» («Мужики»); «Опять молчание. С сжатой полосой несется тихая песня, которая обрывается в самом начале. Жарко петь...» («Егерь»); «А н д р е й: По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безразлично» («Три сестры»).

¹ См. И. А. Попова, Неполные предложения в современном русском языке, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. II, М., 1953, стр. 39).

² См. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 430.

³ См. Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения с безлично-предикативными словами на «о», стр. 83.

Видеть в безлично-предикативных словах, сочетающихся с подлежащими-инфинитивами, краткие формы прилагательных препятствует отсутствие в подобных формах основного признака прилагательных — родоизменяемости. С другой стороны, выдвигание инфинитива в синтаксическую позицию подлежащего приводит только к синтаксической конверсии¹ слов категории состояния и поэтому не может привести к образованию в качестве грамматического омонима новой части речи — кратко-прилагательного. Поэтому и попытка Пешковского установить своего рода грамматическое соотношение между функцией инфинитива и грамматической природой предикативных форм на -о² не правомерна, так как основывается на предположении, что в одних случаях мы можем иметь дело с краткими прилагательными, а в других — с предикативными наречиями. В связи с этим следует решительно отграничивать от слов категории состояния омонимическое им краткие прилагательные, употребляемые в сказуемом главной части сложного предложения с придаточными предложениями, выполняющими смысловую и синтаксическую роль отсутствующего подлежащего:

«...Известно, что наши губернские города горят через каждые пять лет» (Тургенев, *Отцы и дети*); «Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи» (Чехов, *Вишневый сад*, ремарка); «По лицу его видно было, что он хотел говорить и ждал для этого удобной минуты» (Чехов, *Доктор*); ср.: «Лица его не было видно» (там же); «Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии» (Чехов, *Попрыгунья*); ср.: «Но Елена Николаевна! Разве ее возможно понять?» (Тургенев, *Накануне*).

При словах категории состояния в сходной синтаксической позиции придаточные предложения выполняют не функцию подлежащего, а только раскрывают и разъясняют содержание главной части сложного предложения. Вот примеры из произведений Чехова:

«Ему было досадно, что его не оставляют в покое люди» («Палата № 6»); ср.: «Ей было досадно на себя» («Володя большой и Володя маленький»); «Ему было обидно, что за его больше чем двадцатилетнюю службу ему не дали ни пенсии, ни единовременного пособия» («Палата № 6»); ср.: «Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и было обидно» («Хористка»); «Хорошо, если бы брызнул дождь!» («Степь»); ср.: «Имеет человек жизни зацепку — и хорошо ему» («Печенег»).

Не могут быть включены в систему слов категории состояния и краткие страдательные причастия в безличном их употреблении, так как они, сохраняя залоговое, видовое и глагольное временное значение (значение перфекта, плюсквамперфекта), не перестали быть формами глагола. Например:

«Возле блюбочка недоеденное яблоко, ножницы и тарелка, в которую приказано класть ореховую скорлупу» (Чехов, *Детвора*); «Вероятно, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора...» (Чехов, *Случай из практики*).

¹ Синтаксическая конверсия противопоставляется морфологической конверсии, приводящей к образованию новой части речи с особой парадигматической схемой (ср. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3).

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 327; ср. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 412.

Другую продуктивную группу слов категории состояния представляют собою безлично-предикативные слова модального значения, не имеющие омонимических форм наречий (*надо, нужно, можно, нельзя, угодно* и т. п.), а также получающие модальное значение имени существительные (*пора, лень, охота* и т. п.), выпадающие из парадигматической схемы склонения и усваивающие себе парадигматическую схему грамматического изменения времени. Для данной серии слов категории состояния особенно продуктивно употребление их с зависимым от них инфинитивом, когда модальное значение слов категории состояния не осложняется каким-либо конкретным содержанием, так как это содержание выражается инфинитивом. Здесь возможны два случая.

В конструкциях с дательным субъекта слова категории состояния оказываются в двусторонней синтаксической связи, причем их связь с инфинитивом в составе сказуемого оказывается более тесной, чем их конструктивная связь с дополнением.

«Мне нужно поговорить с вами, Иван Алексееч...!» (Чехов, Верочка); «В а р я: Студенту надо быть умным» (Чехов, Вишневы сад); «Нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошенько, не правда ли?» (Тургенев, Отцы и дети); «Итак, вам угодно спорить, — извольте» (там же); «Солнце село, и мне пора было идти домой» (Тургенев, Ася); «Костер горел уже не так ярко, и каждому было лень встать и подложить хворосту» (Чехов, Дуэль); «И что вам за охота жить в городе летом!» (Тургенев, Накауне).

При отсутствии дательного субъекта слова категории состояния с модальным значением находятся в односторонней и поэтому еще более тесной связи с инфинитивом. Вот примеры из произведений Чехова:

«Надо молчать об этом... Надо не подавать вида» («Попрыгунья»); «Нужно бороться с собой» («Припадок»); «Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры?» («Детвора»); «И нельзя было понять, в чем ее горе» («В родном углу»); «Нет, ничего уже нельзя сделать! — вздохнул хозяин» («Каштанка»); «А в одежде спать нельзя. От этого одежка портится. Спать надо в постели, раздевшись...» («Учитель словесности»); «Однако, пора спать, — сказал Буркин, поднимаясь» («Крыжовник»); «Грех убивать, грех, — что и говорить» («Печенег»); «С обывателей лил пот, как с засяженных лошадей, и на них же засыхал; лень было вытирать» («Брожение умов»); «— Охота же иметь такие картины!» («Три года»).

При отсутствии инфинитива вся синтаксическая конструкция, в которую входят слова категории состояния с зависимыми от них словами, воспринимается как неполная и получает то или иное содержание в зависимости от контекста:

«Дальнейших объяснений не нужно» (Тургенев, Отцы и дети); «Вам Ольгу Ивановну нужно?» (Чехов, Попрыгунья); «— Нам, старикам, на отдых пора» (Чехов, Палата № 6).

Примечательно, что слова категории состояния с модальным значением, в отличие от слов первой группы, могут получать значение сослагательного наклонения и в бессвязочной форме настоящего времени¹.

¹ Это отмечает и А. В. Исаченко: «Die Entwicklung der sogenannten Prädikativa in den slawischen Sprachen» (см. «Slavisten-Tagung in Berlin 11—13 November 1954», Résumés, стр. 26).

Вот примеры из произведений Чехова:

«Нам надо бы прошение подать» («Печенег»); «Т р о ф и м о в: Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать» («Вишневый сад»); «Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться» (Чехов, Спать хочется).

Среди слов категории состояния с модальным значением выделяются по своему значению лексические варианты *жаль* и *жалко*, выражающие чувство сожаления по отношению к кому-либо, чему-либо. В качестве слов категории состояния или (в сочетании с вспомогательными глаголами) в качестве предикативных наречий *жаль* и *жалко* выступают в безличных конструкциях, сочетаясь с дательным субъекта или, в случаях его отсутствия, сохраняя значение отнесенности к субъекту. Они характеризуются широким синтаксическим употреблением: и с зависимым инфинитивом, и с управляемым существительным или местоимением в значении объекта, и с зависимым от слова категории состояния придаточным дополнительным предложением.

а) С дополнением в винительном или родительном падеже:

«—Мне твою мать особенно жалко» (Тургенев, Отцы и дети); «„Жаль и Кати!“—шепнул Аркадий в подушку, на которую уже капнула слеза...» (там же).

б) С зависимым инфинитивом:

«Аркадию стало жалко расстаться с своею дамой: он так хорошо провел с ней около часа!» (Тургенев, Отцы и дети); «Не жалко было умирать, но как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко» (Чехов, Скрипка Ротшильда); «—Ах, как мне жаль тебя отпускать, — сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нее на глазах» (Чехов, Попрыгунья).

в) С придаточным дополнительным предложением:

«— Жаль, что помешал» (Тургенев, Отцы и дети); «„Жаль, что я не умею природу описывать“,—подумал Васильев...» (Чехов, Припадок).

Подытожим кратко сделанные нами наблюдения.

1. Словам категории состояния свойственно грамматическое изменение времени и наклона, и поэтому они не могут рассматриваться как слова неизменяемые в собственном смысле этого слова.

2. В составе безлично-предикативных слов слова категории состояния характеризуются определенной грамматической сочетаемостью (сочетанием с дательным лица, инфинитивом, особой формой придаточности).

3. Первой ступенью в оформлении слов категории состояния являются предикативные наречия, входящие в состав сказуемого безличного предложения в сочетании с вспомогательными глаголами.

4. Связка, входящая в состав аналитической формы категории состояния, сохраняет экзистенциальное значение, если слово категории состояния не вступает в конструктивную связь с дательным субъекта.

5. В конструкции с дательным субъекта в словах категории состояния отчетливо выступает собственно служебная функция связки как морфемы времени и наклона, а знаменательная часть аналитической формы

слов категории состояния становится основным средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту.

6. Слова категории состояния могут вступать в составе предложения в сочетании не только с зависимым, но и с независимым инфинитивом, получающим функцию подлежащего.

7. Нет достаточного основания включать в состав слов категории состояния не употребляемые в полных формах прилагательные *рад, горазд* и т. п., так как им, кроме грамматического изменения времени и наклона, свойственно также грамматическое изменение рода, и по этому морфологическому признаку они не отличаются от кратких прилагательных.

8. Нет основания объединять со словами категории состояния краткие прилагательные, употребляемые в конструкции с придаточными подлежащими предложениями, а также включать в состав слов категории состояния краткие страдательные причастия в безличном употреблении, так как они сохраняют залоговые и видовые значения, отсутствующие у слов категории состояния.

9. Особую группу слов категории состояния представляют безлично-предикативные слова с модальным лексическим значением (*надо, можно, пора* и т. п.), особенно продуктивные в конструкциях с зависимым инфинитивом.

И. А. БАТМАНОВ

ЧАСТИ РЕЧИ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Киргизский язык получил литературное оформление только после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с созданием школы с обучением на родном языке возникла необходимость создания учебников, усиления переводческой работы, разработки словарей и различных пособий по киргизскому языку. Был накоплен и систематизирован значительный материал по киргизской лексике, грамматике и диалектологии и сделан ряд теоретических выводов и обобщений с учетом наблюдений и отдельных теоретических положений, сформулированных в трудах наших отечественных тюркологов (В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, П. М. Мелиоранского и др.).

Однако под влиянием антинаучных взглядов Н. Я. Марра многие вопросы киргизского языкознания решались неверно. Недооценка роли и значения грамматики «новым учением о языке привела к тому, что и в Киргизии вопросам составления киргизской грамматики не уделялось должного внимания, в результате чего до сих пор мы не имеем еще детального научного описания киргизского языка.

Школа была обеспечена учебниками по родному языку. Но многие положения, сформулированные в них, нуждаются в пересмотре и уточнении. Назрел вопрос о создании учебников по теоретическому курсу родного языка для вузов республики. Должны быть пересмотрены и многие теоретические положения в области изучения киргизского языка, выдвигавшиеся до дискуссии по вопросам языкознания.

После выхода в свет трудов И. В. Сталина о языке советские языковеды имеют возможность разрабатывать вопросы общего и частного языкознания на подлинно научной основе. Как показал И. В. Сталин, «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»¹. В связи с этим разработка лексики и грамматики, наряду с разрешением и других вопросов, приобретает сейчас большое значение. Грамматика восстановлена в своих правах, и советский читатель ждет от языковедов полноценных трудов по всем разделам науки о языке.

Составление описательных грамматик любого из языков связано с решением ряда методологических и методических вопросов. Без коллективного предварительного обсуждения принципов построения грамматики она не может быть создана в короткий срок и на надлежащем научном уровне. Одним из стержневых вопросов описательной грамматики является вопрос о классификации частей речи. К сожалению, до сего времени он не нашел своего завершения на материале тюркских языков.

В принципах выделения в составе знаменательных слов имен и глаголов не было больших расхождений у авторов грамматик тюркских язы-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 26.

ков, составленных в XIX и начале XX в. Сложнее решался вопрос о подклассах в составе этих двух разрядов слов (существительных и прилагательных, местоимений, числительных; причастий и деепричастий и т. п.), не получила четкой характеристики категория так называемых служебных слов, к которой относились и наречия, и частицы, и союзы, и существительные с дефективным склонением.

Такое расхождение в системе классификации частей речи тюркских языков у различных авторов объясняется тем, что одни рассматривали части речи лишь как лексические разряды слов, другие больше обращали внимание на типы словообразования и словоизменения, четко не выделяя лексические особенности и стирая грани между частями речи. А между тем части речи в тюркских языках содержат одновременно лексические и грамматические значения, а потому и должны рассматриваться как лексико-грамматические категории.

Попытки пересмотра и построения классификации частей речи тюркских языков делаются периодически, но до логического конца пока не доведены. Следствием этого является расхождение в построении современных грамматик родственных тюркских языков, обладающих общими грамматическими свойствами, а также и известные противоречия в изложении фактов при преподавании родного языка¹.

Главной причиной, затрудняющей решение этой проблемы, является неудачный выбор критериев, на основе которых устанавливаются грани между частями речи. Как известно, корневые слова в алтайских языках, относящиеся к различным частям речи, не имеют окончаний, а потому и не содержат формальных признаков, на основе которых можно судить о принадлежности такого изолированно взятого слова к тому или иному разряду. Ср. киргизские созвучные корневые слова: *чач* «волосы» и *чач-сеять», бол* «будь» и *бал* «мед» или корневое *суу* «вода» и производное *алуу* «брать» и т. п.

Наоборот, судя по морфологическому составу производной основы, легко отнести ее к той или иной части речи. Так, аффикс *-луу* образует прилагательные (*суулуу* «обильный водой»), *-ты* — деепричастия и т. п.

Лексика алтайских языков обладает большой гибкостью: одно и то же слово в зависимости от сочетания с другими может выступать в значении существительного, выполнять функцию прилагательного (соответствовать по значению прилагательному) и в отдельных случаях — наречия (см. ниже). Поэтому, рассматривая слова только в зависимости от контекста или от их места в предложении, нельзя установить их основное значение².

Одна и та же часть речи может выступать в предложении в роли различных его членов, а потому синтаксические функции слов не могут учитываться как основной критерий для определения части речи.

Под влиянием «нового учения» о языке при построении описательных грамматик делалась попытка подменить морфологию синтаксисом, при рассмотрении вопроса о частях речи делался упор на их синтаксические функции, а не на морфологические показатели, отыскивались следы диффузности и пережитки доисторических явлений вместо детального изучения фактов. Поэтому при решении вопроса о частях речи на первый план выдвигались синтаксический критерий или смысловые эквиваленты рас-

¹ Об этом см. статью: А. Исканов, О классификации частей речи в казахском языке, сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, 1952.

² Такое положение усугубляется еще и распространенным явлением омоимии. Например: *коч* «кочуй» и *коч* «кочевье», *той* «насыщаюсь» и *той* «пир».

смаатриваемых слов, тогда как семантическая характеристика слова оказывается столь же подвижной, как и его синтаксические функции. При таком подходе слово как бы переливается из одной части речи в другую, перестает быть самим собой, и невозможно решить, к какой же части речи оно относится. Ср. кирг. *баш* «голова» (существительное), *башма-баш* «голова на голову» (с наречной функцией), *айнек* «стекло», *айнек идиш* «стеклянная посуда (посуда из стекла)», *айнек заводу* «стеклянный завод», *оңой жумуш* «легкая работа», *айтууга оңой*, *кылууга кыйын* «сказать легко, (да) сделать трудно»¹.

В русском языке отдельные части речи могут быть охарактеризованы системой словоизменения (существительные изменяются по падежам и числам, прилагательные — по родам, числам, падежам, а качественные — и по степеням сравнения и т. п.). В тюркских же языках этот признак не может быть принят за основу, так как в них при известных условиях различные части речи могут сочетаться с одними и теми же словоизменительными аффиксами.

Так, существительные, оказываясь в роли сказуемого, сочетаются с аффиксами спряжения, которые присущи ряду глагольных образований. Ср.: *мен окуучумун* «я ученик», *мен окуймун* «я учусь» и т. п.

Более надежным критерием для установления принадлежности слов к той или иной части речи является их способность (или невозможность) сочетаться с типичными для нее словообразовательными и лишь некоторыми словоизменительными аффиксами². Этот признак и необходимо принять за основу, учитывая при этом возможности словоизменения и различные функции данного корневого слова в предложении. Так, имена не могут сочетаться непосредственно с глагольными аффиксами, например, *-ды*, *-ган*, *-ар* и др., с формами залогов и т. п., но к ним, в отличие от глаголов, непосредственно могут присоединяться аффиксы *-лык*, *-луу*, *-сыз*, аффикс мн. числа *-лар* и притяжательные аффиксы. Качественным прилагательным присущи образования степеней сравнения и интенсификация по типу *канкара* «черный-черный», что не свойственно существительным. От числительных образуются порядковые, дробные и, с ограничением (до семи), собирательные. Местоимения сочетаются лишь с определенным кругом аффиксов и имеют свои особенности склонения и т. п. В то же время глагольные корни не могут непосредственно сочетаться с падежными и притяжательными аффиксами, как и с аффиксом *-лар*.

Если исходить из этого критерия, то слова типа *коч* «1) кочуй, 2) кочевье» не могут рассматриваться как относящиеся к одной части речи. Корень *коч*, сочетающийся с аффиксом *-ман* (присоединяется к именам) или с аффиксами падежей, относится к существительным («кочевье»); корень же *коч*, сочетающийся, например, с аффиксом *-ган* (присоединяется к глаголам), относится к глаголам («кочуй»). В данном случае, следовательно, мы имеем дело с омонимами, принадлежащими к разным частям речи.

*

Значительную трудность в решении вопроса о частях речи составляет установление граней между существительными и относительными прилагательными, что стало предметом особенно широкого обсуждения за последние годы.

¹ Примеры взяты из «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина (М., 1949).

² Судя по хроникальному сообщению, эта точка зрения была высказана Н. К. Дмитриевым на Совещании по вопросам составления описательных грамматик, лексикографии и диалектологии (см. ВЯ, 1953, № 5, стр. 122—123).

Известно, что определенная группа существительных, выражающих название материала, формы или вида, выступая в качестве определения к другим предметным именам существительным, по своей функции как бы соответствует прилагательным. Ср. кирг.: *темир жол*¹ «железная дорога» (*темир* «железо», *жол* «дорога»), *жыгач устөл* «деревянный стол» (*жыгач* «дерево», *устөл* «стол»), *таш көмүр* «каменный уголь» (*таш* «камень», *көмүр* «уголь»), *ай балта* «топор в форме полумесяца, т. е. секира» (*ай* «луна, месяц», *балта* «топор») и т. п. Такие словосочетания построены по принципу примыкания, без грамматического оформления их частей (первый тип изафета).

Вместе с этим в ряде случаев в качестве определения к предметным существительным могут выступать также и предметные имена, что видно из следующих примеров: *төө тикен* «верблюжья колючка» (*төө* «верблюд», *тикен* «колючка»), *мектеп үйү* «школьное здание» (*мектеп* «школа», *үй* «дом, здание», *үйү* «ее, его здание»), т. е. здание школьного типа, *баатыр жомогу* «богатырский эпос» (*баатыр* «богатырь», *жомок* «эпос, былина», *жомогу* «его былина»), *тоо өнөр жайы* «горная промышленность» (*тоо* «гора», *өнөр* «ремесло, умение, промышленность», *жай* «место, заведение, предприятие», *жайы* «его предприятие») и мн. др.

В таком типе определительных сочетаний первый компонент не имеет специального оформления, а второй обычно сочетается с притяжательным аффиксом 3-го лица (-ы, -и, -у, -ү, -сы, -си, -су, -сү).

Подобные имена, обладающие способностью в одних случаях обозначать предмет, а в других признак, названы Н. К. Дмитриевым «существительно-прилагательными»². Опираясь преимущественно на материалы монгольских и учитывая особенности тюркских языков, Г. Д. Санжеев в составе частей речи выделил «предметные имена» (кроме существительных), которые «... в своем синтаксическом употреблении одинаково соответствуют такого рода именам существительным и прилагательным...»³.

Намечая границы «предметных имен» для алтайских языков, Г. Д. Санжеев полагает, что они образуют изафет первого типа⁴. Но этот признак в киргизском языке (да и в других тюркских языках) характеризует такие «предметные имена» лишь отчасти, так как они могут входить в качестве компонента и во второй, и в третий типы изафета. Выше уже приводились примеры (*мектеп үйү*, *баатыр жомогу*, *тоо өнөр жайы*), которые иллюстрируют не первый, а второй тип изафета.

Мало того, каждый из рассматриваемых компонентов при известных условиях может войти и в состав изафета третьего типа (с оформленным родительным падежом, или, иначе, падежом принадлежности). Ср.: 1) *мектеп үйү* «школьное здание», *мектептин үйү* «здание (конкретной) школы»; *тоо сагыз май* «сагыз (каучуконос)», *тоо өнөр жайы* «горная промышленность», *тоонун чокусу* «вершина (конкретной) горы» и т. п.

Таким образом, на основе указанного признака не представляется возможным установить четкие грани между «предметными именами» и

¹ По нормам киргизской орфографии буквой *ж* обозначается аффриката *дж*.

² См. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М. — Л., 1948, стр. 81.

³ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 124.

⁴ См. Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, ВЯ, 1952, № 6, стр. 87.

именами существительными. Из примеров видно, что, наряду с такими именами, которые образуют лишь первый тип изафета, и другие имена могут выступать для обозначения признака предметов, т. е. с функцией прилагательных. Следовательно, по морфологическим признакам в данном случае нет разницы между «предметными именами» и существительными.

С другой стороны, выражая признак предмета, рассматриваемые имена, входя в состав изафета второго типа, не повторяют грамматических признаков прилагательных, при которых определяемое существительное не имеет притяжательного аффикса. Хотя такие имена и выполняют функцию определений, однако они остаются все же существительными, так как не могут сочетаться с какими-либо формантами, не присущими существительным.

Надо полагать, что во всех подобных случаях определение остается выраженным существительным, и едва ли есть необходимость в грамматиках тюркских языков выделять как особую часть речи «предметные имена».

Подобно тому как во многих языках прилагательные имеют способность субстантивироваться и выполнять функцию наречий, так и существительные могут выполнять функцию прилагательных, о чем должно быть дано надлежащее разъяснение в соответствующем разделе грамматики, равно как следует указать, что часть существительных может употребляться в значении служебных слов (см. ниже). Между прочим, характеризуя существительные, необходимо подробно остановиться также на вопросе об одушевленности и дефинитивности.

В киргизском, как и в других тюркских языках, в составе одушевленных имен (с постановкой вопроса *ким?* «кто?») выделяются имена людей и некоторых «высших», по архаичным представлениям, мифических существ. К другим одушевленным ставится вопрос *эмне?* «что?» Кроме того, сочетания других частей речи с любыми одушевленными именами связаны с особенностями их грамматического оформления и смысловыми изменениями, а именно: так называемые причастия на *-ган* перед одушевленными именами выступают в значении действительного, а перед остальными — страдательного залога. Ср.: *келген киши* «пришедший человек», *мен келген айыл* «аул, в который я приходил», *жазган киши* «писавший человек», *жазган кат* «написанное письмо» и т. п.

С одушевленными существительными, к которым ставится вопрос *ким?*, согласуется в числе сказуемое. Ср.: *адамдар келишти* «пришли люди»¹, но *аттар келди* «пришли лошади» и т. п.

С понятием дефинитивности, как известно, связано оформление родительного и винительного падежей. Ср.: *бу колхоз короосу* «это колхозный двор», *бу колхоздун короосу* «двор этого колхоза»; *кой эти* «баранина», *бу койдун эти* «мясо этого барана»; *мен дайыма китеп окуймун* «я всегда читаю книги», *мен бу китепти окубадым* «я не читал этой книги» и т. п.

Попутно следует отметить, что при лексической характеристике существительных небесполезно сообщить хотя бы краткие сведения о категориях мужского и женского рода, выражаемых в тюркских языках при помощи лексических средств (ср.: *кыз бала* «девочка», *эркек бала* «мальчик» и т. п.). Разъяснение по этому вопросу часто приходится давать на занятиях по русскому языку в киргизской аудитории и при установлении принципов перевода с русского языка на киргизский имен женского ро-

¹ Аффикс *-ыш* выступает при глаголах в киргизском языке в качестве показателя множественного числа вместо аффикса *-лар*. Узб. *келдилар* = кирг. *келишти*.

да. Ср.: «женщина-врач» *доктур аял* (но *доктур аялы* «жена врача»), «трактористка» *тракторчу аял* (но *тракторчуну аялы* «жена тракториста»). Впрочем довольно часто в киргизском языке встречается и *трактористка*, и *комсомолка* и т. п.).

*

Наряду с тем, что существительные способны выполнять функцию прилагательных, прилагательные, также обладая большой гибкостью, могут субстантивироваться и выполнять функцию наречий.

Подлежащая масса корневых прилагательных киргизского языка принадлежит к категории качественных. Что же касается относительных прилагательных, то они представлены либо небольшим числом заимствованных имен (*адабий* «литературный», *бейтаалай* «несчастный» и др.), либо производными именами (*шардык* = *шаар* + *лык* «гордской», *жердик* = *жер* + *лык* «местный», *тордуу* = *тор* + *луу* «решетчатый», *уятсыз* = *уят* + *сыз* «бесчестный, бесстыдный» и т. п.).

Некоторые (единичные!) качественные прилагательные легко субстантивируются. Ср.: *сары* «желтый», *жумуртканын сарысы* «желток яйца»; *ак* «белый», *көздүн агы* «белок глаза» и т. п. Субстантивируются прилагательные чаще в тех случаях, когда они заменяют пропущенный член предложения, к которому относились: *ал бозго чеп берди* «он дал сена серому (коню)» и т. п. Или: *жакшынын өзү өлсө да, сөзү өлбөйт* «хороший умирает, но слово его не умрет»¹ (здесь пропущено *кыши* «человек»).

По признакам семантической и синтаксической характеристики Н.К. Дмитриев в составе прилагательных выделил «прилагательно-существительные» [ср. башк. *карт* «1) старый, 2) старик»] и «прилагательно-существительные-наречия» [ср. башк. *яман* «1) плохой, 2) негодий, 3) плохо»]. В киргизском языке также наблюдаются в единичных случаях подобные явления. Ср.: *жакшы* «хороший», *жакшы жазат* «хорошо пишет», *жакшылар* «знать, аристократия». Омонимия типа *көк* «1) небо, 2) голубой» в подобных случаях не может быть принята в расчет.

Как в башкирском, так и в киргизском языке такие слова остаются прилагательными, независимо от своей синтаксической функции. Г.Д. Санжеев подобные слова относит к «качественным именам»². Однако эти «качественные имена» в киргизском языке, взятые изолированно, сохраняют способность сочетаться только с таким словообразовательным аффиксом, который присущ прилагательным (*-раак, рээк, -роок, -роок*), но не существительным, оставаясь, таким образом, прилагательными, независимо от своей синтаксической функции.

Не все качественные прилагательные способны выполнять функцию существительных и наречий. Так, прилагательные *кызыл* «красный», *сары* «желтый», *жашыл* «зеленый», *курч* «острый» и многие другие, обозначающие цвет, форму и некоторые физические признаки, не могут выступать с наречной функцией. Наоборот, с этой функцией выступает определенная группа прилагательных, вроде *жакшы* «хороший», *бат, тез* «быстрый» и т. п., обозначающих внутренние свойства предмета. Эти «качественные имена» не имеют своих специфических морфологических признаков, а потому и нет оснований для выделения их в особую часть речи.

Таким образом, в составе прилагательных могут быть выделены следующие типы и подтипы:

¹ К. К. Ю д а х и н, Киргизско-русский словарь, стр. 162.

² См. Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, стр. 125.

1. Качественные прилагательные:

1. Собственно качественные прилагательные, выполняющие функции приименного определения и (в отдельных случаях) субстантивирующуюся.

2. Качественно-обстоятельственные прилагательные, способные выступать и для характеристики признака действия, т. е. с наречной функцией.

II. Относительные прилагательные.

*

Рассматривая высказывания А. И. Исакова о частях речи казахского языка, авторы статьи «Вопросы составления описательных грамматик» пишут: «В качественном прилагательном, выступающем в роли обстоятельства, непременно хотят видеть наречие, которое либо „еще не дифференцировано от имен прилагательных“, либо является „результатом адвербиализации прилагательного“. Ни к тому, ни к другому объяснению не нужно было бы прибегать, если бы исследователи признали тот несомненный факт, что некоторые имена прилагательные в тюркских языках обладают весьма широкими синтаксическими функциями»¹.

Способность почти каждой части речи в тюркских языках выполнять различные синтаксические функции не вызывает никаких сомнений, однако, надо полагать,* прилагательные выступают в роли обстоятельств (не становясь наречием) отнюдь не в зависимости от своей синтаксической функции (т. е. места в предложении), а лишь благодаря сочетанию с определенным разрядом слов. Так, прилагательное при существительных выступает в своем основном значении, при глаголе выполняет функцию обстоятельства, перед прилагательным (в качестве его определения) не употребляется. Существительные при существительных выступают с атрибутивной функцией (*темир жол*), при глаголе — либо в роли имени, либо в роли наречия и т. п.

*

Ни у кого из авторов современных грамматик тюркских языков не вызывает сомнения возможность выделения таких частей речи, как числительные и местоимения. В составе числительных выделяются для киргизского языка количественные, дробные, порядковые, собирательные (типа *экөө* «двое, вдвоем», *бешөө* «пятеро, пятером» и т. п.) и приблизительные (типа *ончо* «с десять, приблизительно десять, около десяти»). Штучные числительные (типа узбекских *битта* «одна штука», *иккита* «две штуки» и т. п.) не находят своего грамматического выражения в литературном киргизском языке и его северных говорах.

Несмотря на то, что все тюркологи единодушно выделяют местоимения как самостоятельную часть речи, в вопросе о классификации типов местоимений обнаруживаются некоторые расхождения.

Так, узб. *ўзи*² (кирг. *өзү* «он сам») А. Н. Кононов отнес к возвратным местоимениям, Н. П. Дыренкова шорск. *позу, позы* (соответствующее узб. *ўзи*) отнесла к лично-возвратным и определительно-притяжательным³.

¹ ВЯ, 1953, № 4, стр. 12.

² А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 128.

³ Н. П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941, стр. 97.

Н. К. Дмитриев вполне обоснованно считал эти местоимения определительными¹.

Н. А. Баскаков выделяет четыре основные группы местоимений: 1) личные и лично-притяжательные; 2) указательные и указательно-притяжательные; 3) определительные и 4) вопросительные, неопределенные, отрицательные местоимения. Внутри этих групп выделяются подклассы: а) атрибутивно-определительные; б) субстантивные; в) атрибутивно-обстоятельственные².

Но эту классификацию для практических руководств можно было бы несколько упростить, не выделяя особых подклассов с образованием на *-ныкы* (ср. *меники* «то, что принадлежит мне»). Это уже производная форма, которая образуется не только от личных местоимений, но и от существительных). Едва ли необходимо в числе местоимений выделять лично-притяжательные атрибутивные (типа каракалпакск. *менинге* «мой», *меникинине* «принадлежащий моим» и т. п.), так как они составлены из основы и словоизменительного, а не словообразовательного аффикса и выступают лишь в словосочетаниях.

В описательной грамматике киргизского языка могут быть выделены такие группы местоимений: личные, указательные, притяжательные, определительные, неопределенные, вопросительные, отрицательные. Что касается *өз*, то оно должно быть отнесено к числу определительных, а не возвратных местоимений.

*

Несмотря на то, что в тюркологической литературе вопрос о существовании наречий давно был решен положительно, эта часть речи нашла свое отражение в школьной грамматике киргизского языка лишь недавно, с выделением в ее составе четырех подклассов: наречий времени, места, образа действия, меры и числа. Наряду с наречиями, в школьных грамматиках киргизского языка выделены также служебные слова, охватывающие несколько разнородных групп, не связанных между собою ни по форме, ни по значению. Сюда вошли и частица *го* «ведь», послелоги *чейин* «после», *мурда* «раньше», отрицания (*жок*, *эмес*, *эч*), такие слова, как *албетте* «конечно», *ооба* «да» и т. д.

В то же время в тюркологической литературе введено понятие о служебных словах³ и послелогах.

Служебные слова, выражающие пространственные отношения, относятся к существительным с дефективным или суживающимся типом склонения (*жанында* «около, сбоку», *устундо* «на поверхности», *алдында* «под, внизу» и т. п.), так как при употреблении их в служебном значении формы родительного и винительного падежей не образуются, а сами служебные имена в большинстве случаев употребляются в сочетании с притяжательным аффиксом 3-го лица, входя в состав определительного сочетания (*уйдун жанында* «около дома», *столдун устундо* «на столе, на поверхности стола» и т. п.).

В отличие от таких служебных имен Н. К. Дмитриев относил к послелогам неизменяемые слова, которые выражают отношения между предметами и управляют падежами имен⁴, например, *менэн* (кирг. *менен*) «с», *башка* «другой, кроме», *элгере* (кирг. *илгери*) «прежде» и т. п.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 105.

² См. Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, т. II, ч. 1, М.—Л., 1952.

³ См. Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 184.

⁴ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 120—127.

В большинстве грамматик тюркских языков выделяется категория наречий, и в то же время послелого рассматриваются как одна из частей речи, а между тем, если сравнить конкретный лексический состав этих двух частей речи, то нетрудно обнаружить, что они перекрещиваются между собой. Так, в работе Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык» (II, ч. 1) на стр. 483 находим в составе «собственно послелогов» *сонъ, кейин* (кирг. *соң, кийин*) «после», а далее (на стр. 484) в числе «послелогов — изолированных форм имен прилагательных, наречий, числительных и местоимений» дано слово *бурун* (кирг. *мурун*) «прежде, перед», которое в киргизском языке с точки зрения грамматической функции не отличается от предыдущих. В «Грамматике узбекского языка» А. Н. Кононова послелого и служебные имена в большей мере рассматриваются как подкласс существительных¹. Н. П. Дыренкова в своей обстоятельной «Грамматике шорского языка» совершенно правильно выделила группу «послелогов-наречий», например *неере* (кирг. *бери*) «сюда, по эту сторону», *аара* (кирг. *нары*) «по ту сторону» и др.

В изложении особенностей монгольских языков тоже обнаруживается стремление рассматривать часть послелогов как разновидность наречия, оперируя и термином «наречие-послелог»².

Интересно отметить, что, несмотря на четкую и прямолинейную постановку вопроса о частях речи в казахском языке, А. И. Искаков даже и не упоминает о послелогах³. Не выделены послелого как самостоятельная часть речи и в работе Л. Н. Харитонова «Современный якутский язык», ч. 1 (Якутск, 1947), а служебные имена рассматриваются им как один из подклассов существительных.

В грамматиках, где выделяются послелого, к ним отнесены самые разнообразные разряды слов, не связанные между собой и повторяющиеся в характеристиках других частей речи. В этом случае послелого выступают скорее как какая-то надстройка над другими частями речи. В самом деле, к послелогам относят существительные с дефективным склонением (см. выше), относят ряд слов, которые повторяются и в числе наречий, и в числе глаголов (деепричастия типа киргизских *карай* «смотря на то, по направлению к...», *көздөй* «держа направление на...» и др.).

Нуждается в пересмотре и вопрос о том, что послелого образуют окостеневшую часть речи. Так, *мурун* или *мурда* «раньше» (как и *илгери, кийин* и др.) в одних случаях, утрачивая свое основное значение и выступая в роли послелога, как будто бы подходит под указанное определение: *баарынан мурда* «прежде всех». Однако можно найти и самостоятельное значение его: *мурда күчү* «позавчера, третьего дня» и *мурдагы* «прежний»⁴. Или вот «две» функции послелога *кийин* «после, затем, впоследствии»: *беш күндөн кийин* «через пять дней» (послелог), *кийин кал* «останься позади» (явное наречие), *кийинтен* «за, вслед» (сочетается со словоизменительной формой, т. е. с формой исходного падежа), *кийинки* «последний, задний», *кийинчерээк* «несколько позже»⁵ и т. п. Подобные же особенности обнаруживаются и у других послелогов.

Таким образом, понятие послелога включает в себя ряд других частей речи и, наоборот, в составе различных частей речи могут быть выделены слова, употребляющиеся в качестве послелогов. Едва ли при

¹ См. А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 54.

² См., например, Г. Д. Саижев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, стр. 235, 236 и др.

³ См. А. И. Искаков, О классификации частей речи в казахском языке, стр. 129—133.

⁴ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 261.

таких условиях послелогои могут рассматриваться как особая часть речи. В тюркских (да, очевидно, и в монгольских) языках они в большей степени выступают в качестве грамматического средства, опирающегося на лексический материал существительных, наречий и (в некоторой степени) глаголов, подобно тому как в числе грамматических средств тюркских языков используется порядок слов (так называемый синтаксический способ словообразования), также опирающийся на использование слов, принадлежащих к определенным частям речи. Если стать на эту точку зрения, то «собственно послелогои» следует рассматривать в составе наречий, служебные имена — в составе существительных и т. п.

При таком условии наречия складываются из следующих групп слов:

1. Наречия, имеющие свободное размещение в предложении, выполняющие роль самостоятельных членов предложения (*азыр* «теперь, сейчас», *бүгүн* «сегодня», *кече* «вчера», *быыл* «в этом году» и мн. др.).
2. Наречия, употребляющиеся перед именами, к которым они относятся (усилительные наречия типа *өтө*, *абдан*, *эн* «очень»).
3. Наречия, употребляющиеся после имен, к которым они относятся (*кийин* «потом», *илгери* «раньше», *чейин* «до» и мн. др.)¹.

*

В школьной грамматике киргизского языка выделяется среди других частей речи группа «жардамчы сөздөр» — служебные (вспомогательные) слова, — состоящая, наряду с наречиями, и из модальных слов. Вопрос о выделении таких модальных слов в особую часть речи четко поставлен рядом исследователей тюркских языков. Такие слова, как *албетте* или *арийне* «конечно, несомненно», *балким* «вероятно» и др., выражают «субъективно-объективные отношения человека к явлениям действительности и их связям»² и должны быть выделены в особую часть речи в киргизском языке.

Выделение модальных слов, кстати, облегчает вопрос о рассмотрении в системе частей речи еще и частиц. Таковы, например: *го* «ведь!», частица ограничения *эле*, омонимичная частица *эле*, которая участвует в образовании форм прошедшего времени, отрицание *эмес*, частица понуждения *чы* (*барчы* «види-ка») и вопросительная частица *-бы*, которая подчиняется законам сингармонизма и отличается от аффикса только тем, что не принимает ударения. Поскольку в киргизском языке есть ряд аффиксов, не принимающих ударения, то вполне правомерно эту частицу *-бы* рассматривать как аффикс.

Вполне обоснованно многими авторами (Б. Юнусалиевым, С. Кудайбергеновым) ставится вопрос о расчленении в системе построения киргизской грамматики двух частей речи: междометий и подражательных слов, поскольку подражательные слова обладают своими грамматическими особенностями, сочетаясь со специфическими, присущими им аффиксами. Например: *бүжүр* «горбун», *бүжүрөң* «движения сторбившегося человека»; *болчо-* «пыжиться», *болчоң-болчоң* «неуклюжие движения полного

¹ В связи с вопросом о наречии следует остановиться и на словах *бар* «есть, имеется» и *жок* «нет». Некоторые авторы рассматривают их как наречия. В действительности же они являются именами, так как могут сочетаться с аффиксами, присущими существительным. Ср.: *бар болгон* «все, что было», *колумда барым* «все то, что я имею; то, что есть в моих руках», *Кыраан Манас барында* «когда был зоркий Манас» и т. п. Или: *эсокко ишенбе* «не надейся на то, чего нет; не надейся попусту», *эсоктук* «отсутствие, неимение, бедность» и др. (см. «Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина).

² «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, М., 1952, стр. 405.

или грузного человека, увальня»; *моөрө*-«мычать», *маара*-«блехать», *кый-кыр*-«кричать», *ышкыр*-«свистеть» и мн. др.¹

Не вызывает никакого сомнения и существование в тюркских языках союзов, которые нашли свое выражение во всех грамматиках.

В школьных и описательных грамматиках всех тюркских языков раздел глагола построен по наклонениям или по категориям времени. В то же время эти категории наклонения и времени выражаются различными отглагольными образованиями, например так называемыми причастиями. При этом одна и та же форма описывается дважды и как две различные категории. Так, при описании прошедшего субъективного (или прошедшего недатированного) авторы оперируют аффиксом *-ган*, который рассматривается как показатель изъявительной или чистой глагольной формы (*алганмын* «я брал, взял», *келгенсиң* «ты когда-то пришел, приходил» и т. п.). Далее, при рассмотрении типов отглагольных образований в школьной грамматике киргизского языка упоминается об употреблении образования на *-ган* перед существительными, когда это образование выступает в значении причастия (*келген киши* «пришедший человек»), а при изложении сведений о членах предложения учащимся даются примеры, в которых образование на *-ган* (обычно, с притяжательными аффиксами) выступает в значении не причастия, а имени действия. Ср.: *алганым* «то, что взято мною» (в переносном значении — «муж», «жена»), *айтканың келсин!* «пусть сбудется то, что ты сказал (сказанное тобой)». Одно и то же морфологическое образование в школьной практике разрывается между тремя частями речи.

Точно так же деепричастия на *-а* и *-ын* то рассматриваются в разделе о категориях времени (при анализе образований типа *жазамын* «я пишу», *жазыптырсы* «оказывается, ты тогда писал» и т. п.), то выделяются далее в самостоятельный раздел. Очевидно, что система изложения глагола нуждается в пересмотре и в учебниках может быть представлена в следующем виде: сначала необходимо охарактеризовать категорию залога, затем выделить типы отглагольных образований, а потом уже перейти, опираясь на эти типы, к характеристике вида, наклонений и спряжения. Как показал В. А. Гордлевский, от глагола в тюркских языках образуются причастия, деепричастия и отглагольные существительные и прилагательные². Однако для киргизского и ряда других тюркских языков содержание категории «причастий» должно быть пересмотрено, так как образования на *-ган* и *-ар* по своему значению выходят за пределы причастий и выступают в значении как чистых глаголов, так и имен действия (см. примеры, приведенные выше). Ср.: *келермин* «я, может быть, приду», *келер жыл* «будущий год», *анын келери менен* «с его приходом».

С отнесением образований на *-ган* и *-ар* к тому или иному ряду слов (к причастиям, чистым глаголам, именам действия и т. п.) связана и классификация некоторых типов предложений киргизского языка. Так, рассматривая в школьной практике эти образования как чистые глагольные формы, предложения вроде *сабак бүткөндөн кийин биз театрга бардык* «после окончания урока мы пошли в театр» считают сложными, тогда как они относятся, конечно, к простым распространенным.

Отмеченный тип отглагольных образований, в школьной грамматике киргизского языка неудачно названный «атоочтук» (т. е. именным гла-

¹ Обзор словообразовательных средств киргизского языка, присущих подражательным словам, дан С. К у д а й б е р г е н о в ы м в автореферате канд. дисс. «Подражательные слова в киргизском языке» (М., 1953).

² См. Вл. Г о р д л е в с к и й, Грамматика турецкого языка. (Морфология и синтаксис), М., 1928.

голом)¹, нуждается в пересмотре, так как содержит различные по значению формы, например на *-ган* и *-уучу* (типа *жазуучу* «писатель»). В то же время к этому разряду не отнесено образование на *-ар*.

Категория вида, существующая в тюркских языках, образуется путем сочетания деепричастной формы основного глагола со вспомогательным. Например: *ушудум* «я мерз, замерз», *ушуп болдум* «я совсем замерз», *ушуп турдум* «я мерз»; *келди* «он пришел, приходил», *келип турду* «он закахивал», *келип калды* «он пришел» и др.

До сего времени в грамматиках по киргизскому языку выделялись два вида: совершенный и несовершенный. Однако многообразные сочетания основных и вспомогательных глаголов характеризуют собою иные оттенки действий. Видовые категории тюркских глаголов характеризуются длительностью или мгновенностью (эпизодичностью) действия [ср.: *иштейт* «работает вообще», *иштеп келе жатат* «работает» (в определенном отрезок времени)], многократностью (*ат* «стреляй», *аткыла* «постреливай»), направленностью действия (*сатып алдым* «я купил для себя», *сатып бердим* «я продал») и др. В образовании видов участвуют деепричастные формы и вспомогательные глаголы.

Хотя исторически различные категории времени в тюркских языках выражались спрягаемыми «причастными» формами, однако с точки зрения норм современного киргизского языка они образуются преимущественно либо от форм на *-ган*, *-ар*, либо от деепричастий (*жазасың* «ты пишешь», *жазылсың* или *жазылтырсың* «ты, оказывается, писал тогда»).

При описании типов отглагольных образований авторы руководств по киргизскому языку исходят из глагольного корня или глагольной основы. Что же касается образования на *-уу*, *-уу*, *-оо*, *-өө*, часто именуемого инфинитивом или формой неопределенного наклонения, то оно должно в большей степени рассматриваться как отглагольное имя. Ср.: *окуу* «1) учиться, 2) учеба», *окуу китеби* «учебник». Здесь определяемое имя сочетается с притяжательным аффиксом, как при наличии перед ним определения, выраженного существительным (второй тип изафета). Образование же на *-мак*, выступающее в других тюркских языках в роли инфинитива, в киргизском языке должно быть отнесено к модальным формам (неопределенную форму не образует). Ср. *жазмак* или *жазмакчы* «он намерен писать» и т. п.

*

Спорные вопросы описательной грамматики киргизского языка относятся главным образом к выбору критерия для классификации частей речи и установлению граней между ними. Успешное разрешение этой задачи зависит от степени изучения фактов в сравнительно-историческом аспекте по всем языкам тюркской группы, с широким привлечением данных по основному словарному фонду и по грамматическим средствам.

Классификация частей речи киргизского языка должна строиться, исходя из этого, на учете двух критериев — смыслового и морфологического, из которых второй является главным и решающим.

Как уже указывалось, в тюркских языках корневые слова, да и некоторые производные образования, т. е. основы, обладают способностью заменять другие части речи (см. выше о гранях между существительными и относительными прилагательными, а также между прилагательными и наречиями образа действия). Поэтому применение одного лишь смысло-

¹ Д. И с а е в, Грамматика киргизского языка, ч. I — Фонетика и морфология, Фрунзе, 1951 (на кирг. языке).

вого критерия не даст ожидаемого эффекта. Так, изолированно взятое слово *ой* может с этой точки зрения выражать и глагол (*ой* «углубляй, выдалбливай»), и существительные [*ой* «1) низина, впадина, котловина, 2) мысль»], хотя в действительности здесь мы имеем дело с омонимами.

Только в сочетании исследуемого слова с другими частями речи возможно применить смысловой критерий (ср. *кашык ой* «выдалбливай ложку» и *ой болуп калган жер* «котловина»), но и этот прием оправдывает себя лишь в пределах установления границы между именами и глаголами. Для разграничения же различных подклассов имен он оказывается не всегда пригодным. Поэтому решающим признаком для определения принадлежности слова к той или иной части речи является морфологический показатель (возможность сочетания слова с теми или иными, присущими лишь определенной части речи, словообразовательными и словоизменятельными аффиксами). Например, аффикс *-чы* сочетается с существительными, но к прилагательным не присоединяется, а потому, поскольку возможно *темирчи* «кузнец», в словосочетании *темир жол* «железная дорога» *темир* выступит в качестве существительного, а не прилагательного. Подобно этому *ой* в сочетаниях *ойгон* «выдалбливай» или *оюу* (= *ойуу*) «выдалбливать» и т. п. является глаголом, так как сочетается с типичными для глаголов аффиксами *-ган*, *-уу* и др. Наоборот, в сочетании *ойго* «в котловину» налицо существительное. Что же касается синтаксических функций, то они не могут быть приняты в расчет при классификации, так как почти каждая знаменательная часть речи в тюркских языках может выступать в роли различных членов предложения.

*

Предложенная вниманию читателей схема носит рабочий характер. Дальнейшее, более углубленное сравнительное изучение тюркских языков позволит внести в нее соответствующие уточнения и дополнения.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Понятие «значение слова», несомненно, является одним из важнейших в языкознании. Без уяснения этого понятия не может быть достаточно определенным и понятие слова. Как основной предмет исследования в данной статье выделяется значение как особый момент в структуре слова, отличный, в частности, от внешней, звуковой оболочки слова.

Вопрос о значении слова, принадлежа, с одной стороны, к проблеме слова, с другой стороны, принадлежит к проблеме взаимоотношения между языком и мышлением. Марксистское положение о диалектическом единстве языка и мышления, как и все другие, должно быть не просто «принято» в общем виде: необходимо достижение максимальной ясности и четкости его понимания, действительности этого понимания, т. е. возможности конкретного исследования соответствующих фактов на основе этого положения, а не только умения его интерпретировать *in abstracto*. Изучение вопроса о значении слова является необходимым моментом в достижении такого понимания.

*

Необходимо с самого начала определить хотя бы в общих чертах то, что имеется в виду под «значением слова». Лучше всего сделать это путем исключения того, что к значению слова не относится, т. е. не входит в его состав.

Всякое слово живого языка доступно восприятию органами чувств как некоторый определенный комплекс звуков или, реже, отдельный звук; иначе говоря, как определенный отрезок речевого звучания. Правда, с развитием письменности графическое изображение слова постепенно приобретает все больший вес. Все же оно есть нечто вторичное по отношению к звучанию, к «природной материи» языка. Графическое слово есть лишь изображение звучащего слова живого языка¹. Поэтому под материальной, внешней стороной языка обычно понимается именно его звучание. И это следует признать вполне обоснованным.

Звучание слова, очевидно, не принадлежит к составу его значения; сюда, конечно, не входит и графическое изображение слова. Звучание слова (и, соответственно, графическое его изображение) обычно даже

¹ Здесь идет речь об изображении звучащего слова, а не отдельных его звуков. Конечно, знак 0 в цифре 20 не изображает никаких звуков речи сам по себе, и даже все написание 20 не изображает какого-либо определенного звучания (в русском контексте оно может изображать и «двадцать», и «двадцати», «двадцатью»); но когда это написание реально читается как слово, оно все же читается как з в у ч а щ е е слово.

прямо противопоставляется его значению. Значение слова вместе с тем не есть какая-либо часть звучания или какой-либо момент в нем. Значение и звучание слова — сами по себе два совершенно различных явления, хотя и выступающие в общественно-исторически обусловленной связи друг с другом, при этом в связи, существеннейшей для языка, так как без этой связи язык вообще не мог бы существовать, не мог бы и возникнуть. Ведь язык возник и стал развиваться как средство общения людей, а без некоторой обязательной (обязательной общественно-исторически, а не физически) связи между звуками и значениями он не мог бы выполнять этой основной своей функции, так как звуками тогда ничего не сообщалось бы.

Итак, значение слова во всяком случае не есть его звучание или какой-либо составной элемент этого звучания.

Значение слова не есть и тот предмет, который данным словом обозначается. Когда мы производим, перевозим, покупаем, потребляем те или иные предметы, мы производим, перевозим, покупаем, потребляем не значения соответствующих слов, а нечто другое — самые предметы. Также и когда мы ходим, говорим, смеемся, спим, мы не осуществляем значений определенных глаголов, а производим известные действия, процессы. Об этом можно было бы и не говорить, если бы на практике не наблюдалось довольно часто бессознательное смешение слова и его значения с самим обозначаемым предметом, явлением, процессом¹. Поэтому, может быть, не лишним будет обратить внимание на то, что существуют слова, не обозначающие каких-либо предметов, явлений и пр., хотя и имеющие совершенно определенные значения; ср. *русалка, дождь, кентавр, фавн, небожитель, волшебство, волшебный, сглазить* и пр. Правда, могут сказать, что эти слова обозначают известные психические предметы — те или иные фантастические представления, и эти-то представления или понятия и следует считать предметами — значениями соответствующих слов². Но тогда естественно возникает вопрос: а почему под значением слова *стол* следует понимать самые предметы (столы), а не соответствующие представления или понятие стола? К этому можно прибавить, что и такие слова, как *никто*, вряд ли могут быть безусловно признаны обозначающими какой-либо предмет, если не считать таким предметом понятие об отсутствии какого бы то ни было лица.

Откуда же возникает смешение значения слова и обозначаемого предмета или явления — смешение, к которому, если можно так выразиться, имеется некоторое стихийное тяготение? Источник такого смешения представляется совершенно понятным: значения слов, конечно, обусловлены существованием обозначаемых действительных предметов и явлений, они, вообще говоря, связаны с этими предметами и явлениями. Значения даже таких слов, как *русалка, волшебный* и пр., не могли бы существовать, если бы не было тех или иных материальных предметов и явлений и их более или менее верных или более или менее искаженных отражений в сознании людей.

В основе фантастических представлений — мифологических образов, религиозных воззрений и пр. лежат элементы реальной действительности, абстрагированные от нее сознанием и фантастически скомбинированные им — в их отображениях — в образы, уже не соответствующие

¹ Ср. у И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи», М.—Л., 1945, стр. 255): «...предмет действия... в тесной связи со сказуемым...»

² Следует обратить внимание на то, что когда кто-нибудь говорит: «Русалок не существует», он отрицает не существование соответствующего представления или понятия, а именно предмета, существа, называемого русалкой.

щие в целом никакой действительности. Если бы не было реальных женщин, если бы не было водяных животных (рыб и пр.), если бы, вероятно, к тому же не было снов, иллюзий и галлюцинаций как известных явлений психики, то не был бы создан, на определенном уровне развития общественного познания, и образ русалки. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт,— пишет В. И. Ленин,— а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, незоснаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) есть известный кусочек фантазии»¹. При этом, однако, то обстоятельство, что элементы фантастического образа являются отображением действительно существующих предметов, явлений и их свойств, придает таким образам (или построениям) характер снимков, слепков с реальности. Вместе с тем и то, что в подавляющем большинстве случаев словам с их значениями действительно соответствуют реальные предметы и явления (хотя бы в ряде случаев и вторичного, психического характера: «мысль», «гнев», «любовь» и пр.), приводит к бессознательной трактовке также и слов с фантастическими значениями как слов со значениями реальными». В общем получается так, что самое наличие слова создает впечатление существования соответствующего предмета или явления. В основе этого лежит естественный, непосредственный и наивный материализм, здоровый в своей сущности, но порою приводящий к заблуждению вследствие своей недialeктичности.

— Итак, значение слова не может быть отождествляемо с обозначаемым предметом или явлением, хотя в подавляющем большинстве случаев оно и связано с таким предметом или явлением и обусловлено им. Случаи фантастических или конструированных значений, которые обусловлены действительностью лишь косвенно и не находят себе прямых соответствий в ней, сравнительно очень редки.

Сказанное не позволяет принять, во всяком случае, без серьезных оговорок, и то довольно распространенное воззрение, согласно которому значение слова есть лишь отношение слова к обозначаемому этим словом предмету или явлению, лишь самая связь слова с обозначаемым куском действительности. Как можно говорить о значениях фантастических или конструированных как об отношениях или связях с определенными кусками действительности, которые якобы обозначаются соответствующими словами, когда специфическим для этих слов как раз и является то, что ими ничто реальное не обозначается? Ведь нельзя же сказать, что такими словами обозначаются те отдельные элементы, синтезированное отражение которых выступает как определенное цельное представление, как целый образ или понятие: слово *русалка* не обозначает ни женщину, ни рыбу — оно вообще не обозначает никакого реального предмета.

Поскольку значение слова не есть его звучание или какая-либо составная часть звучания, постольку значение не определяется как величина, явно, несомненно входящая в состав слова. Поскольку же значение слова не есть сам обозначаемый словом предмет или явление или хотя бы только отношение или связь между словом и таким предметом или явлением, постольку значение слова также не определяется явно и несомненно как величина, не входящая в самый состав слова. Следовательно, оста-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 308.

ется открытым вопрос: где же область значения слова — внутри слова или вне его?

Самый этот вопрос может показаться несколько наивным: слово — не коробочка, не орех или что-либо иное, о чем можно говорить «внутри» или «вне». Конечно, поскольку речь идет о слове, понятия «внутри» и «вне» являются не обычными пространственными и даже не временными понятиями, мыслимыми по образцу пространственных. Тем не менее поставленный вопрос имеет вполне серьезный и не схоластический смысл. Речь идет о том, входит ли значение в самую структуру слова примерно на тех же правах, как и звучание слова, т. е. являются ли и то и другое в равной мере ингредиентами слова, или же слово все-таки только определенное звучание само по себе, а значение есть некоторая особая по отношению к слову величина, которая лишь связана со словом примерно так, как и сам обозначаемый словом предмет (если он существует), т. е. некоторой общественно-исторически обусловленной связью.

Единства и ясности в этом вопросе не существует, хотя и предполагается, что советские языковеды в общем держатся здесь одного и того же мнения. Расхождение выявляется в отдельных высказываниях, иногда и не относящихся непосредственно к данному вопросу. Так, например, если кто-нибудь скажет, что в каждом слове заключено его значение или что значение слова представляет собой связь комплекса звуков с содержанием обозначаемого предмета, явления, понятия, то на первый взгляд такие формулировки могут показаться не только правильными, но и достаточными. При более же тщательном рассмотрении станет ясно, что если значение представляет собой известный ингредиент слова, то такое определение недостаточно. Ведь при таком понимании все слова оказались бы имеющими одно и то же значение, так как самая связь звучания слова с содержанием обозначаемого предмета, явления, понятия, по крайней мере в основном и общем, одна и та же: каждое слово имеет свое особое значение (или свою систему значений) в зависимости от того, с чем связано его звучание, а не от того, что это звучание вообще связано с каким-то «содержанием». Отсюда следует, что значение слова не есть просто наличие связи звукового комплекса с содержанием, но нечто большее, нечто такое, что дифференцируется соответственно тому, с чем имеется связь.

О «содержании» предметов, явлений, понятий часто говорят недифференцированно, называя все три категории явлений «обозначаемыми». Но ведь очевидно, что «содержание» предмета совершенно не то, что содержание понятия, и они не могут одинаковым образом обозначаться. Обозначаемый предмет может и отсутствовать или даже вообще не существовать в действительности, но «обозначение» понятия при отсутствии этого понятия трудно себе представить. Так как понятие есть «мысль о предмете, выделяющая в нем существенные признаки»¹, то оно не может представлять собой просто связь звукового комплекса с содержанием предмета. Если можно думать, что понятие заключено в слове, то совершенно ясно, что какой-либо материальный предмет никак не может быть заключен в слове. Поэтому понятие и такой предмет находятся в совершенно разных отношениях к слову и к значению слова.

*

Если мы признаем, что слова имеют различные значения (по крайней мере как общее правило), то, как уже было замечено выше, значение слова не может быть только самой связью или наличием связи звучания

¹ В. Ф. Асмус, Логика, [М.], 1947, стр. 32.

слова с чем-то вне слова: помимо самой такой связи, значение должно включать в себя нечто, отличающее его от другого значения и позволяющее узнать, с каким именно предметом или явлением связывается данное слово.

Но выше уже было обращено внимание на то, что самый предмет или явление, с которым связывается данное слово, не может составлять значения слова или включаться в значение слова. Следовательно, в значение слова должно включаться нечто, соответствующее обозначаемому предмету или явлению, а не сам этот предмет или явление. —

Что такое это «нечто»? Понятно, что это — известное отражение в сознании того предмета или явления, о котором идет речь, его более или менее верная или неверная копия, некоторый слепок с него. Будет ли это представление или понятие — пока не существенно. Здесь важно отметить то, что вообще известное отображение обозначаемого предмета или явления составляет по крайней мере часть значения слова.

Но ведь мы условно отстраивались от того распространенного определения значения слова, которое характеризует значение как связь звучания с предметом или как отношение первого к последнему. Теперь же мы видим, что в самом значении слова есть нечто, что по самому существу своей специфики связывает слово, а следовательно и его звучание, с предметом или явлением, и притом связывает именно потому, что оно, это нечто, представляет собой отображение, относительно верную копию соответствующего предмета или явления. Таким образом, то, что оказывается необходимым в составе значения слова как нечто, отличающее связь одного звучания с одним предметом от связи другого звучания с другим предметом, то, что представлялось лишь неизбежным дополнением к составу значения как связи между звучанием и предметом, — само выступает как определенным образом связанное с предметом, явлением, обозначаемым данным словом. Вместе с тем это «нечто» связано и со звучанием слова. А отсюда следует, что связь звучания слова с обозначаемым предметом или явлением осуществляется через это «нечто»: оно, с одной стороны, связано со звучанием слова, с другой же стороны — с самим предметом или явлением как отображение того или другого в сознании. Следовательно, связь между звучанием слова и обозначаемым предметом или явлением, называемая нередко значением слова, оказывается, в сущности, фикцией, основанной на упрощенном понимании действительности. Точнее: связь между звучанием слова и обозначаемым предметом или явлением, конечно, есть, но она не прямая и непосредственная, и ее нет помимо отображения предмета или явления в сознании.

Итак, — не просто связь звучания с обозначаемым предметом или явлением, а связь звучания с отображением предмета или явления. Как видно из сказанного, то, что здесь названо отображением предмета или явления, занимает центральное положение во всей связи между звучанием и обозначаемым предметом: без него эта связь не могла бы установиться, так как она порывалась бы каждый раз при удалении предмета из поля восприятия, и возможности обобщения не было бы, поскольку в опыте не было бы преемственности. Поэтому естественно именно это центральное звено в общей связи между звучанием и обозначаемым предметом или явлением и называть в первую очередь значением слова.

Но если связанное со звучанием отображение предмета или явления в сознании есть значение слова, то очевидно, что значение слова никак нельзя определять как только и просто связь звучания с предметом или как отношение одного к другому. Связь звучания с обозначаемым

мым предметом или явлением осуществляется через отображение этого предмета или явления в сознании, но самое отображение не есть просто связь звучания с предметом, а есть определенное явление сознания, определенная форма познания прежде всего.

Однако, как намечаемое определение значения слова оправдается при его приложении к русалкам, марсианцам и пр.? Здесь, как уже говорилось, нет речи о связи звучания с какими-либо реальными предметами или явлениями. Здесь нет и такого отображения действительности, как в случаях, о которых только что шла речь. Между тем слова *русалка*, *домовой*, *фавн*, *марсианец* и пр. имеют достаточно определенные значения. Следовательно, значение слова есть нечто более широкое, чем отображение предмета или явления в том смысле, в каком это имелось в виду на предыдущих страницах. Под значением слова следует, таким образом, понимать не только отображения предметов и явлений, связанные с определенным звучанием, но и аналогичные по своему структурному характеру, хотя генетически и гносеологически существенно отличные психические явления, представляющие собой известные конструкции из отображений разнообразных элементов действительности, не существующих в данных комбинациях, т. е. в тех комбинациях, в которых они представлены в этих психических конструкциях. Итак, мы имеем два таких случая:

Первый, основной: звучание — значение — предмет (явление) и пр.

Второй, производный: звучание — значение —

Звучание и значение всегда идут вместе, и без соединения того и другого нет слова, тогда как значение и предмет или явление не находятся вместе во всех случаях, хотя вообще их соединение друг с другом и характеризует основной случай, и самое существование другого, производного случая (без «предметного» звена) обусловлено существованием первого, основного.

Далее, необходимо вспомнить, что и в случае существования предмета или явления, обозначаемого данным словом, такой предмет или явление не обязательно имеется налицо при употреблении слова. Но значение слова должно действительно иметься при его употреблении. Ведь если кто-нибудь сказал русское слово *нос*, то это не значит, что он тем самым сказал и французское *nose* «свадьба». И наоборот, говоря по-французски даже с дурным произношением и произнося французское *nose* как русское *нос*, он все же скажет французское, а не русское слово, если он будет иметь в виду французский язык и значение «свадьба». Если кто-нибудь говорит *три ключа*, то он не употребляет одновременно два омонима: *ключ* — «инструмент для отпирания и запираания» и *ключ* — «родник, источник». По этому поводу необходимо вообще сказать несколько слов о «существовании» и «употреблении» слова.

Слово существует в употреблении. Оно может употребляться чаще или реже, большим или меньшим числом говорящих на данном языке. Если же слово перестает употребляться совсем, то оно умирает, перестает существовать.

Язык — явление общественное. Понятно поэтому, что для того, чтобы слово действительно существовало в языке, употребление слова должно быть общественным. Общественное употребление слова — это прежде всего употребление его в общении, т. е. в реальном, материальном его звучании. Поэтому подлинное существование слова — в звучащей речи. Реальные звуки нельзя считать только своего рода добавленным к слову, существующему в сознании говорящих, только формой воплощения слова, реализацией соответствующего ему «звукопредставления». Реальные, физические звуки — это подлинная, «природная материя языка»,

в которой язык прежде всего и по-настоящему существует; превращение языка Бодуэном де Куртенэ в «языковое мышление» или де Соссюром в существующую «в мозгу» систему знаков, оба элемента которых (смысл и акустический образ) «в равной мере психичны», являются идеалистическим искажением действительности.

Конечно, поскольку мы можем мыслить молча, на базе «внутренней речи»¹, постольку язык в известном смысле существует и без реально звучащих звуков. Но только «в известном смысле»: такое существование языка вторично, оно обусловлено его существованием в общении, где он действительно звучит. Во «внутренней речи» мы имеем, собственно, только отображение «природной материи языка»: не «внешняя», т. е. настоящая, звучащая речь есть форма, в которой «реализуются звукопредставления», соответствующие отдельным словам, а наоборот, «внутренняя речь» есть такая форма, в которой реальные, физические звучания «замениются» их представлениями, их отображениями в сознании.

Звучание слова — в нормальном, т. е. основном случае, когда язык не осложнен применением дополнительных средств, таких, как письмо, — необходимо для осуществления общения, но оно недостаточно для того, чтобы применение слова действительно осуществилось. Необходимо, чтобы через посредство звучания то, что имелось в сознании одного человека, вошло в сознание другого человека, чтобы мысль одного стала известной другому. Для этого необходимо, чтобы звучание сопровождалось значением причем оно должно сопровождаться значением и в сознании говорящего, и в сознании слушающего, и значение это должно быть, по крайней мере в основном, для того и другого одним и тем же. Именно в таком случае мы будем иметь дело с основным и полным употреблением слова, а следовательно, и с действительным существованием его.

Если слово действительно существует в языке, то оно достаточно регулярно употребляется в процессе общения. То, что слово кроме того применяется и не в этой функции, — например, когда человек поет один в лесу или в поле, — или применяется, по замыслу говорящего, в этой функции, но неудачно², не меняет существа дела: в общем существование слова в языке оказывается достаточно обеспеченным и несомненным, и отдельные случаи его неполного существования не меняют характера его существования в целом как единицы в системе языка.

В общение посредством языка могут включаться различные осложняющие и развивающие его моменты. Наиболее важным из таких моментов, повидимому, является письмо. Написанное, но не прочтенное слово подобно сказанному, но не услышанному. Однако здесь та существенная разница, что не услышанное слово уже явно не выполнило своей коммуникативной функции: оно в данном случае умерло и может возродиться только в новом случае его применения; написанное же слово, даже если оно и не прочитано, нельзя признать умершим, т. е. явно не

¹ См. П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 50—52.

² Так, например, слово может быть услышано, но не понято. В таких случаях существование слова не совсем полно, так как слово не выполнило своей основной функции. Может быть и так: сказано одно слово, с одним значением, а понято совсем другое, с другим значением. Очевидно, что в таком случае мы имеем дело с двумя словами: одно выступило со своим реальным, физическим звучанием (связанным с определенным значением), но это звучание не вызвало в сознании слушателя того значения, которое имелось в сознании говорящего; это звучание вызвало в памяти слушателя другое слово, с другим значением. Так, если кто-то сказал *ключ*, имея в виду родник, а другой понял, что речь идет не о роднике, а об инструменте, то в этом недоразумении участвовали два слова, но оба существовали не совсем полно.

сыгравшим коммуникативной роли: оно скорее находится как бы в состоянии анабиоза. Прочтение написанного слова остается принципиально возможным, а его прочтение есть его оживление, и притом не возрождение в новом случае употребления, а продолжение того, что было начато при написании слова. Фонограф и его потомки, радио, звуковое кино и пр. также дополняют существование слова новыми возможностями.

Ко всему этому важно добавить следующее. Значение слова оказывается одинаково связанным и с действительным звучанием слова, и с отображением этого звучания в сознании, и оно является одним и тем же в обоих случаях. Благодаря этому психическое отображение звучания слова в известных случаях может функционально заменять реальное его звучание, и различие между тем и другим имеет поэтому специфический, как бы подвижный характер. В самом деле: нет надобности мыслить вслух. Даже лучше мыслить «про себя», на базе языкового материала, при помощи слов и грамматических построений, но пользуясь ими не в реальном, физическом их звучании, а в их отображениях в сознании. Но внутренняя речь, с ее отображениями звучаний вместо самих звучаний, есть все же явление вторичное по отношению к настоящей, «внешней», звучащей речи. С другой стороны, изобретение письма позволило даже общение посредством языка осуществлять без реального произнесения слов, заменив звуковую материю материей видимой, графической. При всем том не надо забывать, что звучание остается основной «природной материей» языка.

Вместе с тем — на основе одинакового отношения к значению и на основе выполнения отчасти одинаковой роли — звучание слова и представление этого звучания, т. е. его отображение в сознании, связываются друг с другом особо, не так, как другие явления и их отображения. Я могу представить себе, что пью воду, но это представление не утолит жажды; но представив себе звучание слова, не произнося его, я могу удовлетворить свою потребность помыслить, осознать нечто так же хорошо, как если бы я действительно произнес соответствующее слово. Далее: звучание слова производится органами речи, которые приводятся в движение произвольно. Это вносит еще один дополнительный момент в специфику отношений между звучанием слова и представлением этого звучания: звучание начинает восприниматься как нечто производное, как «реализация звукопредставления». Действительно, каждое отдельное произнесение слова является актом, обусловленным наличием в сознании отображения звучания этого слова: нельзя произнести слова, если нет в сознании отпечатка его звучания. Но такое правильное наблюдение превращается в неправильное понимание действительности, если при этом забывается, что «представление» звучания слова возникло на основе действительного воздействия физического звучания на мозг человека и тем самым на его сознание и что без звучания вообще не могло бы развиться общение, обмен мыслями, а вместе с тем и самое сознание, самое мышление.

Итак, основной, первичной является связь значения с реальным звучанием слова, а связь значения с «звуковым образом слова» является уже вторичной — в том смысле, что сам «звуковой образ слова» есть лишь отображение в сознании реального физического звучания слова.

Все изложенное относительно существования и употребления слова должно было дополнительно осветить взаимоотношение между звучанием и значением слова и показать, как связывается с тем и другим звуковой образ слова. Для дальнейшего особенно важно обратить внимание именно на то, что значение слова своей связью с реальным зву-

чанием и с его отображением в сознании создает как бы вторую связь между тем и другим и придает звуковому образу слова, так сказать, больший функциональный вес, чем тот, который обычно свойствен отображению какого-либо явления в сознании. Благодаря этому значение слова оказывается не просто «связанным» с его звучанием (и со звуковым образом), но как бы «внедряющимся» в самую структуру слова.

Рассматривая вопрос о том, принадлежит ли значение слова к составу самого слова или является чем-то внешним по отношению к нему, следует остановиться и на самом характере связи между звучанием и значением. Фактом является то, что эта связь — в принципе условная, произвольная, не определяемая природой самих звуков и характером значения¹. Условность этой связи есть, конечно, условность с точки зрения природы самих явлений, с их физиологической и логико-психологической стороны. Со стороны общественно-исторической в каждый данный момент существования языка эта связь оказывается обусловленной предшествующей историей языка; для каждого поколения в данном обществе связь между звучанием и значением обычно определена тем, что эта связь фактически дана в речи предшествующего поколения.

Вместе с тем условность этой связи в отношении природы самих явлений имеет огромное значение для функционирования и развития языка. Для проблемы отношения слова и его значения принципиальная условность связи между звучанием и значением слова особенно важна, в частности, потому, что эта условность делает данную связь исключительно тесной и непосредственной. Это может показаться парадоксальным, но это так, и вот почему.

Именно вследствие условности рассматриваемой связи нельзя полагаться на то, что нечто в звучании слова укажет нам, с каким значением это звучание связывается в данном языке, и нельзя полагаться на то, что мы найдем в значении слова что-либо такое, что укажет на связанные с этим значением звуки. Поэтому необходимо усвоить звучание вместе со значением как целый комплекс, как нечто неразрывное: ведь стоит только разрушить этот комплекс — и восстановить его окажется невозможным: ни та, ни другая его часть не имеют в себе ничего, что само по себе указывало бы на ее соединение с другой из этих частей. Поэтому-то связь звучания со значением должна усваиваться исключительно прочно и крепко удерживаться в сознании. То же, разумеется, относится и к связи звукового образа слова и значения слова. Таким образом, получается такое соединение звучания и звукового образа слова с его значением, которое вызывает в сознании говорящих впечатление естественности, своего рода аксиоматичности соответствующей связи и которое практически необходимо для беспрепятственного функционирования языка и в виде «внешней» речи в процессе общения, и в виде внутренней речи в процессе «молчаливого» мышления.

Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможно свободное развитие языка. Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе — на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может

¹ Марровцы объявляли признание этого положения идеалистической «знаковой теорией», не понимая того, что речь здесь идет не об отношении между предметом и понятием о нем — отношении, которое действительно не может быть признано условной и произвольной связью, так как оно основано на отражении предмета в сознании, на «снятии слепка» с него.

существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих принципов.

Принцип мотивированности связи между звучанием и значением проявляется не в звукоподражательных и квазизвукоподражательных образованиях. Эти особые частные случаи не заслуживают того, чтобы задерживать на них внимание; о них достаточно писалось. Принцип мотивированности заключается в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений; и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих им звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи мотивируется тем, какие значения выражаются в этом отрезке речи, а выделение в общем, совокупном значении такого отрезка отдельных составляющих его значений мотивируется тем, какие связанные со значением отдельные звучания выделены в звучании всего отрезка. Так, например, звучание отрезка речи *в-а-г-о-н-м-е-т-р-о*¹ не представляется лишь условно связанным с определенным значением: то, что это звучание состоит из таких частей, как *в-а-г-о-н* и *м-е-т-р-о*, мотивировано тем, что значение, связанное с этим звучанием, — сложное, заключающее в себе рационально соединенные значения. Вместе с тем сама сложность совокупного значения отрезка и выделение в нем двух составляющих значений представляются обусловленными тем, что в звучании отрезка имеются такие компоненты, как *в-а-г-о-н* и *м-е-т-р-о*. Но на этом мотивированность и кончается: связь между этими компонентами данного звукового отрезка и соответствующими им значениями выступает уже как условная, не мотивированная.

Итак, принцип условности относится к простым, неразложимым единицам; по существу, полностью — к морфемам. В сложных образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с принципом условности, поскольку в сложные образования входят простые единицы. Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи; как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Ср. *пароход*: мотивированность здесь, конечно, есть, но она очень относительна, даже если и отвлечься от условности связи значения и звучания в отдельных компонентах; в самом деле, почему *пароход* не годится, например, для обозначения паровоза, который ведь тоже «ходит паром»? Всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании (в словосочетании, в сложном или производном слове, в грамматической форме слова) ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на нет.

Из всего, о чем говорилось выше, следует то, что связь между звучанием (звуковым образом) и значением слова является столь тесной и прочной, столь важной для самого существования и полноценного функционирования слова, что ее никак нельзя рассматривать как связь между чем-то входящим в состав самого слова и чем-то вне его. Если исключить значение из структуры, из состава слова, то внешней делается (по отношению к слову) и та «вторая» связь между реальным звучанием слова и звуковым образом слова, которая идет через значение. Между тем без понимания этой «второй» связи оказывается непонятным и то специфическое, что мы наблюдаем в отношении между реальным звучанием и его психическим отображением — звуковым образом слова. Наконец, принцип условности связи звучания и значения особенно на-

¹ Соединение отдельных букв через дефис показывает, что имеется в виду цепь звуков — в отвлечении от значения.

стоятельно требует неразрывного объединения того и другого в самом составе слова.

Итак, значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова.

В заключение необходимо сделать еще одно замечание. Как известно, в словарном составе различных, вероятно, даже всех языков имеется некоторое число слов, отличающихся от других тем, что они употребляются вне связи с другими словами, будучи непосредственным выражением чувств, волевых побуждений, реакций на какое-либо явление, в частности — на высказывание собеседника, на его предложение или вопрос. Такие слова в большей или меньшей степени носят «междометный» характер и, при некотором расширении понятия «междометие», могут быть названы междометиями. Все относимые сюда слова, естественно, объединяются в один разряд не столько по характеру их содержания, сколько по тому, как это содержание осознается: оно не осмысливается, не анализируется, а непосредственно выражается¹, не будучи, так сказать, пропущенным через мышление. Что же касается самого характера содержания, то здесь существенно только то, чтобы это было какое-либо переживание.

Переживание, выражаемое междометным словом, обычно рассматривается как значение этого слова. Поскольку подобное переживание выражается словом в общем подобно тому, как выражается значение в установленном выше смысле, постольку объединение того и другого под одним термином может быть оправдано. Кроме того, и то и другое так или иначе представляют собой известные явления сознания — в широком смысле слова — и выступают как «внутренняя» сторона слова. Учитывая все это, следует расширить понятие значения слова и подвести под него и то, что выражается междометными словами.

¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 745.

А. М. БАБКИН

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Создание толкового словаря того или иного национального языка — сложная и ответственная исследовательская работа, теория и техника которой далеко еще не осмыслены научно. Потребность в усовершенствовании этой работы ощущается тем острее, чем больше создается словарей разных национальных языков Советского Союза и чем большее количество работников начинает заниматься этим делом.

Характерной чертой традиционной лексикографии является более или менее усердное использование предшествующих словарей, в лучшем случае — с критическим отношением к ним в меру эрудиции составителей. Отсюда — перенесение из словаря в словарь устарелых слов и значений, отставание в регистрации новых слов, даже целых разрядов их, новых значений, оттенков в значениях или новых типических употреблений. Не свободны от этих недостатков даже такие капитальные лексикографические труды, как академические словари. Показательна в этом отношении судьба слов *абл* и *аблнный*. Введенные в словник первым академическим словарем XVIII века, они переносились из словаря в словарь и дожили (конечно, только в словаре) до наших дней, попав на страницы I тома Словаря АН СССР, вышедшего в 1948 году. Академический словарь 1789 года дает такое определение: «Аба, бы. с. ж. Тур[ецкое], употребляемое в сопредельных Турции Российских областях, означающее белое толстое сукно»¹. В современном академическом словаре² это слово определяется так: «Обл. В русских областях, сопредельных с Турцией, — толстое белое сукно». Так из словаря в словарь кочевало это слово, хотя ни словари, ни картотека³ не могут предложить для него никаких оправдательных примеров.

С другой стороны, в словарях не редки пропуски широко употребительных слов. Так, весьма обширный по словнику «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года⁴ далеко не отражает словарного состава русского литературного языка середины XIX в. Тщетно было бы на его страницах искать весьма распространенные в журнальных и научно-популярных статьях (употребленные, например, в статье В. Г. Белинского «Литературные мечтания») слова: *воспроизвести*, *воспроизводство*, *всепоглощающий*, *кругозор*, *наблюдательность*, *перечувствовать*, *подвижничество*, *разнохарактерный*, *самосовершенство*—

¹ «Словарь Академии российской», ч. I, СПб., 1789, стр. 2.

² «Словарь современного русского литературного языка», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 11.

³ Здесь и ниже имеется в виду обширная картотека «Словаря современного русского литературного языка АН СССР», составляющаяся уже около семидесяти лет. Однако и она далеко не всегда способна обеспечить составителей словарей надежными и достаточными материалами.

⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. наук», т. I, СПб., 1847.

вание и т. п. Статья Белинского опубликована за четырнадцать лет до выхода Академического словаря; в этом случае «отставание от жизни» словаря может быть объяснено нежеланием отразить лексику передовой публицистики.

Любой словарь устаревает. Это неизбежно в силу непрерывного изменения лексического состава живого языка. Бурное хозяйственное и культурное развитие, характеризующее нашу эпоху, особенно заметно скажется на обогащении лексического состава национальных языков Советского Союза. Новые издания словарей становятся насущной потребностью жизни. Но такие издания по-настоящему оправдывают себя только тогда, когда собирание и систематизация лексических материалов идет непрерывно и позволяет значительно совершенствовать качество словаря и углублять его содержание. Создание словарной картотеки — необходимая предпосылка всякой лексикографической работы, определяющая качество, а часто и самую возможность ее.

Приведение в известность лексического состава языка путем картографирования обеспечивает базу выработки словника, который никоим образом не может опираться только на словники предшествующих словарей. Убедительное решение вопроса о включении или невключении в словарь того или иного слова всегда будет зависеть от наличия материалов. Нет нужды включать в словник слова-однодневки, так же как и злоупотреблять помещением слов устарелых. Наличие одних производных слов при отсутствии других внутри того же самого словаря не всегда кажется убедительным. Особо осложняется проблема словника в условиях большой подвижности лексического состава языка. Словарный состав русского языка, например, продолжает расти и обогащаться необъятно. Это отражается и в современной беллетристике, и в деловых жанрах русской речи. Естественно наряду с этим и выпадение из словарного состава известного количества слов устарелых, не отвечающих потребностям жизни.

Критическое обозрение даже наиболее удачных словарей показывает, что самой уязвимой, самой слабой оказывается та часть в словаре, которая меньше всего опирается на фактический материал живого словоупотребления. Это в равной мере относится как к словарям толковым, так и к переводным, двуязычным.

В 1952 г. в Праге вышел I том «Большого русско-чешского словаря»¹. Это весьма серьезное лексикографическое предприятие обещает быть значительным фактом в практике составления двуязычных словарей. Появление словаря, несомненно, обогатит методы составления переводных словарей удачным решением некоторых вопросов. Что касается словника этого словаря в русской части, то на нем как раз легко показать необходимость обращения к новым материалам и ограничивающее влияние устарелых источников. Русский словник словаря чрезвычайно обширен. Сравнение его по буквам «ж» и «з» со словником издаваемого сейчас Академией наук IV тома «Словаря современного русского литературного языка» показывает, что Русско-чешский словарь идет значительно дальше. Но это расширение словника часто ведет к включению таких слов, которые, по выражению Л. В. Щербы, «не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения»². Так, в словарь

¹ «Velký rusko-český slovník», za ved. L. Kopeckého, B. Havránka, K. Horálka [Тит. л. паралл. — на чешском и русском языках], Praha: díl I (A — Ъ) — Naklad-vi Československo-sovětského institutu, 1952; díl II (K — O) — Naklad-vi Československé Akademie věd, 1953.

² Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР», 1940, № 3, стр. 100.

	Словарь 1847 г.	Словарь Даля	Словарь под ред. Шахматова	Словарь под ред. Ушакова	Словарь Ожегова
Жухнуть:	О масляных красках в живописи: терять свежесть цвета; тускнеть.	говор. о масляных красках, лаке, полировочной вещи: тускнеть, померкнуть, терять вид, лоск. <i>Картина вся за-жудла и почерчала. По-коже и пр. коряветь, скорузануть.</i>	1. Тускнуть, терять блеск (о красках, лаке и т. п.). <i>Краска жудлет скоро.</i> 2. Коряветь, скорузануть (о коже и т. п.)	(обл. и слеп.) 1. Высыхая, тускнеть (о масляных красках). 2. Высыхая, становиться жестким (о краске, коже).	Спец. Высыхая, тускнеть, становиться жестким (о краске, коже).
Жухлый; жухл, а, о.	Слова нет.	Слова нет.	Слова нет.	(обл. и слеп.) Ставший тусклым или жестким от высыхания (о коже, краске).	Спец. Тусклый (о краске), жесткий (о коже).
Жухлость:	Слова нет.	Слова нет.	Слова нет.	(обл. и слеп.) Отвлеч.сущ. к жухлый. <i>Ж. красок.</i>	Слово есть.

неоправданно включены диалектизмы: *жадовать* «жадничать, быть алчным»; *жалковать* «сожалеть, скорбеть»; *желаннык* «добрый, радужный человек»; *жердёл*, а, м., *жердэле*, нескл. ср., *жердэль*, и, ж. «абрикос, курага». Последние три слова во 2-м выпуске II тома Словаря под ред. Шахматова характеризуются как областные, донские. В Русско-чешском словаре они сопровождаются примером из Шолохова: «Над хутором оранжевым жердолом выревало солнце». Однако включение этих слов в словарь, который вообще на областные слова не ориентируется, остается неоправданным: для современного русского языка эти слова, несомненно, остаются за пределами норм литературного словоупотребления. Равным образом, остается неоправданным в этом же словаре регистрирование слова *зацепа* «земля для крестьянина» на правах «фигурального», переносного употребления. Это словоупотребление приравнивается к таким, как *утро жизни, заря юности*, в то время как в 8-м выпуске II тома академического словаря шахматовской редакции оно отмечается на основании единственной цитаты из рассказа Горького «Мальва»: «Они [мужики] ноют и притворяются, но жить могут: у них есть зацепа — земля; а я что против них? — Я мещанин».

Отсутствие надежных материалов у составителя словаря лишает его возможности установить, насколько индивидуально то или иное словоупотребление, насколько преходяще то или иное пользование словом, и приводит к невозможности отыскать границу между значением слова и типическим или даже частным фактом его употребления. С другой стороны, под влиянием наличных (иногда новых) материалов становится возможным расширить характеристику слова в словаре. Любопытно с этой стороны рас-

смотреть слова: *жухнуть*, *жухлый*, *жухлость* и сравнить данные словарей (см. табл. на стр. 92).

Четвертый том Словаря Академии наук СССР, находящийся в печати, под влиянием нового материала имеет возможность несколько иначе толковать значения этих слов и характеризовать их стилистически. Во-первых, семантическая емкость их, как показывает материал, значительно увеличилась: и глагол, и прилагательное определяют не только качество кожи и красок. Во-вторых, область распространения и пользования этими словами гораздо шире, чем специальное употребление, что отмечает Словарь под ред. Д. Н. Ушакова и Словарь, составленный С. И. Ожеговым.

Словарная статья на слово *жухнуть* в IV томе Словаря Академии наук СССР составлена так: 1. Утрачивать свежесть, яркость. О траве, листьях и т. п. *В засушливое лето они [деревья] стали подсыхать, листья жухнуть*. Первенцев, Испытание. *Лист посереде лета жухнет и спадает, конешень корешок, а он уже весь сморщился*. Паустовский, Рождение моря. *У людей мрачают лица, люди говорят: Жухнет просо и пшеница... Ячменя горят... Н. Грибачев, Дубок. // О красках, тонах и т. п. То, что в прокуренных комнатах представлялось ярким и чистым, на воздухе непонятным образом жухло, покрывалось мутным налетом*. Паустовский, Исаак Левитан. 2. Простореч. Становиться жестким, заскорузлым. О коже. *Овчина жухнет*.

Слово *жухлый* в том же словаре подается так: 1. Утративший свежесть, яркость. О траве, листьях и т. п. *Краткий весенний день таял в бледном небе, тихо качался прошлогодний жухлый бурьян*. М. Горький, Жизнь М. Кожемякина. *По одну сторону дороги дороги широким размахом простиралась язь, по другую — ...жухлая, совсем бесцветная стерня*. Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды. *Бежали два вальдшнепа, окраскою своих спинок сливавшиеся с тоном дорожки и окаймляющей ее жухлой жесткой травой*. Соколов-Микитов, Ленкорань. *Птичий берег. // О снеге, льде. Партизаны должны быть где-то здесь, поблизости! Ведь это их ногами истоптан жухлый снег в кустах и вокруг деревьев*. Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке. *А вода ревет в теснине, Жухлый лед в куски крошит*. Твардовский, Василий Теркин. // О красках, тонах. *Жухлые краски. Жухлые цвета*. 2. Простореч. Жесткий, заскорузлый. О коже.

Первый словарь русского языка, зарегистрировавший слово *жухнуть*, — это вышедший в 1834 г. Словарь П. Соколова¹. Ровно через сто лет Словарь под ред. Д. Н. Ушакова регистрирует слова *жухлый* и *жухлость*, но как полуобластные, полуспециальные. Цитатный материал, приведенный в IV томе Академического словаря, и наличный материал карточки² показывает вовлечение этих слов в лексический состав современного литературного языка и необходимость снятия при них помет «областное» (кстати, уже правильно отвергнутой Словарем Ожегова) и «специальное».

Раскрытие системы значений и типических употреблений слова — одна из основных задач толкового словаря. От ошибок и недочетов здесь может предупредить только непрерывное накопление и изучение материалов живого словоупотребления.

К интересным выводам приводит наблюдение за характеристикой в русских словарях глагола *запрокидывать* — *запрокинуть*. Так, Словарь 1847 г. дает определение: «наклонять назад», сопровождаемое ре-

¹ «Общий церковно-славяно-русский словарь», сост. П. С[околовым], ч. I, СПб., 1834, стр. 784.

² В Академической картотеке на слово *жухлый* в 1-ом значении имеется 20 цитат из современных писателей: Горького, Федина, Горбатова, Фадеева, Авдеева, Караваевой, Первенцева, Гладкова, Шипкова, Кожевникова, Поповкина, Медынского, Софронова, Бахметьева и др.; на 2-ое значение нет ни одной цитаты.

чением: *запрокинуть голову*. Определение Словаря под ред. Ушакова: «(разг.) Откинуть назад. *Он захохотал, запрокинув голову*». В 6-ом выпуске II тома Академического словаря под ред. Шахматова, где, как известно, дается широкий доступ областному материалу, в этом глаголе выделяются два значения: 1. Откидывать назад, нагибать, наклонять, которое иллюстрируется литературными цитатами из Левитова и Григоровича, и 2. Опрокидывать что-нибудь (областное). Словарь под ред. Ушакова, использовавший выпуски Академического словаря под ред. Шахматова, не внес второго значения, считая его находящимся за пределами литературного языка. В настоящее время картотека Академического словаря располагает достаточными литературными материалами, чтобы подтвердить и второе значение: оно встречается у современных писателей. *«Мужики, верхом на устало шагавших лошадях, с запрокинутыми сохами возвращались с пахоты»*. Вересаев, Поветрие. *«Нам пить в грядущем все соки земли, как чашу, мир запр...»* Маяковский.

За что боролись? *«Лиза цедила остатки кумыса, неудобно запрокидывая стакан отодвинутой рукой, будто стараясь заслониться локтем»*. Федин, Первые радости. Следовательно, хотя бы с пометой «просторечное» или «разговорное», это значение должно быть отмечено современным словарем. Старое довольно узкое значение глагола *запрокидывать* «откидывать назад» перестает осознаваться. Так, у Маркова в романе «Строговы» читаем: «Дед Фишка долго сидел, курил трубку, прислушивался. Но потом он запрокинул голову на чурбак и захрапел так громко, что собаки подняли морды и осмотрелись». У Кетлинской в книге «Мужество»: «На снегу, раскинув руки в обледенелых рукавицах, лежало запрокинутое назад неподвижное тело». Два последних примера, очевидно, выходят за пределы нормативного словоупотребления.

Непрерывный рост культурных запросов самых широких слоев населения нашей страны ставит перед языковедами задачи борьбы за культуру языка. Все чаще и чаще раздаются голоса писателей, призывающие к бережному, правильному пользованию словом, осуждающие речевую небрежность и безответственность, порчу и искажения литературного языка. К. Паустовский в статье «Поэзия прозы» пишет: «Нужно беспощадно бороться с обеднением языка, со всеми этими „засъемками“, „зачитываниями докладов“, „уцененными товарами“, „промтоварными точками“ (а быть может, запятыми?), с „рыбoproдуктами“ вместо простой и честной рыбы... Мы сталкиваемся с этой вывихнутой речью не только в учреждениях и на вывесках (вот примеры: „Скупка вещей от населения“). Типичный южный жаргон, где говорят: „Я купил от него пальто“...); много искаженных, испорченных слов проникает в газеты и даже в художественную литературу¹. Борьба за культуру речи делает необходимым для словаря введение стилистической характеристики слова. Стремление стилистически характеризовать слово присуще в той или иной степени почти всем русским словарям², но только Словарь под ред. Уша-

¹ К. Паустовский, Поэзия прозы, «Знамя», 1953, кн. 9, стр. 175.

² Ближайший к нам по времени незавершенный Академический словарь под ред. А. А. Шахматова не ставил перед собой широкой задачи стилистически-нормативно оценить словарный состав русского языка. Как известно, акад. А. А. Шахматову была вовсе чужда нормативная точка зрения на словарь, что и нашло свое выражение в его заметке «Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана», где он пишет, что академическая редакция Словаря «...не решается заговорить в нем авторитетным языком школьных учебников, предоставляя это практическим руководителям...» («Сборник Отд-ния русск. языка и словесности Имп. Акад. наук», т. LXVII, № 1. СПб., 1899, стр. 33). Тем не менее и перед Шахматовым вставала задача выделения областных слов; но сама попытка отнесения слова к тому или иному разряду представлялась ему крайне затруднительной, так что Шахматов в последующих выпусках Словаря совсем отказался от такой задачи.

кова делает это последовательно. Однако система стилистических помет этого словаря в настоящее время в значительной мере устарела. Несомненно, что стилистическая дифференциация лексики современного русского языка — трудное дело, и удовлетворительные результаты ее возможны лишь при наличии обширных и постоянно пополняемых материалов.

Остановлюсь на показательном примере со словом *искатель*. В Словаре под ред. Ушакова слово это характеризуется как книжное и определяется (в первом значении) так: «человек, занятый поисками чего-нибудь». Определение сопровождается речением *Искатель жемчуга* и фразеологизмом, который толкуется особо — *Искатель приключений*. Словарь, составленный С. И. Ожеговым, меняет стилистическую характеристику слова *искатель*: вместо пометы «книжн.» появляется помета «устар. и ирон.». Иллюстрирующие речения *Искатель жемчуга*, *Искатель легкого успеха*, *Искатель приключений*. Признание слова *искатель* устарелым сразу кажется неубедительным, а рекомендация ограниченного пользования им неоправданной. Картотека Академического словаря регистрирует весьма широкое употребление этого слова современными писателями и в прозе, и в стихах, иронического же употребления не отмечается вовсе. Таким образом, однотомный словарь, который вообще отличается большой сдержанностью и чувством такта в своих стилистических рекомендациях, располагая ограниченным материалом, невольно уклонился от правильной стилистической характеристики слова *искатель*. Нередко совершает такие же промахи и современный Академический словарь, когда он не может опереться на достаточно убедительный материал.

Трудно переоценить значение литературных цитат для создания голковых словарей. Они необходимы не только как материал, на основании которого ведется семантическая разработка слова, выявляется его стилистическая характеристика, устанавливаются возможности свободных и несвободных сочетаний. Литературная цитата является не только вспомогательным материалом. Показательные цитаты вводятся в текст словарной статьи и там не менее важны, чем определение значения слова или стилистическая помета при нем, так как они подкрепляют толкование и оправдывают стилистическую квалификацию слова в словаре. Но для выполнения этих задач литературные цитаты должны обладать необходимыми качествами. Литературная цитата может быть хороша по-разному. В помощь определению значения слова хороши цитаты, раскрывающие значение слова.

Так, например, для слова *бурундук* уместна цитата из Арсеньева: «...Я увидел бурундука. Эта пестренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бежала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве» («В дебрях Уссурийского края»). Для слова *чужейдный* хороша цитата из К. А. Тимирязева: «Чужейдные растения, присасываясь к стеблям и корням других растений, питаются на их счет: такова, например, заразиха, появляющаяся на корнях конопля» («Жизнь растений»).

По-иному хороши цитаты на слова *лядащий* и *затуркать* из Тургенева и Чехова. «От него отказались, как от человека ни на какую работу не годного — лядащего, как говорится у нас в Орле» («Ермолай и мельничиха»). «У меня подвалило столько дел чисто личного свойства, так меня, выражаясь по-тагапрогски, затуркали, что приходилось все это время не писать, а только отписываться» (Письмо П. Ф. Иорданову, 11 декабря 1899 г.). Областной характер этих слов подкрепляется авторитетными свидетельствами Тургенева и Чехова.

Литературная цитата может свидетельствовать об историческом колорите, присущем слову, об отнесенности слова к разговорной речи, к газетно-журнальным жанрам, к образно-поэтической речи и т. п.

История и практика создания толковых словарей русского языка свидетельствует о больших трудностях, которые испытывают редакторы и составители, отбирая для словника и толкуя так называемые специальные слова, т. е. разнообразные научные и технические термины. Больше всего различных промахов обнаруживают словари именно в этой области. И это естественно, так как, с одной стороны, ни одна редакция не может иметь в своем составе необходимое количество специалистов по многочисленным областям знаний и техники, которых касаются общие словари, а с другой стороны — весьма трудно иметь консультантов, правильно понимающих задачи филологического словаря и отграничивающих эти задачи от задач словаря энциклопедического. Поэтому понятна большая роль надежных материалов, извлекаемых в первую очередь из научных и научно-популярных текстов, принадлежащих классикам науки и ее выдающимся представителям. Для этой цели особенно полезны популярные очерки и книги, обращенные к широким кругам читателей не-специалистов¹. Такие научно-популярные работы, как «Жизнь растений» К. А. Тимирязева, «Из царства пернатых» Дм. Кайгородова, «Воспоминания о камне» А. Е. Ферсмана, «Глаз и солнце» С. И. Вавилова, «Воспоминания металлурга» А. А. Павлова, произведения замечательного русского путешественника, советского исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева и другие подобные тексты дают надежную характеристику соответствующих реалий и подсказывают составителю словаря удачные и убедительные определения при толковании терминов. Часто цитаты из подобных источников являются лучшими оправдательными примерами для иллюстрированного толкового словаря.

Акад. А. Е. Ферсман в книге «Очерки по истории камня» пишет: «Окраска является одним из самых важных и характерных признаков камней, в особенности цветных и драгоценных. Определение всех минералов начинается с установления окраски камня»². Само собой разумеется, что это указание выдающегося знатока камня должно быть руководящим для лексикографа в его практике толкования слов — названий камней. Равным образом должны быть использованы и те фактические сведения, которые он сообщает о самоцветах в своей книге.

Интересно привести пример, как обращение к подобного рода источникам может дать повод к внесению поправок в толкования отдельных слов. Остановлюсь на словах *карбункул* и *лал*. Слово *карбункул* в Академическом словаре 1847 г. определяется так: «1. Драгоценный камень венисовой или гранатовой породы». В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова читаем: «1. Драгоценный камень, то же, что красный гранат (мин.)». Словарь, составленный С. И. Ожеговым, поправляет: «Полудрагоценный камень — красный гранат». Акад. Ферсман пишет об этом камне: «...первые (во II в. до н. э. — А. Б.) узнал Запад прекрасный рубин, который вместе с гранатом назывался карбункулом у римлян и антраксом у греков»³.

¹ Ср. мнение акад. И. И. Давыдова: «Для современного языка необходимы писатели современные или близкие к нам по времени, притом по всем родам сочинений... Кроме писателей изящной словесности, нам нужны писатели по различным отраслям науки и искусства в той мере, в какой науки и искусства вошли в народную жизнь и составляют потребность современного общества» («Мнения о новом издании русского словаря...», СПб., 1854, стр. 32—33).

² А. Е. Ферсман, Очерки по истории камня, т. I, М., 1954, стр. 210.

³ Там же, стр. 223.

Слово *лал* в Словаре 1847 г. определяется: «драгоценный камень; рубин, красный яхонт». В Словаре под ред. Ушакова: «(поэт.) Рубин». Акад. Ферсман пишет: «Лал — несомненно красная шпинель, хотя долгое время справочники указывали, что лалом в древней Руси называли рубин. В разных украшениях, относящихся к XIV и XV вв и позднее, название „лал“ применяется также к разным камням, преимущественно красноватых или буровато-красноватых тонов»¹. Итак, в современной минералогической и ювелирной номенклатуре нет ни слова *карбукул*, ни слова *лал*. Реальное употребление их возможно лишь в отношении к давнему прошлому, что, конечно, должно найти свое отражение в современных толковых словарях. Совершенно нецелесообразна потому помета «минер.» в Словаре под ред. Ушакова, правильно снятая в Словаре Ожегова.

Обращение к научным источникам для проверки терминологии других областей знаний дает подобные же результаты и подкрепляет убеждение в необходимости накапливать в картотеке толкового словаря справочный материал по различным областям знаний и техники.

Задача толкового словаря — отразить богатство национального языка и содействовать чистоте его. Качество и богатство словаря непосредственно зависят от тех лексических материалов, которыми пользуется составитель. Первой и важнейшей ступенью в накоплении и систематизации таких материалов является создание научно организованной картотеки.

¹ Там же, стр. 78, ср. стр. 225: «Шпинель под именем лала... вовсе не смешивали с яхонтом».

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Г. С. АХВЛЕДИАНИ

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Многолетний опыт кафедры общего языкознания Тбилисского университета имени Сталина в преподавании истории языкознания¹ с достаточной убедительностью показал, что курс «История языкознания» должен входить в учебный план филологических факультетов в виде самостоятельной дисциплины наряду с прочими языковедческими курсами.

Правда, элементы истории языкознания сообщаются слушателям и в других языковедческих курсах, но ни один из них не дает возможности осветить исторически преемственную связь проблем языкознания и вскрыть их зависимость от социально-политических и культурно-исторических условий жизни того или иного общества, а также от философских систем данной эпохи; ряд важнейших вопросов истории нашей науки не может даже найти себе место в этих языковедческих курсах («Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Сравнительная грамматика родственных языков», «Введение» в славянское, иранское или иберийско-кавказское и т. п. языкознание). Курс «Общее языкознание», казалось бы, мог скорее, чем другие курсы, включить в себя материалы по истории нашей науки. Однако действующая ныне программа этого курса, если даже она и будет разгружена от явно излишнего материала, должна быть расширена и пополнена рядом важнейших тем общезыковедческого характера, но, конечно, не темами по истории нашей науки. Такие же, например, темы, как: мысли о сущности языка и его назначении в религиях и легендах древних культурных народов; зарождение и развитие учения о грамматике в древней Индии и древней Греции; влияние арабской филологии на языкознание в Европе в новые века; деятельность Российской академии наук с начала XVIII в.; борьба русских революционных демократов с идеалистическими течениями в языкознании; грамматическая дискуссия у нас в 20-х годах в связи с вопросами преподавания языка в средней школе и т. п. — могут быть предметом лишь специального курса по истории науки.

С другой стороны, одна и та же языковедческая тема может войти в программу как по общему языкознанию, так и по истории науки, хотя разрабатываться она в этих дисциплинах будет различно. Например, одна из исконных философско-лингвистических проблем — проблема наименования предмета, ставившаяся в науке о языке уже с

¹ Этот курс читался с 1921 г. по 1950 г.; по прилагаемой ниже программе читается после 1950 г.

древнейших времен, может быть включена в оба курса: в курсе «История языкознания» она изучается в историческом разрезе, а в «Общем языкознании» рассматривается теоретически, в связи с учением о языке как системе знаков.

В том и другом курсе должен найти себе место и вопрос о происхождении языка.

В обоих курсах характеризуются также лингвистические направления и школы, концепции и деятельность отдельных крупных лингвистов. Например, младограмматическая школа или труды отдельных ее представителей как на Западе, так и в нашей стране рассматриваются в курсе «Общее языкознание» главным образом в связи с теорией индивидуалистического психологизма, как определенного теоретического направления в языкознании; в курсе же «История языкознания» освещаются конкретные лингвистические вопросы (установление новых закономерностей развития языков, сравнительно-историческое изучение отдельных языков или групп родственных языков и т. п.).

Курс «История языкознания» должен быть построен так же, как курс истории всякой другой науки, в основном, по принципу хронологической последовательности. В него войдет история возникновения и развития общих проблем и методов лингвистического исследования, история отдельных разделов языкознания (грамматики, лексикологии, фонетики), а также история изучения той или иной семьи языков.

По нашему мнению, нет надобности в дифференциации курса по специальностям слушателей, поскольку читаются отдельные введения в славянское, иранское, иберийско-кавказское и т. п. языкознание, где даются подробные сведения по истории данной отрасли науки о языке.

По высказанным выше соображениям курс «История языкознания» должен предшествовать курсу «Общее языкознание»: первая дисциплина читается на III, вторая — на IV курсе. Мы считаем, что на «Историю языкознания» понадобится не менее 70 лекционных часов и не менее 30 часов на практические занятия.

Прилагаемый проект программы, составленный В. Н. Панчвидзе, показывает, как кафедра представляет себе содержание и периодизацию курса «История языкознания».

*

1. Предмет и цель курса «История языкознания». История языкознания с разных точек зрения: а) история развития общих проблем и методологических принципов исследования языка; б) история создания разделов языкознания; в) история изучения отдельных языковых семей.

Основные этапы развития языкознания: донаучное и научное языкознание.

2. Вопросы языка в мифологии и религии первобытных народов. Грамматические представления в религиозных учениях древних культурных народов (египтян, древних евреев, индийцев и др.).

3. Языкознание в древней Индии. Факторы, способствовавшие зарождению и развитию науки о грамматике в древней Индии. Разделы и система индийской грамматики. Панини и его грамматика. Методологические основы индийской грамматической системы. Влияние индийской грамматики на научное языкознание в новое время.

4. Языкознание в древней Греции. Факторы, способствовавшие зарождению и развитию языкознания в древней Греции.

Философское течение. Основная философско-лингвистическая проблема античной Греции: отношение между предметом и его названием. Воззрения на язык досократовских философов. Сократ.

Платон и его «Кратил». Аристотель. Языковедческие вопросы в его философско-грамматической системе. Эпикур и эпикурейцы. Стоики. Этимологические изыскания в древней Греции.

Филологическое течение. Система александрийской грамматики. Аристарх и его учение. Дионисий Фракийский: состав, объем и содержание его грамматики. Методологические основы филологической грамматики. Проблема соотношения между мышлением и речью в языкознании древней Греции. Аполлоний Дискол и зарождение синтаксиса. Синтаксическая система Аполлония школы. Свообразное понимание синтаксиса и основание такого понимания.

5. Высказывания о грамматике мыслителей древнего Рима. Начало влияния греческой грамматики в Риме. Римские грамматики. Марк Теренций Варрон. Труд Варрона «О латинском языке». Состав и содержание этого труда.

«Аналогисты» и «аномалисты» в древней Греции и Риме. Грамматические системы древней Греции и Рима с методологической точки зрения.

6. Учение о грамматике в средневековой Европе: латинская грамматика как основная дисциплина. Грамматики Доната и Присциана.

Принципиальные новшества в грамматике средневековья (новая классификация частей речи, вопрос о синтаксических отношениях и т. п.). Источник своеобразного понимания синтаксических отношений.

7. Учение о грамматике в арабской филологии. Влияние арабской филологии на грамматические построения в новое время.

8. Языкознание в эпоху Возрождения и в новое время — до конца XVIII в.:

а) Начало изучения новых языков в связи с национальным движением; общий грамматический обзор этих языков.

б) Общая, или рациональная, грамматика. Грамматика Пор-Рояля (Арно и Лансло) и ее методологические принципы.

в) Проблема происхождения языка в XVIII в.: Руссо, Кондильяк, Гердер и др.

9. Предпосылки возникновения и развития сравнительно-исторического языкознания. Методологические основы донаучного языкознания; его достижения. Ломоносов о родстве славянских языков. Изучение санскрита и знакомство с древнеиндийской грамматической системой (Кольбрук, Кэр, Вилькинс...). Идея родства санскрита с основными языками Европы (В. Джонс). Романтическое направление в Германии: Ф. Шлегель и его взгляды.

10. Языкознание в XIX и начале XX вв.

Первый период: а) Возникновение и развитие сравнительно-исторического языкознания. Основоположники сравнительно-исторического языкознания: на Западе — Бопп, Гримм, Раск, А. Шлегель, и в России — Востоков, Буславев. Сущность сравнительно-исторического метода и его значение для развития языкознания.

б) Изучение отдельных ветвей индоевропейской семьи языков (греческого и латинского языков, германских, романских, кельтских и других языков). Построение сравнительной грамматики индоевропейских языков.

в) Шлейхер, его общетеоретические воззрения. Натуралистическая теория в языкознании. «Компендий» Шлейхера. Проблема реконструкции «праязыка». М. Мюллер и его теоретические взгляды.

г) Начало этимологических изысканий: Потт, Курциус. Начало и развитие фонетических исследований в связи с этимологическими изысканиями.

Второй период: Младogramматическое направление в языкознании. Новые открытия в области фонетики (законы Вернера и Грасмана) и их значение для развития языкознания. Основные методологические принципы и теоретические воззрения младogramматиков.

Третий период: Социологическое направление в языкознании: де Соссюр, Мейе и др. Основные методологические принципы и теоретические воззрения представителей социологического направления.

11. Применение сравнительно-исторического метода к изучению языков разных систем (семитических, урало-алтайских и др.). Значение исследований в области языков разных систем для развития общего и сравнительного языкознания.

12. Образование и развитие общей (описательной, исторической и экспериментальной) фонетики: Зиверс, Есперсен, Русло, Богородицкий, Щерба. Значение фонетики для развития языкознания. Зарождение и развитие фонологии как нового направления в фонетике. Бодуэн де Куртенэ и Щерба, Трубецкой и его школа.

13. Развитие морфологии и синтаксиса. Основные направления в них. Начало и развитие семасиологии как отдельной дисциплины. Стилистика и развитие ее проблематики в XIX и XX вв.

14. Создание диалектологии как отдельной дисциплины. Неogramматики об изучении живых диалектов. Лингвистическая география, ее методологические принципы. Влияние принципов лингвистической географии на развитие языкознания.

15. Проблемы философии и психологии языка и история языкознания.

16. Современное (XX в.) состояние языкознания. Основные проблемы и разные направления в современном буржуазном языкознании (социологизм, эстетизм, структурализм).

17. Основные этапы развития языкознания в старой России. Общелингвистические идеи Ломоносова, Востокова, Бушлаева, Потемни, Фортунатова, Шахматова, Бодуэна де Куртенэ, Богородицкого, Соболевского и др.

18. История изучения картвельских и кавказских языков в старой России и Европе. Современное состояние изучения картвельских и кавказских языков.

19. Развитие языкознания в Советском Союзе (Щерба, Пешковский, Петерсон, Шор и др.). Марксистско-ленинское учение о языке. Так называемое «новое учение» о языке — яфетидология.

20. Свободная дискуссия в «Правде» по вопросам языкознания и ее значение для истории языкознания.

Работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Язык как специфическое общественное явление. Словарный состав языка. Основной словарный фонд и грамматический строй. Язык и диалекты. Внутренние законы развития языка. Сравнительно-исторический метод и критика четырехэлементного анализа Марра.

21. История развития языкознания в отдельных советских республиках.

А. Ф. ЕФРЕМОВ

О ПРОГРАММЕ И ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»

К программе по теоретическому курсу «Современный русский литературный язык», как и ко всякой иной программе, мы вправе предъявлять требование, чтобы она служила в полной мере руководством к действию, организовывала и направляла всю работу по этой дисциплине. Конечно, трудно составить программу, которая была бы во всех отношениях вполне приемлемой и не изменялась на протяжении многих лет. Изучение вопросов языка расширяется и углубляется. Меняются взгляды на характер программы и ее объем. Это, естественно, вызывает и изменение самой программы.

Чтобы программа выполняла свою роль и была подлинным руководством к действию, она должна охватывать все основные вопросы современного русского языка, глубокое освещение которых необходимо с точки зрения и научно-теоретической, и школьно-практической. Вторая точка зрения не менее важна, чем первая: филологические факультеты пединститутов и университетов — не исследовательские учреждения, а педагогические, готовящие, в основном, учителей, вооруженных глубокими знаниями по своей специальности и владеющих методическими приемами, необходимыми для работы в средней школе. Программа по современному русскому языку и по широте охвата вопросов, и по глубине их разработки должна быть единой для пединститутов и университетов.

Нет надобности детализировать в программе все теоретические вопросы. Детализация может связать научного работника, лишив его инициативы, которая необходима и при наличии твердо установленной программы. Не выходя за рамки отведенного времени, он может по-своему разработать отдельные темы. Но некоторые разделы и темы программы должны быть изложены детально, а именно такие, которые мало изучены, например фразеология. Лучше было бы выделить фразеологию в самостоятельный раздел, четко определив все темы этого раздела. Можно думать, что подобное выделение будет стимулировать читающих курс «Современный русский литературный язык» к дальнейшей, более глубокой разработке фразеологии.

В целях устранения дублирования, имеющего место в языковедческих программах, было бы хорошо предварительно согласовывать проекты программ всех языковедческих дисциплин, а потом уже утверждать их. Особенно это надо иметь в виду в отношении программы по курсу «Введение в языкознание». Данный курс не имеет четких, определенных границ, и составители программы всегда бывают склонны ее расширять, главным образом за счет сведений по современному русскому языку. В результате программа курса «Введение в языкознание толкает на путь поверхностного ознакомления с некоторыми важными проблемами, а соответствующий материал по курсу «Современный русский язык» теряет, таким образом, остроту новизны.

Не следует вводить в программу очерк научной разработки различных

вопросов русского языка: он осложнит программу и нарушит ее цельность. Целесообразнее историю отечественного языкознания сделать предметом особого спецкурса. Но все же в процессе чтения курса нужно останавливаться на истории изучения некоторых наиболее важных вопросов, чтобы показать, какими путями шла лингвистическая мысль в их разрешении. Такие небольшие исторические экскурсы желательны, например, по темам: слово, фонема, залог, наклонение, вид, категория состояния, сочинение и подчинение, предложение и словосочетание, второстепенные члены предложения и т. д. В них много дискуссионного и до сих пор. Но никакие спорные вопросы, особенно имеющие практическое значение в школе, нельзя оставлять при чтении курса без ответа. По каждому спорному вопросу лектор обязан изложить свою точку зрения.

В процессе изучения современного русского языка студент должен узнать, какие явления в русском языке можно считать новыми, каковы тенденции в его развитии, что в нем архаизировалось, а также и то, какие факты русского языка исследованы, что в науке о русском языке является общепризнанным и что спорным, какие вопросы только поставлены. Необходимо развивать у слушателей любовь к русскому языку и уважение к нашей отечественной науке.

Практика преподавания может потребовать включения в программу некоторых дополнительных тем, и нельзя препятствовать этому. Необходимо только, чтобы эти темы укладывались в часы, которые отведены для курса, и не причиняли ущерба изучению программных вопросов. Так, например, возможна дополнительная тема о принципах научного изучения современного русского языка; можно пополнить программу также темой о несобственно прямой речи: она имеет свои грамматические особенности и играет большую роль в художественной литературе.

Есть надобность и в более глубоком освещении синонимии русского языка, причем нельзя ограничить программу только лексической синонимией. Нужно включить в программу и синонимику морфологическую как тему, подытоживающую раздел морфологии, и синтаксическую, подытоживающую раздел синтаксиса. Обе эти темы в еще большей степени подчеркнут богатство русского языка, гибкость и выразительность его средств в передаче разнообразных оттенков мысли и душевных переживаний.

Нельзя не затронуть в курсе «Современный русский литературный язык» также вопроса о присоединительных конструкциях, которые не упоминаются в программе. Они широко бытуют в разговорной и литературно-письменной речи. Соответствующая тема есть и в новом стабильном учебнике для VI—VII классов средней школы. Совершенно напрасно не введен в программу пункт об абзаце. Видимо, этому мешал взгляд на него как на явление нелингвистическое. Абзац имеет свои синтаксические особенности, к сожалению, еще не изученные. Включение в программу пункта об абзаце будет иметь большое практическое значение для будущих преподавателей. Возможны, конечно, и другого рода дополнения к программе в процессе чтения обсуждаемого курса.

Курс «Современный русский литературный язык» должен быть в какой-то мере педагогизирован. Это прежде всего может сказаться в том, что внимание студентов будет концентрировано на вопросах наиболее трудных для школы, что поможет несколько лучше подготовить слушателей к будущей педагогической деятельности. Надо также по возможности придать курсу стилистический уклон. При таком уклоне в лекциях не только характеризуется то или иное явление языка, но и показывается, как оно используется в речевой практике, в различных стилях речи — в художественном, публицистическом и пр. Знания по

стилистике, полученные в вузе, будут, несомненно, очень полезны окончившим вуз, когда они начнут преподавать в школе. Школа должна уделить больше внимания изучению грамматики в связи с художественной литературой, больше развивать речь учащихся.

Но на лекциях может быть дана только общая стилистическая характеристика тех или иных явлений русского языка. Более углубленную работу в этом направлении можно вести на практических занятиях по современному русскому языку. Усвоение теоретических положений здесь тесно сливается с наблюдениями над стилистическим использованием различных языковых фактов.

На практических занятиях полезно ознакомить студентов с работой писателей над языком и стилем своих произведений. Внимательное изучение различных вариантов отрывков из произведений лучших стилистов вводит в подлинную лабораторию их языкового творчества и показывает, какие большие теоретические знания им были нужны и какого упорного труда стоил им их «легкий» и образный стиль, «кристаллически прочный и ясный», по выражению А. Н. Толстого.

Следует еще сказать о возможности использования в курсе каждым лектором результатов своей исследовательской работы. Связывать чтение лекций со своей научной работой, насыщать их продуманными выводами своих исследований—можно и нужно. Правда, время, отведенное на чтение курса, строго ограничено. Но есть выход из этого положения: уделяя больше времени лекционной разработке одних вопросов, другие вопросы давать студентам для самостоятельного изучения по имеющимся пособиям, организуя консультации или коллоквиумы; можно даже целые разделы или части их переключать на спецкурсы.

В заключение надо остановиться на вопросе о том, какое место должен занимать курс «Современный русский литературный язык» среди других дисциплин с точки зрения порядка их чтения. Начиная с 1932 года, этот порядок все время менялся по различным соображениям—научного порядка и чисто педагогического характера. Согласно требованиям лингвистики, обсуждаемый курс иногда читался после курса исторической грамматики, чтобы можно было подготовить студентов к глубокому пониманию явлений современного русского языка. Такая точка зрения была правильной, но она сталкивалась с другой, тоже совершенно справедливой педагогической точкой зрения, требовавшей, чтобы чтение этого курса заканчивалось к моменту вступления студентов на педагогическую практику, т. е. к шестому семестру. В учебном плане последних лет восторжествовала вторая точка зрения. Иначе и не должно быть: студент должен идти на практику, владея знаниями по современному русскому языку. Конечно, с точки зрения теоретической хорош такой порядок следования дисциплин: сначала введение в языкознание, затем историческая грамматика, современный русский язык и, наконец, история русского литературного языка как завершающий курс. Но этот порядок непригоден с точки зрения педагогической.

Последний учебный план пединститута (1954 г.) более приемлем: он отвечает практическим требованиям и дает некоторую возможность для увязки курса «Современный русский литературный язык» с другими языковедческими дисциплинами. Плохо только то, что, в силу несогласованности программ, на одном и том же курсе одновременно читается одно и то же по курсам «Введение в языкознание» и «Современный русский язык». Кафедрам русского языка по собственной инициативе необходимо устранить совершенно ненужное, нецелесообразное дублирование. Этого требуют польза дела и экономия времени.

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

О Б И З Д А Н И И С Л О В А Р Я - С П Р А В О Ч Н И К А П О Я З Ы К О З Н А Н И Ю

Одним из основных средств повышения квалификации специалистов-языковедов является самостоятельная работа над лингвистической литературой. В связи с этим обращают на себя внимание трудности, встающие как перед студентами, так зачастую и перед окончившими вуз языковедами, которым приходится обращаться к литературе по языкознанию. Эти трудности возникают из-за недостаточно глубокого усвоения будущими специалистами основ общего языкознания и отдельных теоретических дисциплин, связанных с изучаемым языком или группой родственных языков.

За последнее время неоднократно поднимался вопрос, в частности на страницах журнала «Вопросы языкознания», о мерах улучшения подготовки лингвистических кадров. Вузы должны вырабатывать у молодых специалистов умение углублять свои знания путем изучения различных лингвистических трудов.

Признано, например, что ни славист, ни романист, ни германист и т. д. не смогут ориентироваться должным образом в своей специальности без знания основ индоевропейской лингвистики. Для получения же таких знаний изучающему неизбежно придется столкнуться с книгами типа «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе, «Введение в историю чешского языка» О. Гуйера и др. Эти книги нужно не только понять, но и в известной мере дать им собственную оценку. Авторы подобных книг оперируют множеством специальных терминов и понятий, используют транскрипции, ссылаются на различные имена и лингвистические школы, упоминают многочисленные языки и наречия, о которых читающий часто не имеет четкого представления. Имеющиеся учебники по курсу «Введение в языкознание» не объясняют всей терминологии, употребляемой в лингвистической литературе; это и не входит в их задачи. Не всегда помогают энциклопедии и другие пособия справочного характера. Далеко не везде есть специалисты, к которым можно было бы обратиться за разъяснением. Поэтому значительную помощь в деле повышения научно-теоретического уровня молодых специалистов окажет издание терминологического словаря. Как известно, аналогичные пособия по другим отраслям науки принесли большую пользу. Таковы, например, неоднократно переиздававшийся «Краткий философский словарь» или недавно вышедший «Юридический словарь». Эти словари занимают важнейшее место в системе пособий, необходимых при изучении предмета.

Представляется целесообразным высказать некоторые пожелания относительно структуры лингвистического словаря такого типа. Материал словаря мог бы распределиться следующим образом:

1. Ряд статей должен быть посвящен произведениям классиков марксизма-ленинизма, как специально лингвистическим, так и затрагивающим те или иные проблемы языкознания в связи с постановкой и решением других вопросов.

2. В статьях словаря должны быть подробно освещены основные понятия марксистско-ленинской науки о языке, его сущности, развитии и происхождении.

3. Следующая категория статей должна быть посвящена объяснению многочисленных терминов, применяемых в литературе по таким лингвистическим дисциплинам, как нормативная и историческая грамматика, лексикология, семасиология, фонетика, диалектология, графика, стилистика, лексикография, теория и техника перевода и т. д., вплоть до теории стихосложения различных языков.

Желательно, чтобы это было сделано на базе широкого учета терминологии, употребляемой в издающейся у нас оригинальной и переводной лингвистической литературе. В качестве материала, следовательно, необходимо было бы использовать изданную и готовящуюся к печати литературу (в том числе и периодику) по общему языкознанию, по различным индоевропейским (в первую очередь славянским, романским, балтийским, германским, классическим), угро-финским, тюркским, кавказским и другим языкам. Должно быть коротко и ясно раскрыто значение максимального количества применяемых в литературе терминов. Исключение составляет лишь терминология, обусловленная явно чуждыми советскому языкознанию взглядами, например терминология, введенная Н. Я. Марром и его последователями. Не следует, однако, упускать из вида, что основные понятия и термины, имеющие или имевшие наибольшее распространение в псевдонаучных «теориях», также нуждаются в обоснованных критических разъяснениях на страницах словаря.

4. В словаре должна быть дана краткая характеристика значительного количества языков и языковых групп. Эту характеристику можно строить по следующему плану: общие сведения, морфология и синтаксис, словарный состав и основной словарный фонд, фонетика, письменность, диалекты и история изучения данного языка. В число языков, характеризующихся таким образом в словаре, следовало бы включить:

а) Все языки народов СССР. Исключение могут составить некоторые из многочисленных языков Дагестана. В этом случае следует дать отдельными статьями общую характеристику нескольких наиболее близких друг к другу языков и одновременно названия каждого из них, снабженные ссылкой на эту характеристику (например: Каратинский яз. — см. Аваро-андо-даидийские языки).

б) Все языки зарубежной Европы.

в) Наиболее распространенные, а также представляющие наибольший лингвистический интерес языки народов Азии, Африки, Америки, Австралии и Океании. (Языки, которым отдельные статьи не посвящаются, желательно также назвать и сделать ссылку на соответствующую языковую группу, описанную в словаре.)

г) Важнейшие засвидетельствованные в памятниках языки, выпшедшие из употребления, в том числе древние (латинский и другие италийские, древнегреческий, старославянский, санскрит, далматинский и пр.).

5. Ряд статей должен содержать обобщение имеющихся сведений о важнейших языках-основах, не засвидетельствованных в памятниках: индоевропейском, общеславянском и т. д.

6. Серию статей нужно посвятить описанию общих черт отдельных языковых семей (например, индоевропейской), групп (например, романской), подгрупп (например, иберо-романской).

7. В статье о языках, диалекты которых представляют наибольший интерес для языковедов, включаются краткие сведения о диалектах. Названия диалектов и говоров можно поместить в словник словаря, снабдив их ссылкой на статью о соответствующем языке (например: Андалузский диалект — см. Испанский язык, Аретинский говор — см. Итальянский яз., Ионийский диалект — см. Греческий яз.).

8. В словаре необходимо отвести место данной с позиций марксистско-ленинской науки о языке характеристике деятельности наиболее известных языковедов. Желательно кратко изложить сведения об отдельных трудах крупнейших лингвистов.

Должны быть охарактеризованы также основные направления в языковедении, существовавшие и существующие. При этом особое внимание должно быть уделено глубоко обоснованному разоблачению несостоятельности и реакционной сущности различных буржуазно-идеалистических и вульгарно-материалистических доктрин.

Необходимо также дать минимальные сведения о главных искусственных языках (волапук, эсперанто) и указать причины их нежизненности.

9. В словарь включаются краткие данные о важнейших отечественных и зарубежных периодических изданиях по языковедению.

10. Ряд статей должен быть посвящен наиболее распространенным алфавитам и шрифтам.

11. Безусловно необходимо объяснить в словаре главные применяемые в литературе фонетические транскрипции и их диакритические знаки.

12. Полезно посвятить отдельные статьи словаря кратким сведениям о памятниках, имеющих особое значение для изучения некоторых языков, например: «Розеттский камень», «Пренестинская застѣжка», «Езровский перстень» и т. п.

Каждая статья должна иметь сведения об основных работах по данному вопросу или указанию, где можно найти более или менее полную библиографию. Такими могли бы быть основные виды статей лингвистического словаря-справочника.

Представляется полезным выразить несколько пожеланий относительно оформления словаря.

Ввиду необходимости охватить богатый материал словарь будет представлять собой довольно большую по объему книгу (типа «Юридического словаря» 1953 года). Статьи нужно обильно снабдить примерами. В целях наглядности при подаче материала желательны (если же речь идет, например, о наименее известных языках, то необходимы) карты. На карте должны быть показаны территория распространения языка и границы его диалектов. Нужны иллюстрации по физиологии звуков. Там, где речь идет, например, о тонах, тоническом ударении и о языках (в том числе и «мертвых»), в которых эти явления имеют место, безусловно полезно было бы привести примеры, снабженные транскрипцией с применением нотных знаков. Полезно также указывать этимологию лингвистических терминов, особенно ипоязычного происхождения.

К составлению словаря должен быть привлечен многочисленный квалифицированный коллектив языковедов разных городов страны. В целях ускорения создания словаря могли бы быть использованы статьи БСЭ², посвященные вопросам языковедения.

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ» ПЕРЕВОДЧИКА

(*Eathos, pathetic*—*пафос, патетический*)

«Для переводчика, который, механически понимая свою задачу, переводит вместо языковых комплексов лишь разрозненные их части и верит в неизбежную статичность языка, ничто так не опасно, как слова, одновременно живущие в нескольких языках — интернациональная лексика и собственное заимствования», — писал опытный редактор и мастер перевода Б. А. Грифцов¹.

Слова, «одновременно живущие в нескольких языках», нередко оказываются «ложными друзьями» переводчика. Когда в переводимом тексте встречается слово, имеющее этимологическое соответствие в языке перевода, это соответствие обычно сразу же всплывает в памяти переводчика в качестве предполагаемого эквивалента данного слова. Между тем слово, этимологически тождественное определенному слову другого языка, во многих случаях не может служить его эквивалентом при переводе, так как значение, семантическая и синтаксическая сочетаемость и стилистические особенности этимологически тождественных друг другу слов в двух разных языках редко совпадают полностью. Это во всяком случае справедливо в отношении слов нетерминологического характера, а также слов, которые, наряду с терминологическим употреблением, применяются в одном или в обоих сопоставляемых языках за пределами специальной терминологии.

Практика составления двуязычных словарей показывает, что «ложные друзья» переводчика в иных случаях оказываются также «ложными друзьями» лексикографа. Об этом свидетельствует, в частности, неудовлетворительная трактовка некоторых слов этой категории в англо-русских и русско-английских словарях.

Например, во всех англо-русских словарях, словник которых включает слово *pathos*, безоговорочно приводится в качестве единственного русского эквивалента этимологически соответствующее ему в русском языке слово *пафос*. Между тем, проследив употребление этих слов в русском и английском языках, нетрудно заметить, что во многих случаях значение английского *pathos* даже приблизительно не может быть передано по-русски словом *пафос* так же, как, с другой стороны, русскому *пафос* редко соответствует в английском переводе слово *pathos*.

Слово *пафос* (Толковым словарем русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова (т. III, М., 1939) истолковывается так:

1. Страстное воодушевление, одушевление... 2. Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-нибудь... 3. Воодушевляющий, творческий источник, основной тон, идея чего-нибудь... 4. Внешнее проявление одушевления, иногда производящее впечатление фальши (неодобрит.).

Для английского же *pathos*, как об этом свидетельствуют данные толковых словарей английского языка² и наблюдения над употреблением этого слова в английской и американской литературе, основным является значение, которое можно было бы определить так: «свойство оказывать эмоциональное воздействие на зрителя, слушателя (или читателя), вызывая участие, сострадание, жалость, чувства нежности или печали», или, иными словами, «то качество или элемент в явлениях жизни или образах искусства, которое возбуждает участие, сострадание, жалость, чувства нежности или печали». Ср.: «He grinned with a certain wistful pathos in his ring-battered countenance...» (J. London, A Piece of Steak) «Он улынулся, но его изуродованное лицо хранило печальное, даже жалобное выражение». Перевод «Он улыбался с каким-то грустным пафосом...»³ явно неприемлем: лицо старого боксера, ослабевшего от недоедания и предчувствующего свое поражение, отнюдь не выражало «страстного воодушевления». Кроме того, сочетание «улыбаться с пафосом» вообще невозможно в русском языке.

Наряду с описанным основным значением слово *pathos* в английском языке изредка употребляется в других значениях:

¹ Б. А. Грифцов, Заметки по технике перевода, ВЯ, 1952, № 5, стр. 87.

² См., например, толкование слова *pathos* в «New Standard dictionary of the english language» (Funk and Wagnalls, New York—London, 1946) и в «Webster's new international dictionary of the english language», 2-d ed. (Springfield, Mass., USA, 1947).

«Webster's new international dictionary» сближает слово *pathos* со словом *pity*, следующим образом разграничивая их значения: «PATHOS, PITY have in common the idea of tender emotion aroused by suffering or distress. But PATHOS emphasizes the qualities which excite the feeling, and implies a melancholy and often detached pleasure in their contemplation; PITY emphasizes the feeling of compassion inspired by suffering, misfortune, and the like, and implies a tendency to act for their relief...» (стр. 1792).

³ Д. Ж. Лондон, Рассказы, М., ГИХЛ, 1952, стр. 112.

1. «Патетическое» (чувствительное или чувствительно-напыщенное) выражение: «Little pathoses ...are abundant enough» (Hawthorne, цит. в NED¹) «Патетические словечки... встречаются в изобилии».

2. «Страдание, боль»²: «Shall sharpest pathos blight us...» (Tennyson, цит. там же) «Сразит ли нас жестокое страдание...»

3. «Преходящее, индивидуальное, эмоциональное начало в художественном образе в противоположность *эмосу* (*ethos*) — общему, типичному, идеальному в художественном изображении» (как термин эстетики, теории искусства): «The real is preferred to the ideal, transient emotion to permanent liniment, pathos to ethos» (цит. там же) «Отдается предпочтение реальному перед идеальным, преходящему чувству перед постоянной формой, пафосу перед этосом».

В неспециализированном, предназначенном для общего пользования двуязычном словаре не обязательно указывать сугубо специальные терминологические значения слов, а также их малоупотребительные лексико-фразеологические варианты («оттенки значений»). Ограничимся поэтому рассмотрением возможностей перевода на русский язык слова *pathos* в его основном значении, наиболее близком к основному значению русского *пафос* (первое значение по словарю Ушакова), но не совпадающем с ним. Именно такая близость не совпадающих полностью значений легче всего вводит в заблуждение переводчика, лексикографа и, наконец, всякого человека, работающего над иностранным текстом.

Основное значение слова *pathos* (как это вообще характерно для слов, обозначающих эмоции и прочие явления, относящиеся к сфере духовной жизни человека) приобретает разнообразные оттенки в разных контекстах и, естественно, передается в русском переводе различными эквивалентами, из которых ни один, взятый сам по себе, не является тождественным по значению слову *pathos*. Такими приблизительными эквивалентами английского *pathos* могут быть, в частности, следующие слова и выражения:

1. *Трагизм*: «...What's the matter with me? I ask you a plain question: What is it?» Unconscious of the pathos in that inquiry, he went on passionately: „I'm not lame, I'm not loathsome, I'm not a boor, I'm not a fool. What's the mystery about me?“ (Galsworthy, In Chancery) „Что же вам во мне не нравится? Я вас прямо об этом спрашиваю“. — Не сознавая всего трагизма этого вопроса, он продолжал с жаром: — „Я не калека, не урод, не неотеса, не дурак! В чем же секрет?“».

2. *Щемлящая грусть, печаль*: «...a meditative... pathos, ...a sadness that has its seat in the depth of reason» (Wordsworth, цит. в Webster's International Dictionary) «Задумчивая грусть, ...печаль таящаяся в глубинах интеллекта».

3. *Что-то (грустно-трогательное)*: «He saw a certain pathos in the devoted little family—an impressive though worn setting, the draft coming through the shattered window softly moving the hair on the invalid's head» (S. Neum, The Crusaders) «Было, казалось ему, что-то грустно-трогательное в этой дружной маленькой семье, в величественной, хоть и несколько обветшавшей обстановке, в том, как сквозняк от разбитого окна тихо шевелил волосы на голове больного».

4. *Чувство*: «He descanted on the woes of the land with a pathos which drew tears from every eye» (Prescott, цит. в NED) «Он говорил о постигшей страну бедствиях с таким чувством (так прочувствованно), что у всех слезы выступили на глазах».

Во многих случаях стилистические нормы русского языка и конструктивно-грамматические возможности русских слов требуют изменения конструкции предложения и передачи значения слова *pathos* не тем или иным эквивалентом-существительным, а другими средствами контекста. Так, в предложении «I took but the time to whisper Mr. Romaine in the ear: „Here is another tableau for you!“ at which he looked at me a moment with a kind of pathos, as who should say, „Don't hit a man when he's down“» (R. L. Stevenson, St. Ives) оборот with a kind of pathos переводится: «как-то жалобно». «Я успел только прошептать на ухо мистеру Ромэну: „А вот вам еще картина! Тот в ответ как-то жалобно посмотрел на меня, как бы говоря: „Не бей лежачего! Предложение «The pathos of this continual preoccupation, in a man so old, sick and weary ...put me wholly from my victuals» (R. L. Stevenson, St. Ives) можно перевести следующим образом: «У меня сердце сжималось от жалости и кусок застревал в горле при виде этой постоянной озабоченности старика, такого больного и измученного...»

Как видим, ни в одном из рассмотренных выше случаев русское *пафос* не является эквивалентом английского *pathos*. Хотя оба слова вызывают представление об эмоциональном воздействии, однако характер этого представления в обоих случаях различен: для русского *пафос* — это воодушевляющее, вдохновляющее начало,

¹ См. «A new english dictionary on historical principles», vol. VII, Oxford, 1909, стр. 554.

² Ср. греч. πάθος «страдание» от παθεῖν «страдать»; ср. pathology «патология». В «Медицинском лексиконе» Данглисона (R. Dunglison, Medical lexicon. A dictionary of medical science, 9-th ed., London, 1853) термин *pathos* истолковывается как «affection», «disease».

«страсть чисто духовная, нравственная», по выражению Беллинского, ничего облего не имеющая с представляемым «о жалости, скорби»¹ и т. п., с которым, как уже отмечалось выше, понятие *pathos* связано для англичанина.

Соответствие *pathos*: *pathos* возможно — и то не всегда — только в тех случаях, когда *pathos* употребляется для характеристики речи, музыкального произведения или исполнения, литературного произведения или драматического действия, например: «They wept over it [the song] as they sang it, the graceless young scamps who had all broken their mothers' prides, and I sang with them, and wept with them, and luxuriated in the pathos of it and the tragedy of it» (J. London, John Barleycorn). «Они плакали, когда пели ее, — эти бесшабашные юные негодии, обманувшие надежды своих матерей, — и я пел с ними, и тоже плакал, и упивался ее [песни] трагическим пафосом»².

В свете изложенного выше очевидно, что возможность перевода английского *pathos* в некоторых контекстах русским *пафос* отнюдь не дает оснований для принятой в англо-русских словарях интерпретации слова *pathos*, приравнивающей его к русскому *пафос*. Такая интерпретация может скорее дезориентировать переводчика или человека, читающего английский текст, чем помочь ему.

Нельзя считать вполне удовлетворительным толкование слова *пафос* и в русско-английских словарях. Вплоть до выхода в свет второго издания русско-английского словаря, составленного под общим руководством проф. А. И. Смирницкого³, русско-английские словари приводили в качестве английского эквивалента слова *пафос* лишь слово *pathos*, которое соответствует только первому из выделяемых в словаре под ред. Ушакова значений слова *пафос*. Во втором издании словаря проф. Смирницкого вводится еще один эквивалент — *enthusiasm* (в переводе выражения «пафос созидательного труда»), который соответствует второму (в интерпретации Ушакова) значению. Однако возможности перевода на английский язык слова *пафос* не исчерпываются указанными эквивалентами.

Естественно, словарь не может дать перечня всех возможных способов перевода русского слова *пафос* на английский язык, так как это слово обладает многогранной и до некоторой степени расплывчатой семантикой и приобретает разнообразнейшие смысловые оттенки в различных контекстах. Есть, однако, более или менее типичные английские соответствия русскому *пафос*, которые, как нам представляется, должны быть отражены в словаре.

В современном русском языке контекстуальные связи слова *пафос* уводят его из той сферы личных, интимных эмоций, к которой относится его английский этимологический коррелят, в сферу высоких гражданских чувств и общественных идей. Слово *пафос* употребляется главным образом в литературной критике и (в отличие от английского *pathos*) в публицистике. Привычными оборотами стали — наряду с сочетаниями *поэтический, лирический, трагический пафос*; *пламенный, страстный пафос*; *высокий, благородный пафос* — несвойственные английскому языку сочетания: *обличительный, бунтарский, революционный пафос*; *пафос революции*; *героический, патристический, героико-патристический пафос*; *пафос великих идей*; *пафос борьбы, труда, созидания, созидательного (творческого) труда*; *пафос социалистического строительства* и т. п. Проследившая значение слова *пафос* в этих сочетаниях, мы видим, как тот его вариант, который выражает представление о страстности, эмоциональной насыщенности, торжественной приподнятости речи или художественного изображения безотносительно к причинам, порождающим эти качества, постепенно переходит во второй вариант, ассоциируемый с представлением об источнике одушевления и по смыслу далеко уходящий от английского *pathos*⁴.

Изучение возможностей перевода этих двух вариантов слова *пафос* в различных контекстах показывает, что в случаях, где значение этого слова может быть передано в контексте перевода эквивалентами-существительными, такими эквивалентами (особенно в контекстах, где речь идет о гражданских чувствах, общественных идеях) часто являются слова *fervour*, (*exalted*) *passion*, (*exalted, ardent*) *spirit*. Ср.: *революционный пафос* — *revolutionary fervour*; *пафос революционной борьбы* — *fervour of revo-*

¹ Возможны сочетания *трагический пафос, скорбный пафос*, но представления о грусти, скорби, свойстве возбуждать жалость или скорбь выражаются здесь определением, а не самим существительным *пафос*.

² В сущности и здесь значение слова *пафос* не является точным «слепком» значения английского *pathos* (ускользает оттенок «грустно-трогательного»), хотя общий смысл сочетания *the pathos of it and the tragedy of it* в целом верно передается сочетанием «е трагическим пафосом».

³ «Русско-английский словарь», сост. О. С. Ахманова и др., под общ. руков. А. И. Смирницкого, 2-е изд., испр. и доп., М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.

⁴ Этот вариант слова *пафос* всегда имеет определение, обычно несогласованное, которое и указывает на источник одушевления.

lutionary struggle; гневный пафос — *wrath and passion*; (высокий, пламенный) патриотический пафос — (*exalted, ardent*) *patriotic spirit*. Эти довольно типичные соответствия и следовало бы указать в словаре.

Однако основным недостатком посвященной слову *пафос* словарной статьи во втором издании словаря проф. Смирницкого является не суженная интерпретация первых двух вариантов этого слова, а то, что здесь, как и во всех других словарях, совершенно не нашло отражения третье его значение, семантически довольно резко обособившееся от исходного значения и получившее широкое распространение в нашей литературной критике. Это значение — «воодушевляющий, творческий источник, основной тон, идея, направленность, цель (литературного произведения или творчества вообще)». Ср.: «В чем пафос щедринской сатиры? Это прежде всего пафос сатирического гуманизма»¹; «Не ожидать милостей от природы, не прятаться за инструкции: искать, пробовать, применять всевозможные способы, испытывать все средства, — в этом пафос романа»²; «... пафос статьи не в том, чтобы поддержать книгу..., а главным образом в том, чтобы проинизировать над этими недостатками»³.

Конечно, слово *пафос* в таком значении ничего общего не имеет ни с *pathos*, ни с *enthusiasm*. Поэтому в русско-английских словарях необходимо указывать основные английские эквиваленты данного значения: *leitmotif*, *burden*, *key-note*, (*main*) *idea*.

Обладающее ярко выраженной отрицательно-оценочной окраской четвертое значение слова *пафос* («внешнее проявление одушевления, производящее впечатление фальши», «риторическая напыщенность речи») менее самостоятельно и реже встречается, чем другие варианты: данное значение чаще выражается сочетанием *фальшивый пафос*. Поэтому им можно пренебречь в словаре, реестр которого включает до 50 тыс. слов (более полных русско-английских словарей, кстати, пока не существует).

*

Говоря о смысловых взаимоотношениях слов *pathos*: *пафос* и об отражении этих взаимоотношений в двуязычных словарях, нельзя не подчеркнуть, как важно для лексикографа учитывать семантические и словообразовательные связи того или иного слова.

В англо-русском словаре проф. В. К. Мюллера⁴, где значение английского *pathos* безоговорочно приравнивается к значению его русского этимологического соответствия, для прилагательного того же корня *pathetic* приводятся в качестве русских эквивалентов, наряду со словом *патетический*, слова *трогательный*, *жалкий*, *душе-раздирающий*. Таким образом, в словаре нашел отражение тот факт, что в значении английского *pathetic* доминирующим моментом является представление о свойстве вызывать жалость, сострадание, участие, тогда как в смысловом содержании его русского этимологического соответствия это представление может выступать лишь в качестве второстепенного, приводящего элемента или же вообще отсутствует. Кроме того, в отличие от русского *патетический* (*патетичный*), английское *pathetic* может обозначать не только эмоциональную насыщенность речи, музыкального исполнения или художественного изображения, но и свойство самих явлений действительности (так или иначе связанных с человеческими чувствами, либо тем или иным образом персонифицируемых) вызывать указанные выше чувства. Таким образом, сферы применения слов *pathetic* и *патетический* не совпадают полностью. Различна и стилистическая характеристика этих слов: слово *pathetic* в английском языке употребляется значительно шире и носит менее книжный характер,⁵ чем его этимологическое соответствие

¹ «На пути к сатирической комедии [Отчет о заседании Президиума правления Союза советских писателей СССР с активом московских писателей]», «Лит. газета» 11 IV 53.

² «О романе Ф. Панферова „Волга-матушка река“ [ред. статья]», «Лит. газета» 28 I 54.

³ К. С я м о ч о в, О доброжелательстве, «Лит. газета» 14 IV 51.

⁴ «Англо-русский словарь», сост. В. К. Мюллер, 4-е изд., испр. и доп., М., 1953.

⁵ «По-английски *pathetic* — разменная монета. Англичанин может сказать: *патетически* (т. е. жалостно, уныло) *свисающие усы*. По-русски это слово служит для особых, подчеркнутых случаев» (И. А. К а ш к и н, Ложный принцип и непримлемые результаты, «Ин. яз. в шк.», 1952, № 2, стр. 29). Ср. также чисто разговорное образование *pathetic-like* «какой-то трогательный (или жалкий)», встречающееся, например, во «внутренней речи» рабочего Тони Биккета в романе Дж. Голсуорси «Белая обезьяна»: «... that smile seemed queer „pathetic-like“, mysterious...» В русском переводе

в русском языке. Ср., с одной стороны: *патетическая тирада, декламация; патетические строки; патетический монолог; патетический стиль; патетические нотки; «Патетическая симфония»* (название 6-й симфонии Чайковского). С другой стороны: «The culprit was moved to a few abject tears by these words and their pathetic tones» (Dickens, *Hard Times*) «Слова эти и прочувствованный (патетический) тон, которым они были сказаны, тронули сердце преступника: он уронил несколько скупых слёз»; «She had a that naive dogmatism which is so pathetic and sometimes achieves such great results» (Galsworthy, *The Man of Property*) «Ей присущ был тот наивный догматизм, который так трогателен и иногда приводит к таким большим результатам»; «That chap could never forget anything — nor ever give himself away. He's pathetic!» (Galsworthy, *In Chancery*) «Этот никогда ничего не забудет и никогда себя не выдаст. Несчастный!»¹; «...adamant to her pathetic sneezes, Mr. Bounderby immediately scrambled her into a coach» (Dickens, *Hard Times*) «...не обращая внимания на её жалобное чиханье, мистер Баундерби тут же впахнул её в карету».

Как явствует из приведенных выше примеров, английское *pathetic* большей частью переводится не этимологически тождественным ему словом, а другими прилагательными. Нередко в русском переводе вообще отсутствует прилагательное — эквивалент слова *pathetic* и представление о свойстве возбуждать жалость или участие, выражаемое этим последним в английском тексте, передается родственным по смыслу, но принадлежащим к другой грамматической категории словом (или словосочетанием) в контексте перевода, например: «Her hair was going grey... and this greyness made the sudden vivid colour in her cheeks painfully pathetic» (Galsworthy, *The Man of Property*) «... и от этого внезапно вспыхнувший на её щеках густой румянец будил острое чувство жалости».²

Ввиду различия в значениях рассматриваемых слов соответствие *патетический: pathetic* часто нарушается и при переводе с русского языка на английский. В частности, эквивалентом русского прилагательного *патетический* и наречия *патетически* может быть прилагательное *emotional* и его производные или словосочетания с этим прилагательным.

Только невниманием к семантическим связям слов одного корня можно объяснить тот факт, что различие в значениях прилагательных *pathetic: патетический* нашло — пусть неполное — отражение в англо-русских словарях, а аналогичное расхождение между значениями существительных *pathos: пафос* осталось незамеченным.

О. В. Шахрай

Р. Райт это место передано следующим образом: «...эта улыбка показалась странной, ужасно трогательной*, загадочной...» (Дж. Голсуорси, *Сага о Форсайтах*, т. II, М., ГИХЛ, 1946, стр. 54).

¹ В русском переводе М. Богословской (Дж. Голсуорси, *Сага о Форсайтах*, т. I, под общ. ред. М. Лорие, М., ГИХЛ, 1946 стр. 385) фразе «He's pathetic!» соответствует «Патетическая личность!». Не говоря уже о том, что сочетание *патетическая личность* необычно и неестественно для русского языка, подобный перевод искажает мысль автора, придавая оттенок презрительной иронии фразе, которая вовсе не имеет этого оттенка в оригинале.

² Перевод мой.—О. Ш. Ср. русский перевод Н. Волжиной в указанном выше издании «Саги о Форсайтах» (т. I, стр. 78): «...и эта седина с щемящей сердце трогательностью только подчеркивала румянец, внезапно вспыхнувший у нее на щеках».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола.—М., Изд-во АН СССР, 1953. 252 стр.

В нашей лингвистической литературе до сих пор еще не было труда, более или менее полно освещающего систему глагола современного русского языка, притом не только литературного, но и говором (в книге В. В. Виноградова «Русский язык», как и в первом томе академической грамматики, говорится о современном литературном языке, там имеются лишь некоторые экскурсы в область прошлого, но опять-таки литературного языка). Новая книга акад. С. П. Обнорского восполняет этот пробел и является весьма ценным вкладом в русское языкознание. Ее с интересом и пользой для себя прочтут как зрелые научные работники, занимающиеся русским языком и его историей, так и аспиранты и студенты старших курсов.

По привлекаемому для исследования материалу, по характеру и системе изложения настоящая книга во многом напоминает вышедший ранее капитальный труд того же автора, посвященный именному склонению русского языка¹. Объектом исследования являются в рассматриваемой книге глагольные формы нового русского литературного языка (в основном, с XVIII по XIX в.) и современных русских говором. В связи с болезнью С. П. Обнорский не смог окончательно подготовить к печати книгу, законченную еще несколько лет тому назад, включить в нее как диалектологические материалы, собранные в последние годы, особенно в процессе подготовки диалектологических атласов различных районов нашего Союза, так и ссылки на материалы и исследования, появившиеся позднее начала 30-х годов XX в. В отдельных случаях для объяснения тех или иных форм в книге делаются экскурсы в область древнерусского языка, а также привлекаются для сравнения материалы других славянских языков.

Коснемся вкратце круга вопросов, рассмотренных в рецензируемой работе. Эти вопросы разрешаются в книге на основе сопоставления фактов, возникших на протяжении двухвекового развития литературного языка, с фактами, наблюдаемыми в говорах.

После небольшого вступления (стр. 5—7), посвященного обзору различных способов классификации глагола, предложенных рядом ученых, начиная с Востокова и кончая Карцевским, следует раздел — «Явления, связанные с основами глаголов» (стр. 8—34). В этом разделе показано все более широкое распространение форм настоящего времени на *-аю* (типа *двигаю*, *икаю*, *мурлыкают*, *чихаю*) и переход, таким образом, этих глаголов в 1 продуктивный класс, все более пополняющийся и за счет других глаголов, ранее входивших в непродуктивные классы.

Здесь же исследуется и вопрос о наличии и отсутствии суффикса *-ну* в основе прошедшего времени глаголов непродуктивного типа на *-нуть*, т. е. отношения типа *взял — взял, гас — гаснул*, а также изменения, касающиеся гласной приметы глагольной основы, т. е. случаи мены *и — ь(е), ь(е) — 'а* после мягкого (или шипящего) согласного, т. е. такие отношения, как *смотреть — смотреть, темнеть — темнеть* и т. д.

В следующем разделе — «Глаголы многократного вида» (стр. 35—58) автор больше внимания уделяет не столько собственно многократным глаголам (бесприставочным с суффиксами *-ива, -ива*), сколько производным приставочным глаголам несовершенного вида, образованным посредством тех же суффиксов *-ива, -ива* и других параллельных им.

В двух главах — «Залоговые отношения глаголов» (стр. 59—69) и «Областные разновидности возвратной частицы» (стр. 70—88) преимущественно разбираются различные вопросы, касающиеся образования и употребления возвратных форм глагола — как спрягаемых, так и неспрягаемых — с учетом некоторых случаев синтаксического

¹ См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, Л.: вып. 1 — Единственное число — 1927; вып. 2 — Множественное число — 1931.

употребления по говорам этих последних (форм причастий типа *жесененось, отпертость*, деепричастий типа *сломажиши, жесениши* в возвратном значении и т. д.). Разобраны здесь с учетом их географического распространения также и разновидности возвратной частицы со стороны ее звучания.

В главе «О формах настоящего времени» (стр. 89—151) представлено, едва ли удачное, объединение весьма различных вопросов, так или иначе связанных с образованием форм настоящего времени, тем более, что часть этих вопросов рассматривается в других главах. Тут разбираются и вопросы о некоторых суффиксальных образованиях (типа *даваю, требоваяю*), об изменениях, связанных с чередованием гласных, а также и согласных в основе настоящего времени, о соотношении форм с *e*, перешедшим в *o*, с формами без этого перехода (*ведем и ведём*), о форме личных окончаний глагола (этот вопрос рассмотрен с различных сторон: качество гласных, согласных в этих окончаниях, наличие и отсутствие на них ударения и т. д.).

В главе «Прошедшее время» (стр. 152—160) наряду с разного рода остаточными формами прошедшего времени рассмотрены и случаи диалектного синтаксического употребления деепричастий и страдательных причастий в соответствии со сказуемым прошедшего времени в литературном языке.

Что касается форм будущего времени, то рассмотрены только случаи употребления иных, чем в литературном языке, вспомогательных глаголов при образовании сложных форм (см. стр. 161).

В главе «Повелительное наклонение» (стр. 162—171) обращается внимание главным образом на соотношение форм с окончанием *и* (ударным и безударным) и без него.

В разделе, посвященном инфинитиву («Неопределенная форма», стр. 172—193), рассмотрена зависимость форм с суффиксами *-ти* и *-ть* от ударения. С. П. Обнорский с полным основанием обращает внимание на более широкое распространение безударного *-ти* именно в сочетании *-сти* (*упасти* и т. п.). Тут даны и другие образования инфинитива — формы на *-чи* с восстановлением согласного основы (типа *пекчи*), новообразования со вторичным суффиксом *-ть* (типа *итить*) и т. д.

В двух последних главах книги «Причастия» (стр. 194—212) и «Деепричастия» (стр. 213—234) вновь (как отчасти и выше в разделе, посвященном залоговым отношениям) приводятся случаи, когда невозвратные причастия и деепричастия выступают в значении возвратных. Здесь рассматриваются также возможные в литературном языке случаи употребления причастий настоящего времени (со значением будущего) от глаголов совершенного вида. В этих же главах освещено соотношение форм страдательных причастий на *н* и *т*, не совпадающее в различных говорах, а также различные случаи чередования согласных и говорится об отсутствии его в результате выравнивания основы в формах страдательных причастий. Мы находим здесь данные и о распространении в говорах причастий на *-ций*. Говоря о деепричастиях, автор специально останавливается на границах распространения деепричастий на *-миши*.

Последние страницы книги заняты указателями (разобранных форм и географических названий) и списком цитируемой литературы с расшифровкой сокращений.

Таково в целом содержание рассматриваемых «Очерков», представляющих, как уже было сказано, весьма значительный вклад в русское языковедение. Книга прежде всего ценна обилием фактического материала, тщательно систематизированного и проанализированного. Для ряда явлений более или менее точно определены географические границы их распространения, что имеет большое значение для русской диалектологии. Несмотря на то, что при составлении диалектологических атласов эти границы будут, вероятно, уточнены и исправлены, большей частью пределы распространения явлений, устанавливаемые С. П. Обнорским, являются надежными. Для ряда явлений автором выдвинуты интересные, хотя в некоторых случаях и спорные, объяснения, положительная роль которых в процессе поступательного движения нашей науки несомненна.

Материал, имеющийся в книге С. П. Обнорского, позволяет более полно, чем раньше, представить себе систему русского глагола в ее современном состоянии. При всем многообразии форм, наблюдающихся по говорам, система эта характеризуется поразительным единством в самых главных своих звеньях. Все основные категории глагола, представленные в литературном языке, мы находим и в говорах. Даже различия в фонетическом облике отдельных из этих категорий не столь значительны; в большинстве же случаев существенной разницы нет и в этом отношении. Если в говорах и наблюдаются те или иные особенности (С. П. Обнорский порой о них сообщает), то это или различия в частных образованиях внутри основных категорий глагола, или же различия в степени распространения соответствующих форм. Так, например, глагольные образования с многократным значением, более распространенные на севере, не являются вполне чуждыми и современному литературному языку, и нельзя утверждать, что они совершенно отсутствуют в южновеликорусских говорах. В пределах единой

категории вида можно отметить по говорам различия в лексическом составе группы одновидовых глаголов.

Различия в глагольной системе, представленные в современных говорах, а также изменения в этой области, относящиеся к разным периодам истории литературного языка, как показывает исследование С. П. Обнорского, касаются, в основном, структуры глагольной основы (тех или иных явлений суффиксации и чередований гласных и согласных), форм личных окончаний и возвратной частицы и т. п. Рассмотрение именно этих особенностей и составляет совершенно законно основное содержание книги. Можно лишь пожалеть, что в ней не сформулированы общие выводы, связанные с характеристикой глагольной системы русского языка в целом (как литературного, так и говоров), и не указаны отличия от глагольной системы других славянских языков; читателю предоставляется самому вывести эту характеристику из весьма обильного и разнообразного материала, содержащегося в книге.

С. П. Обнорский, посвящая свой труд морфологии глагола, т. е. формам словообразования и словоизменения его, стремится ограничиться лишь исследованием структурных средств словообразования и словоизменения, повидимому, относя исследование соответствующих средств к области синтаксиса. Не такое ограничение неизбежно приводит к тому, что многие важные и интересные проблемы остаются за пределами исследования. Так, возможно, именно этим объясняется, что такая важная и специфическая для русского языка глагольная категория, как категория вида, осталась специально не рассмотренной, и мы можем судить о ней лишь на основании косвенных данных. В связи с этим встает вопрос, насколько вообще законно исключать из морфологического исследования анализ значения и способов использования рассматриваемых форм. Ведь формы словоизменения выражают именно синтаксические отношения, без исследования которых мы не всегда можем разобраться и в структуре соответствующих форм. В некоторых случаях сам материал приводит автора к необходимости выходить за пределы морфологии и обращаться к синтаксису. Это он делает, например, в разделе, посвященном залоговым отношениям глагола, а также при рассмотрении использования в качестве сказуемого деспричастия и страдательного причастия. Но, например, при рассмотрении сохранившихся по говорам форм давнопросшедшего времени значения их и синтаксическое использование совершенно не исследуются. Да и в тех случаях, когда автор обращается к вопросам использования рассматриваемых форм, синтаксическое исследование их не всегда осуществляется с надлежащей полнотой, что мешает достаточно глубоко и отчетливо представить себе систему русского глагола.

Большое значение для понимания исторического развития системы русского глагола имеет вопрос о так называемых глаголах многократного вида. В соответствующем разделе книги, как уже было сказано, рассматриваются в первую очередь не собственно многократные, а производные глаголы несовершенного вида и характерные для них живые и продуктивные средства видообразования. В особенности здесь является интересным распространение нового суффикса *-ива-* (после мягких согласных), *-ыва-* (после твердых согласных), вытесняющего старые средства образования производных глаголов (т. е. суффиксы *-а-*, *-ыв-*), а также изменения в чередовании корневого гласного. В том и другом отношении как говоры, так и литературный язык на протяжении двух последних веков дают нам весьма любопытный материал, характеризующий развитие соответствующих явлений. Большой интерес представляет также развитие бесприставочных образований с теми же суффиксами и с теми же явлениями в основе (эти образования и принято называть многократными глаголами, хотя употребляются они не только в значении повторяемости действия). Между тем эти процессы рассмотрены в книге недостаточно, в некоторых же случаях ставятся вопросы, на которые не дается полного ответа.

С. П. Обнорский считает, что при образовании форм на *-ива-*, *-ыва-*, производных от глаголов с корневым *о*, первоначально возникали формы типа *присвоивать*, *знакоивать* и т. п., т. е. формы с корневым *о*, и лишь в дальнейшем в соответствующих образованиях под влиянием старых кратных глаголов типа *прашати* распространяется корневое *а*. «Замена корневого гласного, — пишет С. П. Обнорский, — была обусловлена тенденцией языка к *в ы р а ж е н и ю* (повидимому, здесь опечатка: по смыслу следует читать *в ы р а в н и в а н и ю* или *у р а в н е н и ю*. — П. К.) нового создавшегося типа многократных глаголов с кратными формами старшего типа, в значительном числе пережиточно сохранившимися (сохраняющимися и до настоящего времени) в языке» (стр. 55; разрядка моя. — П. К.). «Наличие первоначального *о* в соответствующих производных глаголах несовершенного вида (как уже было сказано, автор неточно называет их «многократными») выводится автором из наличия *о* в соответствующих корнях в украинском и белорусском языках, а также из преобладания форм с *о* в северо-великорусских говорах.

Возникает вопрос, когда началось это воздействие старых кратных основ с суффиксом *-а-* (*-ја*) и не могли ли в говорах в отдельных случаях уже с начала появляться новые формы с корневым *а*. Ведь в известных случаях формы с суффиксом *-ива-* и с суффиксом *-а-* употреблялись параллельно и в древнерусских памятниках, причем

с одним и тем же значением, что указывает на начинающийся процесс вытеснения первыми формами вторых. Ср., например, в Лаврентьевской летописи (в самом начале, в описании обычаев славян) *оумькиваху* и тут же рядом в совершенно таком же значении *оумькаху* (л. 4 об.). Во всяком случае процесс распространения форм с корневым *a* начинается еще в древнерусском языке до оформления современных восточнославянских языков — русского, белорусского и украинского. В памятниках XIV в. формы с суффиксом *-ива-, -ыва-* еще очень редки. Между тем уже в это время мы встречаем в них корневое *a*. Сам С. П. Обнорский приводит пример из Новгородской летописи по синодальному списку — *проваживати* (см. стр. 54, прим. 2). Пример этот в форме *проваживать* (супин) имеется под 1215 г. Возможно, это даже конец XIII в. Формы с *a* мы находим и в «Поучении Владимира Мономаха» (ср., например, *оуганива*, Лавр, л. 82 об.), которое вообще содержит довольно большое количество образований на *-ива (-ыва-)*. Между тем подлинник «Поучения» относится к более раннему времени, чем Лаврентьевская летопись, в составе которой оно дошло до нас, и в нем много отличий от других частей летописей, причем именно в сторону живого языка. Все это говорит о том, что формы с *a* проникли еще раньше XIV в. Возможно, что процесс этот в различной степени характеризовал уже разные древнерусские говоры.

Вместе с тем надо иметь в виду, что старые кратные основы довольно рано подвергаются по говорам выравниванию и в них проникает корневое *o*. Ср., например, такие формы, как *пологахути* (Переяславское евангелие. 1354 г.). Распространение *a* в формах на *-ива- (-ыва-)* должно было в таком случае иметь место раньше, чем появление *o* при аналогическом выравнивании гласного в старых кратных основах.

С. П. Обнорский приводит большое количество диалектных примеров от соответствующих глаголов как с *o*, так и с *a*, причем делает, как уже сказано, вывод, что в целом формы с *o* больше распространены на севере. Однако и на севере мы встречаем не мало форм с *a*, и примеры с *a*, приводимые С. П. Обнорским, могли бы быть умножены. В связи с этим возникает вопрос об источнике форм с корневым *o* в соответствии с современным *a*, характерных для литературного языка XVIII и начала XIX в. — *обработывать*, *оспоривать* и т. п. (С. П. Обнорский такие формы приводит). Являются ли эти формы по происхождению северновеликорусскими (ведь наш новый литературный язык на первых порах включал значительно больше северных элементов, чем впоследствии) или же они представляют собой контаминацию книжных и живых элементов, т. е. в них отсутствует корневое *a* (чередующееся с *o*), поскольку церковнославянскому языку (как и старославянскому) были чужды образования на *-ива- (-ыва-)*?

Следовало специально поставить вопрос о борьбе форм на *-ива- (-ыва-)* и параллельных им древних образований на *-а-*, имевшей место во время развития нашего литературного языка. Ведь несмотря на то, что новым, живым и продуктивным средством являются образования на *-ива- (-ыва-)*, в некоторых случаях у нас утвердились образования на *-а-*. Так, например, в старинном литературном языке была распространена такая форма, как *посыльвать* (мы находим различные образования ее, например, у Котошихина), в современном же языке утвердилась форма *посылать*.

Наконец, как уже было сказано, хотя рассматриваемый раздел и носит название «Глаголы многократного вида», собственно вопрос о многократных глаголах здесь почти не затронут, поскольку беспредставочные образования на *-ива- (-ыва-)*, а также некоторые другие рассмотрены недостаточно. Образования эти сравнительно поздние. По памятникам они встречаются в единичных случаях в XIV в., изредка в XV в. и широко представлены в XVI—XVII вв., а также в литературном языке XVIII в. На протяжении XIX в. они в нем убывают, в советской же литературе до известной степени вновь оживают, хотя никогда не достигают той употребительности, которая была им свойственна в XVIII и отчасти в начале XIX в. По говорам они сохранились и в настоящее время, но распространены неравномерно. Широко представленные в северновеликорусских говорах, по крайней мере в их северной части, они почти совершенно отсутствуют в южновеликорусских говорах. Судьба этих образований в различные периоды истории нашего современного литературного языка представляет большой интерес как в связи с вопросом о диалектной основе этого языка, так и в связи с вопросом о соотношении книжных и живых элементов в нем.

Из частных вопросов, связанных с этими образованиями, следовало бы остановиться, во-первых, на их употреблении (как в памятниках, так и в говорах почти исключительно в прошедшем времени с особым временным значением и в инфинитиве с отрицанием; отступление от этого представляют, кажется, лишь фольклорные тексты), а во-вторых, опять-таки на чередовании корневого гласного. Интересно, что наиболее ранние заведомые образования этого типа, производные от глаголов с корневым *o*, содержат в корне *a*: ср. *не качивати* в договорной грамоте Дмитрия Донского с князем Сергудховским и Боровским Владимиром Андреевичем 1389 г. Следует заметить, что грамота эта московская, а московские грамоты XIV в. явно обнаруживают северную, суздальскую диалектную основу. Корневое *a* в таких образованиях становится и является впоследствии нормой для московского письменного языка. Ср. даже в переводе

грамматики Доната у Дмитрия Толмача, написанном вообще на церковнославянском, а не на русском языке того времени (подлинник первой половины XVI в., дошедшие до нас списки второй половины XVI в.), такие формы, как *хачива* (от *хотѣти*). В свете этих фактов снова встает вопрос о приведенных уже формах с *о* из литературного языка XVIII и начала XIX в.

Прежде чем перейти к другим вопросам, следует остановиться на некоторых объяснениях рассматриваемых явлений, которые предлагает С. П. Обнорский. При разборе различных диалектных вариантов возвратной частицы автор останавливается, между прочим, на характерной для части северновеликорусских говоров её форме *-се* (см. стр. 85).

С. П. Обнорский, возражая Колосову, выводившему *се* из *ся*, отрицает возможности фонетического объяснения представленного в данном случае изменения $a > e$. Он считает происхождение частицы *се* непонятным, допуская с некоторым сомнением влияние возвратного местоимения *себе*. Не решая вопроса о происхождении указанной частицы, считаю необходимым сказать, что объяснение *e* из *a* фонетическим путем не может считаться совершенно необоснованным. Фонетические явления конца слова вообще представляют большие трудности для объяснения, поскольку конец слова большей частью содержит какие-то морфологические элементы. Между тем изменение в безударном положении *a* после мягких согласных в северных говорах вообще возможно даже в положении перед твердыми согласными. Так, например, мы находим это изменение, в частности, в первом предударном слоге именно в тех северных говорах, где распространена возвратная частица в форме *-се*. Кроме того, С. П. Обнорский не говорит о другой возможности (и не высказывает своего отношения к ней), которая указана Б. Гавранком в его монографии, посвященной залогам глагола в славянских языках. Эта возможность — развитие данной северновеликорусской формы (равно, как и соответствующей белорусской) из общеславянского **se*, являвшегося энклитическим вариантом к ударному **se*, подобно тому как в древнеиндийском языке энклитический вариант *mā* выступает без конечного носового согласного в параллель к ударному варианту *mām*¹. Следует заметить, что на работу Гавранка у С. П. Обнорского вообще нет ссылок, хотя первый том ее вышел еще в 1928 г. Что касается до форм, восходящих к *те*, *ѣ*, *se*, то они лишь впоследствии получили в славянских языках значение энклитических, первоначально же выступали как ударенные².

В разделе, посвященном формам настоящего времени, спорным является объяснение развития форм типа *тощишь* вместо *тащишь*, которые С. П. Обнорский связывает с диссимилятивным аканьем, поскольку они наблюдаются главным образом в соответствующих говорах. Этой связью и объясняется, по его мнению, тот факт, что указанные формы наблюдаются лишь у глаголов с основой на *-i-*, но их нет, например, у таких глаголов, как *пахать*. Инфинитив последних содержал в корне *z*, вследствие чего и не было стимула для развития корневого *o* на месте старого *a*. Формы с *a* на месте *o* (типа *лавишь*) являются, по мнению С. П. Обнорского, позднейшими и вызванными формами типа *тощишь*; они распространены вообще в акающих говорах, но не исключительно в диссимилятивно акающих. В результате развития таких форм появляются и обратные новообразования типа *красим* вместо *красим* (стр. 99).

Формы с *o* вместо этимологического *a*, даже если отбросить распространение их на части окающей территории, не обнаруживают связи именно с диссимилятивным аканьем, хотя С. П. Обнорский отмечает лишь особенное изобилие форм с *o*, а не постоянное распространение их в говорах с диссимилятивным аканьем. Однако об относительной частоте тех или иных форм еще трудно судить на основе тех далеко не полных источников, которыми пользовался С. П. Обнорский; можно лишь фиксировать наличие соответствующих форм. И даже в том случае, если территория более широкого распространения соответствующих форм совпадает с территорией диссимилятивного аканья, должен быть поставлен вопрос, свидетельствует ли это совпадение о генетической связи явлений. Непонятно, почему формы типа *пхать* могли воспринимать происхождению *o* в формы настоящего времени. Ведь *z* в первом предударном слоге в диссимилятивно акающих говорах развивался как из *a*, так и из *o*; *o* же указывает на то, какой звук здесь должен был быть этимологическим, а сменяет этимологическое *a* (как и *a* в других глаголах сменяет этимологическое *o*) нефонетическим путем. Причина этой смены лежит скорее в другом. Отметим, что она широко представлена в тех глаголах, где исконным было постоянное ударение на окончаниях и где этимологические *o* и *a* вообще первоначально не выступали под ударением. При развитии же нового подвижного типа ударения, которое имело место именно на почве южновеликорусских говоров, *o* и *a* развиваются под ударением частью вне зависимости от этимологии. Так, устанавливается, например, *вѣришь* в соответствии со старыми *варѣть*, *варѣу*, *варѣшь*. И по-

¹ См. В. Н а в г á н е к, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I, Praha, 1928, стр. 78—79.

² См. А. Мейе, *Общеславянский язык* [перевод с французского], М., 1951, стр. 364—365.

тому-то и не развилась форма *пошешь*, что здесь издавна был подвижной тип и было *пáшешь* с ударным *а* (ср. серб. *páсати — páше̄м*). Наконец, следует сказать, что нет достаточных оснований к тому, чтобы считать формы типа *лавишь* (т. е. с ударным *а* вместо этимологического *о*) позднейшими по отношению к типу *с о* вместо этимологического *а*.

Сомнительной представляется и предполагаемая С. П. Обнорским генетическая связь между сохранением *е* в личных окончаниях настоящего времени I спряжения и диссимплативным аканьем (см. стр. 106).

Не вполне ясно, как следует понимать, что формы 3-го лица глагола без *т* «не менее древни в русском языке, чем формы с ...*т*» (стр. 133). Идет ли речь в данном случае о русском языке начиная с эпохи древнейших памятников, или о русском (восточнославянском) языке начиная с момента выделения его из общеславянского языка-основы? Или же С. П. Обнорский предполагает, что в ряде случаев форм без *-т* вообще никогда не было? Но последнее предположение вообще было бы непонятно. Вызывают также известные сомнения соображения о первоначальном семантическом разграничении форм с *т* и без *т*. Соответствующее место книги С. П. Обнорского подверглось довольно подробному разбору (сравнительно с другими местами) в рецензии на эту книгу Т. П. Ломтова¹. Однако сам Т. П. Ломтов не рассматривает поставленный им вопрос до конца, и его рассуждения в свою очередь возбуждают много вопросов. Он указывает на то, что в восточнославянских языках неизвестны возвратные формы без *-т* (даже в тех языках и диалектах, где формы без *-т* вообще распространены). Чем это может объясняться? Если предположить, что имело место отпадение конечного *т* и что оно осуществилось уже после агглютинации возвратного местоимения, значит, это отпадение имело место очень поздно. А нам известны формы без *т* уже в древнейших памятниках.

Возможно, что формы без *т* образуют два различные в историческом отношении слоя: древний, еще частью на общеславянской почве, возможно, представляющий собой результат воздействия форм с вторичными окончаниями на формы с первичными окончаниями, и позднейший, осуществляющийся по говорам в сравнительно недавнее время. Это позднейшее отпадение могло быть связано с редукцией, ослаблением конечного согласного, особенно перед паузой. Следует заметить, что в некоторых говорах конечное *-т* произносится без взрыва, слышится очень слабо, вследствие чего формы с *-т* и без *-т* даже трудно различимы на слух.

Непонятно, почему С. П. Обнорский связывает наблюдающиеся в некоторых северных говорах формы с *е* наряду с *о* в тех же условиях с закрытостью слога, на основании чего и формы с конечным *-е* в 3-м лице ед. числа типа *иде, жге* он считает восходящими к формам с конечным *-т* (см. стр. 108—109). В закрытом слоге, напротив, скорее мы ожидали бы *о*, а не *е*, поскольку после него чаще идет твердый согласный (исконный или рано отвердевший).

Очень существенный вопрос — это вопрос о фонетической основе морфологических явлений. В некоторых случаях такая основа несомненна. Но в части случаев фонетические объяснения, предлагаемые С. П. Обнорским, вызывают известные возражения. Таково фонетическое объяснение происхождения причастных форм на *-миш*. Морфологическое объяснение (под воздействием старой причастной формы *възъмши*) не удовлетворяет С. П. Обнорского. Он считает, что если бы форма на *-миш* возникла под воздействием этого причастия, в настоящее время шире бы сохранилась исходная форма *възъмши*. По его мнению (см. стр. 230—232), эта форма является, возможно, результатом фонетического изменения («фонетическим продуктом», как он выражается), происшедшего в говорах, которые имели *ѣ* в соответствии с *е*. По каким-то причинам фонетического характера губной спирант в этой форме оказался замещенным губным же взрывным звуком носовой артикуляции. Гипотеза эта представляется мало вероятной. Автор не обосновывает сколько-нибудь убедительно предполагаемого им изменения, которое к тому же охватывает лишь одну форму. Следует заметить, что фонетическое изменение фрикативного согласного (тем более неслогового гласного, каким является *ѣ*) во взрывный вообще явление редкое; обычно мы наблюдаем обратную картину — изменение взрывного согласного в фрикативный в результате ослабления артикуляции. Кроме того, нельзя сказать, что распространение формы на *-миш* совпадает с изменением *е > ѣ* перед согласными. Эта форма широко распространена между прочим в Московской области, а также в южной части северновеликорусского наречия (в говорах владимирско-повоужской группы). Изменения же *е > ѣ* на этой территории, по крайней мере в большинстве говоров, нет; *е* на этой территории рано приняло губнозубной характер, на что указывают древние московские и ростово-суздальские памятники, не знающие мены *у/ѣ*. Если взять вологодские говоры, знающие изменение *е > ѣ* перед согласным, то, как показывают материалы, приводимые самим С. П. Обнорским, там формы на *-миш* употребляются изредка и лишь от отдельных глаголов (главным образом от *взять* — *възъмши*, что и понятно), и обычно наряду с формами на *-шиш* (в одном и том же говоре).

¹ «Р. яз. в шк.», 1954, № 5.

С. П. Обнорский указывает, что формы типа *взёмши* чрезвычайно редки; в связи с этим следует указать на приводимые самим же Обнорским формы на *-омши* и от других глаголов, встречающихся в говорах: *получомши, спросёмши, молотёмши*.

Наблюдающиеся в северо-западных говорах формы деепричастий на *-лиши* (тип *пришолши, поелши*) С. П. Обнорский связывает с изменением *в* и *л* в *й*. Он считает, что формы эти принадлежат исключительно диалектам, знавшим изменение *л > й* перед согласными. Но эти формы допускают и иное объяснение. Они наблюдаются в части тех говоров, где широко распространено употребление деепричастия прошедшего времени в качестве сказуемого в особом, а именно перфектном, временном значении. В этих же говорах в качестве сказуемого могли употребляться (в значении обычного прошедшего времени) и формы на *-л*. В процессе употребления формы деепричастий на *-лиши* и формы прошедшего времени на *-л* могли в ряде случаев соприкасаться, в результате чего возникала контаминированная форма на *-лиши*.

Заслуживает внимания предположение об отвердении согласного в возвратной частице первоначально в зависимости от предшествующего твердого согласного, прежде всего *-л* в прошедшем времени и *т* в 3-ем лице настоящего времени (см. стр. 72, 78, 82). Впрочем это предположение высказывалось и до появления настоящей книги¹.

Как уже было сказано, в книге уделено большое внимание географическому распространению рассматриваемых явлений. Некоторые из этих соображений требуют, однако, поправок и уточнений. По поводу страдательно-безличного оборота и близких к нему по значению случаев употребления деепричастия на *-лиши* в качестве сказуемого С. П. Обнорский замечает, что территории их распространения почти полностью совпадают (см. стр. 159). Данное утверждение неточно; об этом свидетельствуют и материалы, использованные С. П. Обнорским, которые показывают, что в некоторых говорах оба эти оборота сосуществуют, большей же частью они представлены в разных говорах. Употребление деепричастия в качестве сказуемого наблюдается в западной части северновеликорусского наречия, а также на юге, в области южновеликорусского наречия, оборот же страдательно-безличный в большей степени распространен в восточной части северновеликорусского наречия. В материалах атласа северо-западных говоров во всех без исключения обследованных пунктах мы находим деепричастия в качестве сказуемого, но далеко не везде, судя по этим материалам, имеется страдательно-безличный оборот. По старым данным это явление считалось специфически северным, и программа Московской диалектологической комиссии для южновеликорусских говоров его не предусматривала. Но и старые материалы приводили к мысли о том, что, возможно, указанное явление распространяется и на юг. Материалы, собранные в последние годы, подтверждают подобное предположение.

Некоторые весьма интересные факты, относящиеся к морфологии глагола, остались в рецензируемой работе совсем не рассмотренными, некоторые же хотя и затронуты, но изучены недостаточно. Как уже говорилось, совершенно не исследованы (и в говорах, и в литературном языке) многократные (бесприставочные) образования, выступающие как в говорах, так и в литературном языке (особенно старинном — XVIII и начала XIX в.) также и в значении особого давнопрошедшего времени².

Не рассмотрено весьма интересное явление, характерное для некоторых говоров северо-запада. Оно заключается в том, что в основе глагола появляется задненебное *ж* в соответствии с, *ш* других говоров и литературного языка, т. е. возникают формы типа *волоховать* (ср. *голос*), *опойховать* (ср. *поле*), *мехать* (вместо *мешать*) и т. д. Правда, эти формы обнаружены главным образом в последние годы в процессе собирания материала для атласа северо-западных говоров, но некоторые указания на них имеются и в более ранней литературе, например в статье В. И. Чернышева³.

Система ударения в глаголе в целом осталась в рецензируемой работе не рассмотренной; имеются по данному вопросу лишь некоторые разрозненные замечания. Между тем эта область представляет большой интерес как в отношении говоров, так и литературного языка. Ударение в глаголе (как, впрочем, и в имени) различно для северновеликорусских и южновеликорусских говоров; определенные изменения наблюдаются и в развитии литературного языка, начиная с XVIII в.: в литературном языке все больше распространяются новообразования, идущие из южных говоров.

Следовало обратить внимание на утрату в некоторых говорах согласования в страдательном причастии, т. е. на развитие из страдательного причастия новой неизменяемой формы, подобной деепричастию. Этот вопрос лишь слегка затронут в работе в связи с рассмотрением страдательно-безличного оборота. Между тем отсутствие согласования наблюдается порой и в страдательно-личном обороте (ср. *сено сежен*). При рассмотрении же страдательно-безличного оборота следовало специально обратить вни-

¹ Ср. В. Навгайек, указ. соч., стр. 42.

² Об этих образованиях в литературном языке см. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 545—549.

³ См. В. Чернышев, Говор Пушкинского района, сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936.

мание на образование в говорах, знающих этот оборот, страдательных причастий от непереходных глаголов и на возможность переходного значения страдательных причастий, образованных от переходных глаголов (ср., с одной стороны, *уезано*, а, с другой, *у волков короу јидено*).

Недостаточно уделено внимание при рассмотрении форм литературного языка, а в некоторых случаях и диалектных, вопросам стилистического использования соответствующих форм книжного, церковнославянского происхождения. Во многих случаях необходимо поставить вопрос, является ли та или иная форма живой в данную эпоху или же она обусловлена жанром и стилем и идет от книжной традиции. При этом нужно иметь в виду, что соотношения живого разговорного языка и книжной традиции как для разных жанров, так и для разных эпох развития нашего литературного языка весьма различны. Автор же в некоторых случаях не делает должного разграничения между теми и другими формами, рассматривая их как бы в одном плане.

На стр. 117 автор лишь констатирует, что «редкие экземпляры» «старых форм» 2-го лица единственного числа на *-ши* встречаются в стихотворной речи XVIII в., но не обращает внимания на то, что для данного времени указанные формы не просто являются остатками старины (если признать — что вообще является не вполне установленным — эти формы характерными и для живого древнерусского языка), но идут из церковнославянского языка.

При рассмотрении причастий (стр. 204) также следовало бы больше обратить внимания на то, какие черты их восходят к церковнославянскому источнику, а какие идут из живой речи. Так, например, случай утраты в страдательных причастиях прошедшего времени, образованных от глаголов с основой на губные, эпентетического *л* (*ушибена* вместо *ушиблена* и т. п.) могут идти из старославянского языка (ср. *благословен*), с другой же стороны, они могут быть и диалектного происхождения; в различии тех и других форм необходимо разобраться.

Приведем еще несколько мелких замечаний.

На стр. 35 при разборе глаголов на *-ива*, *-ыва* автор указывает на последние как на чисто русские образования, которым в древнеболгарском соответствуют иные, например: *ходити* — *хаждати*, *летѣти* — *лѣтати*, *просити* — *прашати*. Следует сказать, что, во-первых, образование *хаждати* развивается на болгарской почве сравнительно поздно, оно отсутствует в основных древнеболгарских памятниках, во-вторых, отношение *летѣти* — *лѣтати* свойственно было и древнерусскому языку, о чем сам же автор в другом месте и говорит, сохранилось оно и в современных русских говорах, причем в некоторых говорах, различающих рефлекс *е* и *ѣ* в предударном положении, *летать* отражает в корне *ѣ*, а не *е*.

На стр. 59 говорится, что памятники едва ли не до XVI в. дают нам факты подвижного употребления *-ся* при глаголе. Однако можно указать и на памятники XVII в. с подвижным *-ся*.

На стр. 65 приводятся случаи диалектного употребления возвратной частицы *-ся* при страдательных причастиях (типа *жененось* и т. п.). Следовало сказать, что возвратная частица выступает лишь при страдательном причастии, являющемся сказуемым страдательно-безличного оборота, причем чаще всего при взаимном значении, хотя ее употребление возможно и при просто непереходном значении.

На стр. 72 почему-то автор котласскую запись *стелѣцце* считает неточным графическим изображением.

На стр. 94 какой-то недосмотр или опечатка: говорится о замене в глаголах с подвижным ударением корневого *о* через *а*; приводимые примеры представляют преимущественно замену этимологического *а* через *о*, и лишь дальше идут примеры с *а* вместо этимологического *о*.

На стр. 106, рассматривая сохранение *е* без перехода в *о* в личных формах настоящего времени в некоторых рязанских говорах, автор указывает на то, что в соответствующих говорах отражается *е* и в иной лексике. Следует сказать, что эти данные неточны и соответствующие говоры вообще не отражают изменения *е* в *о* как фонетического явления.

На стр. 113, прим. 1, форма *кормѹ* вместо *кормѹ* («кормлю») разъясняется как результат диссимилиции. Такая диссимилиция (изменение мягкого согласного после мягкого в твердый) весьма сомнительна.

На стр. 118 говорится о мягком *-т* в 3-м лице множественного числа в северных говорах (например, *ведутя*). Следовало бы добавить, что речь здесь идет специально о глаголах I спряжения.

На стр. 152 форма *рек*, частая в поэзии начала XIX в., рассматривается как дольше других сохранившаяся форма аориста. Но здесь скорее старый перфект, перешедший в обычное прошедшее время, архаический лишь по корню, с закономерной утратой конечного *л* после согласного. Простого аориста с огласовкой корня *е* мы не находим уже в древнейших памятниках, как русских, так и старославянских.

На стр. 156 значение деепричастия, употребляемого в говорах в качестве сказуемого, определено как «качественное состояние, в котором предмет находится в данный

момент». Н. Н. Дурново указывал на соответствие этой формы по значению старому перфекту¹.

На стр. 194 (в самом начале раздела «Причастия») говорится, что «причастия в русском языке — категория, обязанная воздействию на книжный русский язык древнеболгарского языка». Обо всех причастиях этого сказать нельзя. Краткие страдательные причастия сохранялись как живая категория разговорной речи на всем протяжении истории русского языка, вплоть до настоящего времени.

На стр. 195 автор особо останавливается на причастии *падуший* от глагола *пасть* и с полным основанием указывает на возможность употребления этого глагола в прошлом в значении несовершенного вида. Можно было бы, помимо приводимых здесь соображений, сослаться еще на старое причастие настоящего времени (в русской форме), ставшее в современном языке прилагательным — *падуший* (например, в сочетаниях *падушая болезнь, падушая звезда*)².

На стр. 201, в дополнение к перечисляемым прилагательным с суффиксом *-м-*, происходящим являющимися страдательными причастиями (и, таким образом, служащим подтверждением того, что и живому древнерусскому языку были свойственны различные категории причастий), можно было бы более широко распространенное в древнерусском языке *орамы* и т. п.³. В некоторых частях книга производит впечатление недоработанности. Этим, возможно, объясняется и отсутствие в ней ряда важных разделов, о чем говорилось выше. Видимо, болезнь последних лет помешала автору сдать работу в печать в том виде, в каком он сам хотел бы ее видеть.

Можно сделать, наконец, и упрек типографии. Книга печаталась в ленинградской академической типографии, и мы ожидали бы более строгого сохранения всех транскрипционных обозначений. Например, на стр. 167 и 168 неточно переданы сербские примеры: *крѣсти* вместо *крѣсти*, *рѹштити* вместо *рѹшити*.

Хотя книга в целом и не включает, как уже было сказано, результаты исследований последних лет, тем не менее в ней представлен обширный конкретный материал, тщательно систематизированный и проанализированный и сопровождаемый многими весьма интересными, хотя местами и спорными теоретическими обобщениями. Труд С. П. Обнорского, несомненно, явится настольной книгой любого лингвиста, занимающегося изучением современного состояния морфологического строя русского языка и его исторической морфологией.

П. С. Кузнецов

Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954. 263 стр⁴.

Перевод книги современного китайского языковеда Ван Ляо-и (Ван Ли) «Основы китайской грамматики» представляет большой интерес для советского читателя. Китайские ученые много сделали в области изучения своего родного языка. Их грамматические теории во многом оригинальны и часто не совпадают с представлениями, распространенными в западноевропейском и русском языкознании. Взгляды китайских языковедов по отдельным вопросам китайской грамматики несомненно оказали определенное влияние на советское Китаеведение; некоторые грамматические термины классической китайской филологии («полные», т. е. знаменательные, и «пустые», т. е. служебные, слова) вошли во многие работы по общему языкознанию. Однако перевод работы проф. Ван Ляо-и является первой книгой на русском языке, дающей более или менее полное представление о всех основных вопросах китайской грамматики с точки зрения ученого-китайца.

Книга проф. Ван Ляо-и рассчитана на неподготовленного читателя, знающего китайский язык как родной, но не занимавшегося его теоретическим изучением. Автор включил в нее преимущественно те положения, которые он считал бесспорными и наиболее важными. Надо отметить, что очень многие существенные особенности грам-

¹ См. Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 337.

² Ср. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Варшава, 1895, стр. 171.

³ Ср. В. Наврѓанек, Genera verbi..., II, Прага, 1937, стр. 58.

⁴ Перевод с китайского Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня, предисл. А. А. Драгунова и Л. Д. Позднеевой, примеч. А. А. Драгунова. Первое издание книги Ван Ляо-и в Китае вышло в 1946 г.; перевод сделан с 4-го стереотипного издания (Ван Ляо-и, Чжунго юйфа ганъяо, Пекин, 1951).

матических взглядов проф. Ван Ляо-и характерны и для большинства других китайских лингвистов.

Едва ли не важнейшей отличительной чертой изложения грамматики китайского языка у проф. Ван Ляо-и является отсутствие морфологии как самостоятельной дисциплины. Отсутствие морфологии в работах большинства китайских языковедов объясняется, повидимому, тем, что словообразование она обычно не включает в грамматику¹, а показатели грамматических категорий рассматривают как служебные слова или частицы, которые могут отделяться от оформляемых ими знаменательных слов и, следовательно, не входят в состав определенного слова или во всяком случае характеризуют не слово как таковое, а член предложения. Например, морфему *ды* проф. Ван Ляо-и рассматривает как показатель определения (стр. 34), грамматические показатели категории вида — *ла* и *чжо* — считает оформлением не глагола, а глагольного сказуемого (стр. 109) и т. п. Таким образом, главное место в «Основах китайской грамматики» занимает синтаксис.

Что касается частей речи, то их проф. Ван Ляо-и тоже не связывает с морфологией, рассматривая их как классификацию слов, основанную «почти исключительно на значении» (стр. 45). Правда, Ван Ляо-и говорит о служебных морфемах, являющихся показателями отдельных частей речи (стр. 47), но, повидимому, не придает им большого значения. Несколько более подробно говорит он о связи между принадлежностью слова к определенной части речи и функциями, которые слово может выполнять в предложении (стр. 48—51).

С классификацией слов по частям речи связана предлагаемая проф. Ван Ляо-и классификация простых предложений китайского языка. Проф. Ван Ляо-и выделяет три типа простых предложений: предложение-сообщение, предложение-описание и предложение-суждение. В первом из них сказуемое обычно бывает выражено глаголом, во втором — прилагательным, в третьем — существительным.

Однако соответствие между типами предложения и частями речи — не всегда полное. В особенности много переходных случаев между предложением-сообщением (глагольное сказуемое) и предложением-описанием (сказуемое, выраженное прилагательным). Проф. Ван Ляо-и указывает два грамматических признака предложения-сообщения: сказуемое этого предложения может иметь дополнение и оформляться при помощи грамматических показателей вида. Предложение-описание же обозначает постоянное или по крайней мере существующее очень долго качество; если сказуемое, выраженное прилагательным, оформляется показателем вида, оно уже не обозначает постоянного признака и становится сказуемым предложения-сообщения. С другой стороны, если глагол имеет при себе морфему, придающую ему пассивное значение и, следовательно, лишаящие его способности иметь дополнение, он употребляется как сказуемое предложения-описания². Итак, при определенном оформлении или в составе определенных сочетаний прилагательное может быть употреблено как сказуемое глагольного типа, и наоборот.

Существует и еще один переходный случай между предложением-сообщением и предложением-описанием, не отмеченный в книге проф. Ван Ляо-и: это — предложение со сказуемым, выраженным так называемыми глаголами не-действия (*\цзидэ* «помнить», *\синь* «верить», *\на* «боиться», *\сихуань* «любить», *\сян* «быть похожим» и др.). Эти глаголы могут иметь дополнение, но никогда не оформляются показателями вида и обозначают постоянное или длительное свойство человека.

Предложение-суждение более четко отграничено от двух других типов, так как существительное может быть сказуемым т о л ь к о в предложении-суждении³. Поэтому,

¹ Так, в «Лекциях по грамматике и стилистике» Люй Шу-сяня и Чжу Дэ-си сведения по словообразованию включены в раздел лексики; см. Л ю й Ш у - с я н , Ч ж у Д э - с и , Юйфа сюэ цзянхуа, Пекин, 1954, стр. 37—38. В «Основах китайской грамматики» Ван Ляо-и, где вопросы лексики не затрагиваются, словообразование рассматривается в главе, посвященной основным языковым единицам китайского языка — слогу, слову и словосочетанию.

² Некоторые из морфем, перечисленных в этой связи на стр. 136 рецензируемой книги, в с е г д а придают глаголу пассивное значение; таковы *\кэ* «можно», *\хао* «хорошо», *\гоу* «достаточно» и т. п. Другие, как, например, *-дэ* «можно» и *-будэ* «нельзя», не обязательно лишают глагол способности иметь дополнение; так, на стр. 177 проф. Ван Ляо-и приводит (по другому поводу) пример: *\Во \ши \шоу-будэ \чжэян / мо / чжэ ды* «Я не перенесу таких мучений». В этом предложении глагол *\шоу* «переносить» присоединяет к себе *-будэ* и в то же время имеет дополнение. Но во всяком случае глагол в сочетании с перечисленными на стр. 136 морфемами, независимо от того, утрачивает он дополнение или нет, не может оформляться показателями вида, и, следовательно, предложение с таким глаголом в качестве сказуемого не имеет одного из признаков предложения-сообщения.

³ На стр. 109 проф. Ван Ляо-и говорит, что некоторые существительные могут, оформляясь показателями вида, употребляться как сказуемое предложения-сообщения.

строго говоря, правильнее было бы выделять в китайском языке не три, а только два основных типа предложений — именное (со сказуемым, выраженным существительным) и глагольное (со сказуемым, выраженным глаголом или прилагательным)¹; предложение-сообщение и предложение-описание в таком случае будут лишь двумя подтипами глагольного предложения, связанными между собой рядом переходных случаев.

Как предложение-сообщение, так и предложение-описание могут быть превращены (по крайней мере формально) в предложение-суждение; для этого к сказуемому предложения присоединяется морфема *ды*, превращающая его в имя, а перед сказуемым вставляется связка (стр. 146—147). Одинаковая возможность такой конструкции, содержащей связку и морфему *ды*, тоже сближает между собой предложение-сообщение и предложение-описание и противопоставляет оба эти типа предложению-суждению.

В связи с вопросом о классификации простых предложений у проф. Ван Ляо-и следует сказать еще несколько слов относительно категории вида. В большой работе Ван Ляо-и «Принципы китайской грамматики»² перечисляются семь видов, существующих в китайском языке (см. об этом стр. 245, прим. 14 рецензируемой книги); однако в рецензируемой книге он рассматривает только три из них — совершенный, длительный и недавнопрошедший. Выбор этот, повидимому, не случаен. Дело в том, что показатели этих трех видов — морфемы *-ла*, *-чжо* и сочетание *лайчжо* — фактически обозначают не только вид, но и время (в то время как видовые показатели, не упоминаемые в рассматриваемом труде, имеют действительно чисто видовое значение): *-ла* и *лайчжо* указывают на прошедшее время, а *-чжо* — на настоящее (в том числе на настоящее относительное, т. е. на совпадение времени действия с моментом речи, а с каким-нибудь другим моментом, указанным в предложении). Правда, проф. Ван Ляо-и приводит ряд примеров употребления *-ла*, где речь идет о действиях, ожидающихся в будущем. Но это возможно только в том случае, если *-ла* оформляет сказуемое придаточного предложения (тогда *-ла* указывает на предшествование одного действия другому) или же все предложение в целом обладает определенной модальностью; вне этих особых условий *-ла* все же выражает именно прошедшее время. Таким образом, морфемы, которые проф. Ван Ляо-и рассматривает в рецензируемой книге как показатели вида, правильнее считать показателями смешанных, видо-временных категорий.

Интересна развиваемая проф. Ван Ляо-и теория сложного предложения. Ван Ляо-и различает два случая:

1. Предложение включает в свой состав конструкцию с предикативной связью, которая в целом выступает в функции одного из членов этого предложения, например: *-Вомынь \ бу чжидао Чжан сяньшэн /лай* «Мы не знали, что господин Чжан придет». *-Чжан сяньшэн /лай* «Господин Чжан придет» — это конструкция с предикативной связью, которая может быть употреблена и как самостоятельное предложение; но в данном примере она является лишь частью другого предложения, выполняющая в нем функцию дополнения. Остальная часть предложения — *-вомынь \ бу чжидао* — не может быть употреблена отдельно как законченное высказывание, так как в ней отсутствует дополнение. Предложение, содержащее конструкцию с предикативной связью, в рецензируемом труде называется «объемлющим предложением». В других своих работах проф. Ван Ляо-и рассматривает такое предложение как простое.

2. Предложение состоит из двух конструкций с предикативной связью, которые не входят одна в состав другой и не выполняют функций членов предложения, а связаны между собой при помощи союзов или благодаря отсутствию между ними паузы, например: */Ни сыла, -во \ цзо /хэшиан* «Если ты умрешь, я стану монахом». Каждая из частей этого предложения (разделенных в транскрипции запятой) может быть употреблена как самостоятельное предложение. Только этот второй случай проф. Ван Ляо-и рассматривает как сложное предложение (стр. 170).

«Объемлющее предложение» соответствует русским сложноподчиненным предложениям с придаточным определительным, придаточным дополнительным, придаточным подлежащим и т. п. Конструкции с предикативной связью, выступающие в функции того или иного члена предложения, проф. Ван Ляо-и классифицирует на основании тех же принципов, что и обычные члены предложения, выраженные отдельным словом.

К настоящим сложным предложениям проф. Ван Ляо-и относит сложносочи-

ния. Очевидно, имеются в виду такие случаи, как пример С на стр. 110. Однако в этом примере слово *Унай*, которым выражено сказуемое, является глаголом («кормить грудью»), а не существительным; оно остается глаголом, и без специального оформления, в то время как соответствующее существительное ввиду — *найцзы* «молоко» имеет именную суффикс *-цзы*.

¹ Подробнее см. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I — Части речи, М.—Л., 1952, стр. 92.

² См. Ван Ли, Чжунго юйфа лизунь (Принципы китайской грамматики), т. I, 2-е изд., Шанхай, 1951, стр. 283—284.

ненные предложения (стр. 171), а также сложноподчиненные с придаточным временным, условным, уступительным, мотивировочным (с союзом \setminus цзи или \setminus цзи / жэнь «поскольку»), причинным, целевым и результативным¹ (стр. 177). Автор только перечисляет эти типы сложноподчиненных предложений, не давая никакой классификации их. Между тем такая классификация (основанная на грамматических, а не только на смысловых критериях) возможна. Прежде всего, предложения с придаточным цели и результата отличаются от всех остальных тем, что в них «главная» часть предшествует «зависимой» (т. е. главное предложение — придаточному), а не наоборот (см. стр. 183, 185), а также тем, что союзы в предложениях этих двух типов этимологически являются глаголами или прилагательными. Остальные сложноподчиненные предложения, у которых на первом месте — зависимая часть, можно в свою очередь разделить на две группы, различающиеся по оформлению главной части. Одну группу образуют предложения с придаточным временным, условным, мотивировочным и причинным. Главная часть этих предложений может содержать союзы \setminus цэю, \setminus бянь «то», «тогда» или /цай «только тогда» (по происхождению являющиеся наречиями). В другую группу входит сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным. В главной части этого предложения никогда не употребляются \setminus цэю, \setminus бянь и /цай, но может быть употреблен союз *ve* «все-таки», «все равно» (тоже происходящий от наречия) и некоторые другие².

С «объемлющим предложением» проф. Ван Ляо-и сближает две другие грамматические конструкции: предложение, содержащее сказуемый оборот, и «последовательно связанное предложение».

Сказуемый оборот, так же как конструкция с предикативной связью, входит в состав предложения, являясь каким-нибудь его членом. Главным словом сказуемого оборота является глагол, который может иметь при себе дополнение или обстоятельство, но не имеет собственного подлежащего, например: \setminus Цзай / бу \setminus би \setminus ци / шу во ды \setminus няньтоу «Пусть у вас больше не возникнет и мысли о том, чтобы выкупить меня» (стр. 156). Слова / шу во «выкупить меня» являются сказуемым оборотом. Они не образуют конструкции с предикативной связью, так как глагол / шу «выкупить» не имеет подлежащего; в переводе на русский язык ему соответствует неопределенная форма глагола. В то же время само слово / шу в китайском примере не является неопределенной формой: оно имеет то же оформление (целое), которое оно имело бы и в функции сказуемого.

Однако примеры сказуемых оборотов, приводимые проф. Ван Ляо-и в рецензируемой книге (стр. 156—158) и в других работах (см. о них стр. 254—256, прим. 3 и 5), неоднородны. Сравним следующие две группы примеров³:

1. \setminus сян \setminus си \setminus фан / сюнь \setminus чжао \setminus чжэнь \setminus ли ды / жэнь \setminus у «люди, стремившиеся найти истину на Западе»;

/ Си / жэнь \setminus чжао \setminus шюу \setminus цэю та «Ся-жэнь, делая ей знак рукой, зовет ее».

2. / шу во ды \setminus няньтоу «мысль о том, чтобы выкупить меня»;

/ Цэю / Эго / жэнь ды \setminus лу — \setminus чжэ \setminus цэюши / цэ \setminus лунь «Идти по пути русских — таков был вывод».

В этих примерах глаголы / сюнь \setminus чжао «стремиться найти» (дословно «искать»), \setminus чжао «делать знак», / шу «выкупить», / цэю «идти» (вместе с зависящими от них словами) представляют собой сказуемые обороты, поскольку все они не имеют собственного подлежащего. Однако сказуемые обороты в примерах первой группы (с глаголами / сюнь \setminus чжао и \setminus чжао) обозначают действия, совершаемые определенным действующим лицом, указанным в предложении (соответственно — / жэнь \setminus у «люди» и / Си / жэнь). При этом связь между действием и определенным действующим лицом в обоих примерах узнается из структуры предложения, т. е. она выражена грамматически, а не угадывается по смыслу: сказуемый оборот, являющийся определением к существительному (первый пример первой группы), обозначает действие лица, обозначенного этим существительным, а сказуемый оборот, определяющий настоящее сказуемое предложения (второй пример той же группы), относится к тому же действующему лицу, что и само сказуемое, — к лицу, обозначенному подлежащим. Напротив, в примерах второй группы сказуемый оборот обозначает действие отвлеченно, без отнесения его к какому бы то ни было определенному действующему лицу;

¹ Мы в данном случае пользуемся общепринятой в советском языкознании терминологией. У самого проф. Ван Ляо-и отсутствуют термины «придаточное предложение» и «главное предложение»; автор говорит иногда только о «зависимой» и «главной» частях сложноподчиненного предложения.

² Кроме предложений с придаточным уступительным, существуют и некоторые другие типы сложноподчиненных предложений, не указанные в «Основах китайской грамматики», в которых главная часть тоже не может быть оформлена при помощи союзов \setminus цэю, \setminus бянь и /цай. Эти предложения можно объединить в одну группу с придаточным уступительным.

³ Все примеры (кроме последнего) привожу в сокращенном виде.

даже если действующее лицо и можно угадать, то только по контексту, а не по конструкции предложения.

Между примерами первой и второй групп имеется и еще одно различие. Глагол в составе сказуемых оборотов первой группы может оформляться служебными морфемами *-ла* и *-чжо*, как и настоящее глагольное сказуемое. Примеры употребления *-ла* и *-чжо* в сказуемом обороте, являющемся определением к сказуемому, приводятся на стр. 158; оформление глагола в сказуемом обороте, являющемся определением к существительному, встречается реже, но все же оно вполне возможно. В сказуемых оборотах второй группы глагол не может быть оформлен морфемами *-ла* и *-чжо* (но, между прочим, может образовывать формы с чистовидовым, а не видо-временным значением).

Сказуемый оборот, соотношенный с действующим лицом и допускающий оформление, свойственное обычному глагольному сказуемому, может быть в предложении только определением — определением к существительному или определением к сказуемому (т. е. обстоятельством). Сказуемый оборот, обозначающий действие отвлеченно, употребляется в общем в тех же функциях, что и конструкция с предикативной связью; в частности, обе эти конструкции не могут употребляться как определение к сказуемому (обстоятельству).

«Последовательно связанное предложение», которое проф. Ван Ляо-и тоже сближает с «объемлющим предложением», состоит из двух конструкций с предикативной связью, причем какое-то слово, составляющее часть первой конструкции, одновременно является подлежащим второй конструкции. Последовательно связанное предложение проф. Ван Ляо-и иллюстрирует примером: *Ни \ цзяо та / лай* «Позови его», дословно: «Ты велл ему прийти» или «Ты вели, чтобы он пришел» (стр. 164). В этом предложении он находит две предикативные связи: *ни \ цзяо та* «ты вели ему» и *та / лай* «он придет»; слово *та* «он» входит как дополнение в состав первой из этих конструкций и как подлежащее — в состав второй.

Под названием «последовательно связанного предложения» проф. Ван Ляо-и объединяет несколько довольно разнородных конструкций, причем толкование, которое он им дает, в ряде случаев вызывает сомнения. Так, приведенный выше пример (*Ни \ цзяо та / лай*) едва ли правильно рассматривать как содержащий две предикативные связи. Этот пример можно перестроить следующим образом: *Ни ба та \ цзяо лай* «Ты его позови». Слово *та* «он» здесь вынесено вперед и поставлено перед глаголом *\ цзяо*; оно не находится в непосредственном соседстве со словом */ лай*. Это доказывает, что *та* является прямым дополнением к *\ цзяо* и не связано грамматически с */ лай*; последнее в действительности имеет в этом примере не знаменательное значение («прийти»), а служебное (в служебном значении */ лай* указывает, что действие, обозначенное предшествующим глаголом, — в нашем примере глаголом *\ цзяо*, — направлено в сторону говорящего лица: «позови его с ю д а»). Следовательно, */ лай* не создает второй предикативной связи. Точно так же служебными словами являются *\ цяо* в примерах группы 2 (стр. 165—166), *\ ю (лэйю, /у)* в примерах группы 4 (стр. 167), *\ ши* в примерах группы 11 (стр. 167—168).

Описывая специфические грамматические конструкции китайского языка, проф. Ван Ляо-и часто указывает на большие отличия грамматического строя китайского языка от строя европейских языков. При этом он подчеркивает, что различия между языками в области их грамматического строя ни в коем случае не должны истолковываться как свидетельство превосходства одного языка над другим: «...грамматические формы в языке любого народа — древнего или современного, в Китае или за границей — дают возможность выразить любую мысль; если в языке какого-либо народа отсутствует определенная грамматическая конструкция, то там существует другая конструкция, заменяющая первую. И тот, кто в зависимости от наличия какой-нибудь одной грамматической конструкции будет утверждать, ... что язык народа А лучше языка народа Б, докажет лишь свою пристрастность к этим языкам» (стр. 75).

«Основы китайской грамматики» не являются, конечно, полной грамматикой китайского языка. Многие важные вопросы в этой книге затронуты только мимоходом. Читателю, желающему получить более подробные сведения относительно того или иного грамматического явления, большую помощь окажут составленные А. А. Драгуновым примечания, где по всем спорным или недостаточно освещенным у проф. Ван Ляо-и вопросам указывается литература на китайском и русском языках. Помимо описания грамматического строя китайского языка, книга проф. Ван Ляо-и содержит (в двух первых главах) элементарные сведения о китайской фонетике и иероглифической письменности.

Русский перевод «Основ китайской грамматики» несомненно будет способствовать более глубокому знакомству советских востоковедов и лингвистов с языком великого китайского народа.

Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. (Курс лекций.) — Изд-во Моск. ун-та, 1954. 204 стр.

Следует приветствовать начинание кафедры русского языка Московского университета, направленное на создание учебных пособий по курсу современного русского языка. В 1953 г. вышло под ред. акад. В. В. Виноградова коллективное руководство по морфологии, а осенью 1954 г. опубликована рецензируемая работа проф. Е. М. Галкиной-Федорук.

Книга Е. М. Галкиной-Федорук составлена в соответствии с программой вузовского курса современного русского языка и содержит материалы по вводной части (41 стр.) и лексике (42—220 стр.). Как видно из соотношения страниц, вопросы лексикологии занимают в пособии основное место. Автор обстоятельно, с привлечением большого иллюстративного материала, в доходчивой форме излагает важнейшие проблемы лексикологии и семасиологии. В заключительной главе сообщаются основные сведения из области русской лексикографии.

Работа Е. М. Галкиной-Федорук — учебник, а не монографическое исследование в области лексикологии. Поэтому нельзя требовать от автора самостоятельного решения освещаемых им вопросов, тем более, что научные интересы ее тяготеют к другой области — к области синтаксиса современного русского языка. К учебнику должны быть предъявлены иные требования. Всякое учебное пособие должно заключать понятное для читателей изложение основных проблем той или иной науки, сделанное на уровне современного ее состояния.

Учитывая сказанное, следует положительно охарактеризовать выполненный Е. М. Галкиной-Федорук труд. Подготовленный ею учебник, при отсутствии других популярных работ по русской лексикологии, составленных на основе положений современного языкознания, безусловно, окажется ценным пособием для многочисленных слушателей курса современного русского языка университетов и педагогических институтов нашей страны. Но, являясь первым опытом создания учебного пособия по русской лексикологии в последискуссионный период, книга Е. М. Галкиной-Федорук не лишена целого ряда серьезных недостатков, на которые будет указано ниже.

Критические замечания, которые мы считаем необходимым сделать, будут двоякого рода. В одних случаях автора можно упрекнуть за то, что он преподнесения читателям тех или иных вопросов, в других — необходимы возражения по существу. И те и другие недостатки книги в настоящей рецензии специально не разграничены друг от друга.

Остановимся вначале на первой части, излагающей введение к курсу современного русского языка. На стр. 4 говорится о задачах курса, которые, по словам автора, заключаются в том, чтобы:

- 1) помочь студенту теоретически изучить словарный состав и грамматический строй русского языка;
- 2) дать возможность практически освоить нормы современного русского литературного языка;
- 3) привить изучающим великий русский язык ту любовь и интерес к нему, которые он заслуживает;
- 4) показать изучающим русский язык его богатство и мощь, его огромное значение в жизни общества, в области производства, науки, искусства, политики;
- 5) показать, что русский язык — действительно острейшее орудие развития и борьбы.

Задачи изучения русского языка, как нам кажется, сформулированы здесь недостаточно четко и последовательно. Привить любовь и интерес к изучению русского языка (третья задача) можно успешно, конечно, лишь после того, как преподаватель показал «изучающим русский язык его богатство и мощь» (четвертая задача). Пятая же задача входит в четвертую, ибо показ огромного значения языка в жизни общества — это вместе с тем и есть показ языка как «острейшего орудия развития и борьбы».

На той же странице сообщается о составе курса современного русского языка. Здесь указывается, что данная дисциплина включает в качестве первой своей части «лексику и лексикологию, изучающие словарный состав и устойчивые обороты русского литературного языка». Эта формулировка может привести к ошибочным представлениям. Из цитированного высказывания следует, что существует якобы две науки — лексика и лексикология; можно подумать, что первая из них занимается словарным составом, а вторая — устойчивыми оборотами. Как известно, лексика — это словарный состав языка, а лексикология — наука о словарном составе, наука, изучающая лексику. Поэтому данное автором определение относится не к лексике и лексикологии, а только к последней. Надо заметить, что правильно и достаточно четко сказано об этом на стр. 42: «Лексикой называется совокупность слов какого-нибудь языка»; «лексика... подвергается изучению в особом разделе науки о языке — лексикологии». Тем более нежелательной является путаная формулировка в вводной части учебника.

На стр. 7 сообщается об отличии литературного языка от общенародного русского языка. Автор указывает, что последний включает «всю совокупность речевых средств русского народа, в том числе совокупность всех живых диалектов». Понятие общенародного языка сформулировано автором в самой общей форме и вряд ли окажется понятным для приступающих к изучению курса. Ведь общенародный язык не является столь же конкретной формой речевого общения, как, например, литературный русский язык или какой-либо из его диалектов. Следовало бы отметить, что основой общенародного языка является то общее в словаре, звуковой системе, грамматическом строе, что объединяет литературный русский язык и диалекты. Благодаря наличию этой общей основы и можно говорить об общенародном языке, как о совокупности всех речевых средств русского народа. Желательно было бы в этом разделе сказать о том, что следует считать русским национальным языком: общенародный русский язык или же только его литературную форму. Это остается неясным для читателя.

Как известно, важнейшей отличительной чертой русского литературного языка является его нормированный характер. О существующих нормах этого языка говорится на стр. 10—12, причем необходимость их объясняется так: «вследствие того, что литературный язык — высшее достижение речевой культуры народа, к литературному языку предъявляются известные требования, в нем существуют нормы» (стр. 9). Это объяснение является весьма нечетким и не раскрывает причины нормированности литературного языка. Наличие определенных норм свойственно всякой форме языка, в том числе и диалекту. Неверно возмущено часто встречающееся утверждение о том, что в диалектах нет никаких норм. Ведь в любом диалекте существуют известные особенности в области словоупотребления, фонетики, грамматического строя. Пользующийся тем или иным диалектом вынужден соблюдать эти особенности, которые и составляют нормы данного диалекта. Но нормы (или правила речевого употребления), свойственные диалектам, никем сознательно не регулируются, их развитие никем не контролируется. Другое дело в литературном языке, где производится сознательный отбор существующих норм языкового общения, где их развитие направляется определенным образом учеными, писателями, школой и т. д.

Наличие в языке правил речевого употребления обусловлено его общественной природой, т. е. тем, что язык призван обслуживать как средство общения тот или иной коллектив людей. Эту же свою функцию язык может выполнить только при условии соблюдения говорящими существующих в языке норм. Литературный язык является высшей формой общенационального языка, обслуживающей культурные потребности народа. В нем соблюдение определенных норм приобретает особо важное значение, ибо оно имеет задачей поддерживать единообразие языка.

Автор приводит много примеров наиболее часто встречающихся случаев несоблюдения норм литературного языка. Но было бы желательным в разделе о нормах упомянуть не только об отклонениях от них, об ошибках, а сказать и о самих нормах, чего, к сожалению, мы не находим. Говорится о том, что не принято, а о принятом в литературном языке, о важнейших его правилах не сообщается. Можно было бы, например, сказать о правилах произношения гласных, употребления грамматических форм, построения предложений.

В особом разделе говорится о разновидностях устной и письменной формы русского литературного языка. На стр. 13 сообщается, что русский общенародный язык может быть литературным и нелитературным. «Нелитературный русский язык, понятный в основном для каждого русского человека, не единообразен, не монолитен и не имеет письменной формы. В нем имеется две формы: 1) разговорно-устная прозаическая форма, которая обслуживает общение масс и включает в себя простонародные и просторечные элементы, и 2) устно-поэтическая форма, которая имеет свои специфические формы образительности, особые приемы народной поэзии».

В этом высказывании автора много непонятного. Что такое нелитературный язык? Диалект это или нет? Если под нелитературным языком имеется в виду совокупность диалектов, то неясно, как она может быть понятна для «каждого русского человека». Ведь отдельные диалекты этим свойством не обладают. Автор указывает на две формы нелитературного языка, из которых первая «разговорно-устная прозаическая» и обслуживает общение масс. Так ли это? Можно ли утверждать, что в современных условиях диалекты «обслуживают общение масс»? Думается, что нет, так как основным средством общения масс в наше время становится литературный язык, все более и более вытесняющий местные диалекты. Нам кажется, что Е. М. Галкиной-Федорук вообще не надо было прибегать в своем курсе к такому недостаточно определенному понятию, как нелитературный язык. Гораздо проще и яснее было бы говорить о делении общенародного языка на литературный язык и народные говоры.

Касаюсь устной и письменной формы литературного языка, Е. М. Галкина-Федорук пишет, что «в устной форме он является языковым материалом лекций, докладов, выступлений на сцене, даже беседы-разговора, рассказа, но без примеси просторечных и диалектных элементов...» (стр. 13).

С таким определением устной формы литературного языка нельзя согласиться.

Употребление устной формы литературного языка в качестве материала лекций и докладов не является типичным. Ведь языковое оформление лекций и докладов осуществляется обычно в плане требований письменной речи. Как в свое время указывал Л. В. Щерба, основной формой письменного языка является монолог, повествование (что мы имеем в лекциях и докладах), а устной речи — диалог. Следовательно, для устной формы характерно прежде всего использование ее в разговоре, диалоге. А автор книги об этом сообщает с некоторой оговоркой («даже беседы-разговора»).

Правда, несколько ниже говорится о делении устного литературного языка на устно-разговорный и устно-книжный. Но, к сожалению, об устно-разговорной разновидности в вводной части учебника почти ничего не сказано, автор ограничивается рассмотрением стилевых разновидностей письменной формы литературного языка.

Вызывает ряд возражений и раздел вводной части, касающийся стилевых разновидностей письменной формы литературного языка (стр. 14 и сл.). Прежде всего неясно, почему автор говорит здесь только о стилевых разновидностях письменной формы литературного языка? Ведь проблема стиля касается языка в целом, а не только его письменной формы.

Е. М. Галкина-Федорук намечает ряд таких стилевых разновидностей: стиль художественной литературы, стиль научный, стиль техническо-производственный, стиль общественно-публицистический, стиль канцелярский, стиль эпистолярно-повествовательный. Намечая перечисленные выше разновидности, автор отстает от поставленной им цели — дать обзор стилей письменной формы языка, ибо среди намеченных им разновидностей есть и такие, которые имеют отношение к устно-разговорной форме. Например, можно ли стиль техническо-производственный, обслуживающий, по словам автора, нужды общения в производстве, целиком относить к письменной форме литературного языка? Нам думается что нет.

В вводной части отсутствует определение стиля. Между тем, прежде чем говорить о стилевых разновидностях языка, следовало бы сказать вообще о стиле. Правда, об этом упоминается кратко в VI главе, но то, что там сказано, недостаточно и не свободно от противоречий.

Отметим две неточности, нежелательные в учебнике. Так, о жаргонах русского языка сказано, что они «о б с л у ж и в а ю т не народные массы, а узкую эксплуататорскую верхушку общества» (стр. 19). Далее о местных диалектах говорится, что они «в благоприятных условиях могут развиться в самостоятельные языки» (там же; разрядка в обоих случаях наша. — К. Т. и А. Б.). Само собой разумеется, что то и другое положение справедливо только по отношению к прошлому, поэтому здесь уместнее было бы употребить подчеркнутые нами глаголы в прошедшем времени.

Переходя к обзору основной части учебника, посвященной вопросам лексикологии, надо признать, что содержащийся там материал, безусловно, окажется полезным для студентов, занимающихся изучением курса современного русского языка. В этой части книги в доходчивой форме изложены важнейшие проблемы лексикологии в соответствии с учебной программой. Заслугой автора является привлечение большого количества удачно подобранных иллюстраций, облегчающих усвоение курса. Но вместе с тем и раздел лексикологии вызывает ряд критических замечаний. Прежде всего окажется неоправданным отказ автора от общепринятого разграничения лексикологии и семасиологии. В учебнике вообще нет последнего термина. Между тем выделение семасиологии как особого раздела, занимающегося изучением значения слов, а вполне оправдано научной традицией и методически.

В первой главе (стр. 42—73) автор излагает учение о слове как лексической единице. На стр. 45 указывается, что «слово оформляет, формулирует общее представление или понятие как единицу мышления». Следует по этому поводу заметить, что слово как единица речи выражает только понятие, но не представление. Отношение к тем или иным представлениям носит индивидуальный характер. Надо устранил поэтому из приведенного выше положения упоминание об о б щ и х п р е д с т а в л е н и я х, что не соответствует, кстати, и современной логической и психологической терминологии.

Далее Е. М. Галкина-Федорук останавливается на лексическом значении или лексической стороне слова. «Лексической стороной слова называется соотносительность слова с каким-либо явлением, которое отразившись в нашем сознании, оформилось в виде понятия и облеклось в тот или иной звуковой комплекс» (стр. 45); «лексическое значение в слове — это установленная говорящим коллективом связь звукового комплекса с теми или иными явлениями действительности...» (стр. 47).

Нам кажется, что лексическое значение (или лексическая сторона) слова определяется автором недостаточно ясно и точно. Из приведенных цитат следует, что лексическое значение слова — это его соотносительность (через понятие) с миром явлений или вещей. Такое понимание лексической стороны слова обедняет и суживает ее. Совершенно бесспорно, конечно, что слова отражают предметы и явления объективной действительности. Эта способность слов составляет то, что называется их предметной соотносительностью. Так, предметная соотносительность слова *стол* проявляется в способности дан-

ного слова обозначать предметы, известные под этим названием. При этом предметы обозначаются словами не непосредственно, а лишь при помощи соответствующих понятий об этих предметах. Но значение (лексическая сторона) слова не исчерпывается понятием. Если бы было так, тогда лексическое значение слов, обозначающих одни и те же предметы в разных языках, было бы абсолютно тождественным, чего, однако, в действительности нет. Так, вряд ли можно было говорить об абсолютном тождестве лексической стороны таких слов, как русск. *согласие* — лат. *concordia*, русск. *сокровенность* — укр. *потаємність* и т. д.

Понятие лежит в основе значения слова, оно является определяющим для лексической стороны слова, но последняя шире того понятия, которое лежит в ее основе. Лексическое значение слова возникает на почве органического единства различных элементов, в том числе понятия о предмете, обозначаемом словом, внутренней формы слова, его эмоциональной окрашенности, характерной для многих слов смысловой соотнесенности с другими словами. Несмотря на связь с одним и тем же понятием, русск. *согласие* и лат. *concordia* не совпадают своей лексической стороной вследствие различия их внутренней формы, грамматического значения и различия в смысловой соотнесенности с другими словами.

Автора интересует вопрос, «в каком отношении к понятию находится значение слова? Совпадают ли значение и понятие в слове?», но разрешается он не в плане установления специфики лексической стороны слова. Е. М. Галкина-Федорук полагает, что с понятием связано значение не всех слов. Она указывает на слова, не заключающие в себе логического понятия. Конечно, такие слова имеются, например собственные имена людей (названия местностей, рек, морей и т. д. сюда не относятся, ибо они могут содержать определенные понятия о том, что ими обозначено; ср., например, Москва, Волга, Китай и т. д.), междометия. Но сомнительно, чтобы слово *сосна*, обозначающее конкретное дерево, было лишено понятия. А это, повидимому, следует из приведенного ниже несколько неясного рассуждения автора: «Понятие относит предмет к какому-то кругу явлений; например, *осел* — животное, *роза* — цветок, *сосна* — дерево. Однако мы не можем сказать, что значение слова *сосна* — это дерево» (стр. 45). Нельзя согласиться и с тем, что служебные слова и местоимения не обозначают понятий. Связь с понятием (грамматическим) существует и для этих слов, но она весьма специфична и заметно отличается их от слов полнозначных.

На стр. 47 дается определение слова: «слово — это звуковая единица человеческой речи, обозначающая явления действительности в их расчлененности, грамматически оформленная и понимаемая коллективом людей, объединенных исторической общностью». В этом определении вызывает возражение наименование слова «звуковой единицей». Ведь данное определение касается не звуковой стороны слова, оно прежде всего должно характеризовать слово как л е к с и ч е с к у ю единицу.

Во втором разделе первой главы автор касается вопроса о многозначности слова. Справедливо отмечая ту большую роль, которую в жизни языка играет переносное употребление слов, Е. М. Галкина-Федорук не считает возможным согласиться с объяснением этого явления — ассоциативной связью представлений. Но автор не противопоставляет своей точки зрения отвергаемому объяснению. Между тем нет оснований отказываться от психологического истолкования (наряду с лингвистическим) явления переноса. Ассоциативные связи (или временные нервные связи, по терминологии акад. И. П. Павлова), имеющие место у отдельных людей, получают в известных случаях объективное отражение в языке и приобретают тем самым социально-значимый характер.

Е. М. Галкина-Федорук устанавливает пять способов переноса значений слов: 1) «...на основе сходства обозначаемых предметов по форме, по цвету, по характеру движений и т. д., т. е. на основе метафоры, метонимии»; 2) «...по смежности...», т. е. посредством метонимии»; 3) «...по отношению части к общему»; 4) «...в случае перехода слова из собственного в нарицательное»; 5) «...на основе общей функции» (стр. 54—55). Нам кажется, что в первом случае автор напрасно допускает перенос на основе метонимии. К первой группе (как свидетельствуют приведенные примеры) относятся только случаи переноса на основе метафоры. К области метафоры относятся и примеры переносного употребления на основе общей функции (пятая группа: *крыло* птицы, самолета и т. д.). Следовало бы упомянуть, что в основе примеров, помещенных в третьей группе, лежит так называемая синекдоха.

Как известно, наибольшее количество случаев переноса значения слова имеет в своей основе метафору. Было бы поэтому желательно более подробно рассмотреть явление метафоры в языке, которая иногда носит индивидуальный характер (так называемая поэтическая метафора), иногда же приобретает социальную значимость, что непосредственно и приводит к развитию многозначности слова.

В специальных разделах первой главы рассматриваются омонимы и синонимы. Е. М. Галкина-Федорук совершенно справедливо указывает, что многозначность слов следует отличать от омонимии. Она устанавливается на различных случаях омонимии в русском языке. Отмечаются четыре основных способа возникновения омонимов

(стр. 58—60); 1) «... в результате совпадения первоначально различных звучаний» (например, русск. *браж* и нем. *Brack*); 2) «... при совпадении звучания в процессе словообразования слов» (*засаливать* платье и *засаливать* капусту — от *сáлить* и *солить*); 3) «омонимы возникают и в области производных слов одной и той же непроемной основы. В таком случае значение вновь образованных слов должно настолько обособиться, что синонимы к одному из этих слов уже не могут быть синонимами к другому». Сюда автор относит такие случаи омонимии, как *заговорить* — начать говорить, *заговорить* — заколдовать посредством слова, *заговорить* — утомить разговором; 4) «омонимы возникают и при расщеплении одного слова на два и более, при разрыве между отдельными значениями одного и того же слова», например, *кулак* — сжатая кисть руки и представитель мелкой буржуазии.

Нетрудно заметить, что третий и четвертый способы образования омонимов фактически совпадают. И в том и другом случае находим разрыв между отдельными значениями одного и того же слова, что бывает при обособлении прямых и переносных значений. Надо добавить также, что второй способ сформулирован весьма неясно. При образовании омонимии несущественно, какая в слове основа — производная или непроемная. Главное — это разрыв смысловых связей между прямыми и переносными значениями слова.

В учебнике недостаточно четко указаны основные случаи омонимии в языке. Автор не останавливается на различиях между грамматической и лексической омонимией, ограничиваясь лишь кратким указанием на то, что «наши ученые больше уделяли внимания грамматической омонимии» и что «омонимия лексическая изучалась очень слабо» (стр. 58).

На стр. 62 указывается, что «под синонимами... в настоящее время понимаются слова, различные по звучанию, но или совпадающие, или близкие по значению». Из определения видно, что автор допускает возможность существования в языке слов, совпадающих по значению. С этим согласиться нельзя. В языке нет так называемых абсолютных синонимов, ибо какое-то, иногда трудно уловимое различие между синонимами всегда существует. Это различие может заключаться или в оттенках значения, или в стилистической окрашенности, или же в отличии внутренней формы, что не дает оснований говорить о полном смысловом совпадении даже таких близких слов, как *высокомерный* — *надменный*; *битва* — *сражение*; *языкознание* — *языковедение*; *аэроплан* — *самолет* и т. п. Автор смешивает две разные вещи: тождество логического содержания двух слов (т. е. одинаковость обозначаемых ими понятий) и тождество смысловой стороны, лексического значения этих слов.

Первое в языке вполне возможно. Имеется немало слов, обозначающих одинаковые понятия (*языкознание* — *языковедение*, *битва* — *сражение* и т. д.). Но лексическое значение этих слов не совпадает, ибо оно, как известно, не исчерпывается тем понятием, которое лежит в его основе. Приводимые автором на стр. 65 слова *доказывать* — *аргументировать* мы не можем признать абсолютно тождественными по своему лексическому значению (у них различна «внутренняя форма», различны смысловые связи с другими словами, различается и характер применения).

На той же странице автор сообщает, что «вопрос о том, насколько могут быть синонимами слова чужого языка и слова родного языка, пока еще не решен». Ограничиваясь этим беглым замечанием, Е. М. Галкина-Федорук оставляет читателя в неведении того, чем вызываются подобные сомнения, почему вообще требуется решение этого как будто вполне ясного вопроса. Сам автор не высказывает своей точки зрения (что надо было бы сделать), но в дальнейшем при рассмотрении фактического материала исходит из положения (правильность которого трудно оспаривать), что незнакомые и заимствованные слова могут оказываться в синонимических отношениях.

В разделе, посвященном синонимам, к сожалению, ничего не сказано о синонимических рядах. Между тем изучение существующей в языке соотносительности синонимов имеет чрезвычайно важное как теоретическое, так и практическое значение.

Во второй главе (стр. 74—89) рассматриваются лексические пласты русского языка в свете учения И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе.

Говоря о пополнении основного словарного фонда, Е. М. Галкина-Федорук указывает, что оно происходит «двумя путями: путем появления новых слов, в связи с развитием экономики, культуры, техники и т. д., и путем передвижения слов из словарного состава в основной словарный фонд» (стр. 83).

Нам представляется, что существует только один путь пополнения основного словарного фонда новыми словами — это передвижение слов из словарного состава в основной словарный фонд, что бывает, конечно, обусловлено развитием экономики, культуры и т. д. Слова не могут проникнуть в основной словарный фонд языка, минуя его словарный состав. Поэтому новые слова, появляющиеся в языке в связи с развитием экономики, культуры, техники и т. д., только тогда попадают в основной словарный фонд, когда употребление их приобретает устойчивый характер в течение длительного времени.

На стр. 85—87 рассматриваются основные разряды слов, входящих в словарный

состав русского языка. Автор здесь указывает различные группы слов. Против включения этих категорий слов в словарный состав русского языка нельзя возражать, но следует заметить, что автором не упомянута наиболее значительная группа слов — слова с производными основами. Известно, что существует определенное различие между словами с непроизводными и с производными основами по месту, занимаемому ими в лексическом строе языка. Слова с непроизводными основами (корневые), как правило, являются принадлежностью основного словарного фонда; слова же с производными основами, напротив, по преимуществу, находятся за пределами основного словарного фонда и составляют наиболее существенную часть словарного состава языка. Автором, к сожалению, совсем обойден вопрос об указанном здесь различии. В главе ничего не сказано о том, в каких случаях в основной словарный фонд могут входить слова с производными основами и когда эти слова находятся за его границами.

В третьей главе (стр. 90—112) автор касается составных элементов лексики современного русского языка с точки зрения ее исторического формирования. Первые разделы этой главы посвящены употреблению славянизмов в современном русском языке. Следует упрекнуть автора за то, что он не разграничивает двух близких, но вместе с тем весьма различных по месту и времени существования языков — старославянского и церковнославянского (см. стр. 90—91).

Многие из наличных в русском языке славянизмов (например, *собор, союз, сочетание, восстание, восторг, восход*) заимствованы в том звуковом оформлении, которое они получили в церковнославянском языке, и поэтому не могут быть названы старославянизмами. Удобнее всего поэтому, применительно к современному состоянию, говорить только о славянизмах, имея в виду под этим наименованием как церковнославянизмы, так и старославянизмы.

Е. М. Галкина-Федорук специально останавливается на различиях между славянизмами и русизмами. Она пишет, что славянизмы следует различать по происхождению, по стилю и по звуковому составу корня, но в дальнейшем не показано, каким образом следует применять указанные выше три критерия разграничения славянизмов. Правда, на стр. 92 сказано: «по происхождению к славянизмам следует отнести все те элементы, в которых имеются: а) неполногласные формы...; б) на месте русских звуков ч, ж стоят старославянские щ, жд... и т. д.» (далее перечисляются еще некоторые фонетические признаки славянизмов). Если это различие славянизмов «по происхождению», то что тогда следует иметь в виду под различием «по звуковому составу корня»? Надо добавить, что замечания наши в данном случае — не по существу изложенного материала, а по характеру (недостаточно ясному) его преподнесения. Следовало бы более полно рассмотреть фонетические отличия и особо выделить морфологические признаки славянизмов.

Четвертая глава (стр. 113—124) посвящена составу лексики современного русского языка с точки зрения ее социально-диалектного состава. Здесь можно отметить ряд повторений. Так, например, на стр. 118 опять говорится о необходимости борьбы с излишним употреблением иностранных слов (см. об этом же в разделе об иностранных словах в предыдущей главе, стр. 110—111), на стр. 119 опять подробно перечисляется ряд интернациональных терминов (см. ранее стр. 111—112).

Касаясь жаргонных элементов в современном русском языке, автор дает историческую справку о так называемом блате, которая, несомненно, вызовет недоумение читателей: «В эпоху феодализма, — пишет Е. М. Галкина-Федорук, — угнетаемые феодалами люди, не выносившие притеснений, бежали и составляли особые группы. Были определенные центры..., где эти люди оседали. Такие общества говорили на своем особом арго. Позднее в этом арго возникла дифференциация. Даже название людей, носителей этого арго, было в разных местах различным, например, в Москве их называли — жулики, в Петербурге — мазурики, в других местах — шпана, золоторотцы, галахи, коты, урки, уркаганы, золотая рота и др.» (стр. 123). Эта весьма неясная историческая справка может дать основание читателям полагать, что жулики, мазурики, шпана и т. д. — это люди, не выносившие притеснений феодалов и бежавшие от них в поисках справедливости.

В пятой главе (стр. 124—132), рассматривающей состав лексики современного русского языка с точки зрения выделения активных и пассивных слоев, в разделе о неологизмах довольно подробно говорится об излишнем словотворчестве некоторых поэтов, что не привело, как известно, к обогащению словаря русского языка. Но, к сожалению, автор ничего не сказал о неологизмах советской эпохи, появление которых заметно пополнило лексику русского литературного языка. Это является большим упущением.

Шестая глава (стр. 133—146) касается состава лексики современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической. В этой главе дается понятие о стиле, которое нуждается в большей ясности и четкости. Е. М. Галкина-Федорук начинает этот раздел словами акад. В. В. Виноградова «стиль языка — это семантически замкнутая, экспрессивно-ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той

или пной сфере общественной деятельности». Акад. Виноградов, как видим, дает определение языкового стиля, и питата эта как будто бы является установочной для автора. Но затем Е. М. Галкина-Федорук, развивая мысль В. В. Виноградова, дает определение стиля в совсем ином плане. Она уже говорит о стиле литературного произведения, стиле писателя (стр. 134). В дальнейшем же, касаясь лексических особенностей отдельных стилей (стр. 135—146), автор опять исходит из понятия языкового стиля. Получается, таким образом, противоречие, весьма нежелательное в учебнике.

В главе, как уже упоминалось, рассмотрены довольно подробно лексические особенности основных стилей языка. Материал, здесь собранный, окажется весьма полезным для изучающих курс лексикологии. Поэтому весьма досадными являются некоторые неточности, допущенные автором.

На стр. 136 говорится об эмоциональной лексике. Е. М. Галкина-Федорук правильно отмечает, что эмоционально окрашенная лексика выражает отношение к явлениям действительности: положительное или отрицательное. Но далее автор явно смешивает две вещи: название чувств, настроений человека и специально выражаемое средствами языка эмоциональное отношение говорящего к тому, что обозначается словом. Так, несмотря на то, что слово *доброта* выражает положительное качество, а *злость* — отрицательное — они оба лишены специальной эмоциональной окрашенности¹. Поэтому и неприятие к врагам родины является «положительным чувством, доброта к врагу — резко отрицательным» (стр. 136). Отсутствие в этих словах определенной эмоциональной окрашенности и позволяет употреблять их для обозначения как положительных, так и отрицательных с социальной точки зрения чувств человека. Это было бы невозможным для эмоционально окрашенной лексики. Так, слова *старикашка*, *валандается*, *шляется*, *жрет* мы не употребляем в отношении уважаемого нами человека; и, наоборот, такие слова как *домик*, *цветочек*, *крошечка*, *пташечка* неприменимы к предметам нам неприятным.

Автор делит эмоциональную лексику на следующие группы: 1) слова, обозначающие самые ощущения, эмоции и настроения: *отвращение*, *брезгливость*, *любовь*, *страх*, *нежность* и т. п.; 2) слова, выражающие лексически оценку явления и с точки зрения говорящего, и с точки зрения какой-либо общественной группы: *добрый*, *злой*, *ужасный*, *страшный*, *милый* и т. д.; 3) слова, в которых понятие о чувстве или ощущении обозначается не лексически, а посредством суффиксов или приставок эмоциональной оценки: *столик*, *домик*, *ручонка*, *деревушка* и т. п.

С таким составом эмоциональной лексики согласиться никак нельзя. Первая и вторая группы никакого отношения к ней не имеют. Только слова третьей группы обладают определенной эмоциональной окрашенностью. Автор не указывает еще одну категорию эмоционально окрашенной лексики — просторечные слова (ср. *жрать*, *лопать*, *болтаться*, *шляться* и т. д.).

На стр. 137 отмечается, что «вся лексика современного русского языка делится: 1) на лексику письменного литературно-книжного языка и 2) на лексику устного литературно-разговорного языка». Далее автор рассматривает состав лексики первой разновидности литературного языка, а о том, что представляет собой лексика устного литературно-разговорного языка, ничего не говорит.

На стр. 142 говорится уже о разговорно-бытовой лексике. Что это такое? То же самое, что и лексика устного литературно-разговорного языка, или же нет? Разговорно-бытовая лексика включает в себя следующие категории слов: 1) слова диалектные, 2) слова просторечные, т. е. обиходно-бытовые, 3) слова арготические, 4) слова вульгарные, 5) слова бранные. Если это то же самое, что лексика устного литературно-разговорного языка, то почему же в числе отмеченных автором пяти категорий слов мы не находим так называемой разговорной лексики (отмечаемой всеми словарями), которая, занимая весьма видное место, является лексикой и т е р а т у р н о г о языка. Автор не видит стилистического различия между разговорной лексикой и просторечием. Просторечие оказывается включенным в разговорно-бытовую лексику.

Просторечие определяется недостаточно четко и последовательно. На стр. 18 сказано, что «просторечьем обычно называется особый пласт слов, употребляемый в разговорно-бытовой речи, не вошедший в общелитературный язык». На стр. 143 автор, ссылаясь на Ю. С. Сорокина, соотносящего просторечные слова со словами высокого, книжного и делового характера, поддерживает его утверждение о том, что «просторечью отказывать в употреблении в литературном языке нельзя».

В разделе о просторечной лексике автор не говорит, что он сам понимает под просторечием, ограничиваясь цитатой общего характера из статьи акад. В. В. Виноградова и указанием на то, что «просторечные слова нельзя смешивать с диалектизмами» и что «это особая стилистическая категория слов». В числе примеров просторечных слов и выражений (стр. 143) мы найдем немало слов, относящихся к разговорной лексике (*закрутить*, *поговорить начистоту*, *в семье не без урода*; *кто в лес, кто по дрова* и т. д.).

¹ Автор в качестве примеров эмоциональной лексики называет также слова: *нежность* (обозначает положительное качество), *грубость* (отрицательное качество), *честность*, *задушевность* и т. д.

На стр. 144 имеется раздел «Внелитературная лексика». Читателю остается неясным назначение этого раздела. Что такое внелитературная лексика? Если это просторечие, то зачем говорить об этом еще раз под иным названием?

На стр. 144—145 говорится о вульгарно-бранной лексике. В этом разделе ничего не сказано о тесной связи данной категории слов с просторечием. Неточно замечание автора о том, что только к разговорно-бытовой речи относятся противополагающиеся вульгаризм и евфемизмы. Значительная часть евфемизмов носит и книжно-литературный характер: ср. *в положении, хороший стул, был небрежен с казенными деньгами* и др.

Мы не будем останавливаться на седьмой главе «Фразеология русского языка» (стр. 147—159), которая представляет собой довольно удачное изложение учения акад. В. В. Виноградова о фразеологических единицах русского языка, а также на восьмой главе «Основные законы словообразования в современном русском языке» (стр. 160—172), по содержанию которой у нас нет принципиальных замечаний, и перейдем сразу к последней девятой главе «Сведения по русской лексикографии» (стр. 173—202).

Не может не встретиться сочувствия стремление в общем пособии по лексике дать характеристику и оценку важнейших словарей русского языка. В девятой главе автор предпринял смелую попытку на немногих страницах выяснить возможные типы словарей русского языка и разобрать почти все из имеющихся. Такая задача осложняется в значительной мере тем обстоятельством, что весьма немногие словари обстоятельно разобраны и критически оценены вообще. Естественно, что автор наиболее важные в каком-нибудь отношении словари разбирает полнее, но и при этом его внимание распределяется слишком неравномерно: об одних словарях сказано очень лаконично, например: «В 1852 году вышел в свет „Опыт областного великорусского словаря“» (стр. 195), в то время как характеристика других, как, например, словаря В. И. Даля, излишне растягнута и содержит повторения одного и того же. Несколько многословно и в излишне полемическом для учебного пособия тоне ведется разбор «Словаря русского языка», составленного С. И. Ожеговым. Далеко не всегда характеристика отдельных словарей содержит самые существенные сведения о них. Так, при сравнительном разборе словарей Российской Академии не сказано, что существенным отличием второго издания является алфавитный порядок расположения слов в нем, а наряду с этим зачем-то указываются годы выхода томов по отдельным буквам, после того как уже указывались в отдельности годы выхода I—VI частей. Словорасположение в «Словаре Российской Академии» 1789 г. характеризуется неоправданно скупо: сказано только, что слова в этом словаре расположены «гнездами, по алфавиту» (стр. 176). Но и в словаре Даля гнездовое расположение слов, и в первых трех томах издающегося сейчас АН СССР словаря имеется гнездовой порядок расположения слов, однако сами приемы гнездования в каждом из этих трех словарей различны.

К сожалению, никак нельзя признать удачным итог разбора «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Справедливо считая словарь Даля «всобразным и оригинально-неповторимым явлением русской культуры, отмеченным печатью высокой талантливости», автор находит, что он «вместе с тем изобилует большим количеством необоснованных и неверных положений» (стр. 180). Не может считаться обоснованным и заявление автора о том, что «Даль был врагом всего иностранного, он считал, что нужно изгонять иностранные слова и употреблять только исконно русские» (стр. 180); «изгоняя иностранные слова, Даль заменял их словами, сочиненными им самим» (стр. 181). Сам В. И. Даль по этому поводу писал: «Мы не гоним общей апафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи...»¹; «От исключения их из словаря чужих слов, их в обиходе конечно не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка»².

Не все сведения даже чисто внешнего характера, которые сообщаются о словаре Даля, точны и достоверны. Так, на стр. 180 (то же повторяется и на стр. 181) говорится: «Даль в первом издании расположил слова гнездами, а в последующих изданиях — уже в алфавитном порядке». Как известно, до третьего издания включительно (четвертое издание стереотипное) гнездовое расположение слов в словаре Даля сохраняется. В третьем издании (редактированном проф. Бодуэном де Куртэнэ) слова выносились из гнезд и ставились на обычном месте по алфавиту с указанием, в каком гнезде искать то или иное слово, и лишь начиная с буквы *н* гнездовая система ограничивается, но все же сохраняется.

Из-за разбросанности сообщаемых сведений, разрозненности оценочных определений общая квалификация и оценка словаря Даля выходит неотчетливой и неясной, а место, занимаемое этим словарем в истории русской лексикографии, остается не-

¹ В. Даль, Полтора слова о русском языке (Полное собр. соч., т. X, СПб.— М., 1898, стр. 551).

² В. [И.] Даль, Напутное слово («Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, 2-е изд., СПб.— М., 1880, стр. XIV).

выясненным. И это тем более странно, что предельно сжатая, но исключительно верная и глубокая характеристика и оценка словаря Даля в письме В. И. Ленина от 18 января 1920 г. к А. В. Луначарскому приводится автором на стр. 187 при характеристике словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В. И. Ленин определяет словарь Даля как *о б л а с т н ы е с к и й* по основной его целенаправленности и лексическому составу, охватываемому им; автор же почему-то предпочитает назвать его «полуобластническим» (стр. 181). Непонятен заключительный абзац раздела о словаре Даля: «При всей талантливости и горячей любви к русскому языку В. И. Даль не мог разрешить вопроса создания словаря русского литературного языка» (стр. 184). В. И. Даль никогда не рассматривал свой словарь как словарь литературного языка, и не может поэтому считаться «недостатком» то, что есть настоящее достоинство словаря Даля, что именно и делает его «оригинально-неповторимым явлением русской культуры». В. И. Даль рассматривал и недвусмысленно характеризовал свой словарь как *о б р а щ е н н ы й* — он писал: «И... никогда и нигде не одобрял безусловно всего, без различия, что обязан был включить в словарь: выбор предоставлен писателю»¹.

Очень бегло и общо характеризуется работа по созданию словаря в Академии наук в конце XIX—начале XX вв. Нечетко разграничены направления в работе двух академиков — редакторов словаря — Я. К. Грота и А. А. Шахматова. Указывается, что «увеличение объема словаря повлияло на его структуру» (стр. 185). Важен не столько объем словаря, сколько точка зрения нового редактора А. А. Шахматова на взаимоотношения русского литературного языка и диалектов; расширение задач словаря исключало возможность показа семантической перспективы при характеристике слова и необходимость его стилистической квалификации.

Недостатки двух выпущенных томов (I и II) «Словаря современного русского литературного языка», издаваемого в настоящее время АН СССР, обозначены в слишком общих чертах и без достаточного убедительных примеров; достоинством словаря признается его явный недостаток: «принцип гнездового расположения, — говорится на стр. 186, — был избран правильно». В томах этого словаря, начиная с четвертого, гнездовое расположение устранено и заменено алфавитным, как более отвечающим справочному назначению издания. Характеристика «Словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в основном, возражений не встречает, но и в ней обращает внимание обычная для рецензируемой главы сосредоточенность автора на несущественном в ущерб более важному. Так, на стр. 188 в качестве недостатка системы помет этого словаря указывается на то, что «не всегда удается провести четкую грань между вульгарными словами и фамильярными, между канцеляризмами и словами официального языка», но не делается общего вывода о том, что вся система помет этого словаря уже сильно устарела².

Приводит читателя в изумление заключительная фраза рассматриваемой главы: «Таково состояние лексикографии в нашей стране в настоящее время» (стр. 202). Глава посвящена в основном словарям далекого прошлого, современную же лексикографическую работу могут — и то лишь отчасти — охарактеризовать разбираемые в книге недавно вышедший словарь С. И. Ожегова и составляемый в настоящее время словарь АН СССР (о работе над которым, кстати, сказано весьма немного и не все верно). О размахе лексикографической работы в нашей стране, ее уровне и успехах могут свидетельствовать двуязычные словари и работа над ними в многочисленных республиках нашей страны, огромное число двуязычных русско-иностранных и иностранно-русских словарей, вышедших и выходящих в советскую эпоху. Но этой стороны дела автор вовсе не касается, вследствие чего его обобщающий вывод просто необоснован.

Заканчивая критическое рассмотрение учебника проф. Е. М. Галкиной-Федорук, следует заметить, что, несмотря на наличие целого ряда недостатков, «Лексика» окажется полезной книгой для студентов и преподавателей филологических факультетов и, несомненно, будет с благодарностью принята широким кругом читателей. Обсужденные пособия на кафедрах русского языка и в печати поможет автору устранить недочеты и сделать исправления, необходимые для второго издания. Следует пожелать автору разгрузить книгу от излишнего количества цитат, которые усложняют пользование учебником и нередко приводятся не к месту. Необходимо ликвидировать и некоторые небрежности речевого оформления*.

К. А. Тимофеев и А. М. Бабкин

¹ Там же, стр. LXXXIII.

² Ср. рецензию В. В. Виноградова на «Русско-украинский словарь» («Сов. книга», 1950, № 2).

* Кроме опубликованной выше, в редакцию поступили еще две рецензии на книгу Е. М. Галкиной-Федорук — П. А. Сергеева и В. П. Никифорова. Эти авторы, в общем положительно оценивая учебное пособие проф. Галкиной-Федорук, в то же время отмечают некоторые существенные его недостатки как в освещении теоретических вопросов, так и в изложении фактического материала. — *Ред.*

В. С. Соколова. *Очерки по фонетике иранских языков*. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953: Вып. I — Белуджский, курдский, тальшский, татский языки — 150 стр.; Вып. II — Осетинский, ягнобский и памирские языки — 244 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

С появлением в печати работ В. С. Соколовой советское языкознание обогатилось новыми исследованиями по фонетике слабо изученных малописьменных и бесписьменных языков. Ее работы посвящены современным иранским языкам, представленным на территории Советского Союза.

Установление фонемного состава в языке малописьменном, а тем более в языке бесписьменном, о котором в литературе предмета нет каких-либо сведений, является задачей нелегкой. Материалы о фонетическом, грамматическом, лексическом строе многих бесписьменных современных иранских языков очень скудны. Работа В. С. Соколовой «Очерки по фонетике иранских языков» представляет большую ценность для иранистов, так как заполняет пробелы в современном языкознании и прокладывает путь к дальнейшему углубленному изучению фонетической (а также грамматической и лексической) стороны малописьменных и бесписьменных иранских языков. Свое исследование В. С. Соколова основывает на данных точного инструментального изучения фонетических явлений современных иранских языков. И в этом ее важнейшая заслуга не только перед советской, но и перед мировой иранистикой. Еще ранее В. С. Соколова опубликовала ряд ценных работ по фонетике таджикского, персидского и других языков¹, теоретические выводы которых она продолжает развивать и в настоящих «Очерках».

В. С. Соколова имеет предшественников в изучении фонетического строя ряда иранских языков как путем метода слухового, так и путем самонаблюдения. Изучение фонетического строя малописьменных и бесписьменных иранских языков, представленных на территории нашей страны и зарубежных, имеет глубокую традицию в русском языкознании (востоковедении). Изучением фонетического строя малописьменных и бесписьменных иранских языков начали заниматься в России уже в середине XIX в. Вс. Миллер, А. М. Шегрен и другие, а в наше время эту традицию продолжают развивать Н. И. Зарубин, Б. В. Миллер, В. И. Абаев, В. С. Соколова и другие. Применяя метод субъективного наблюдения над работой органов речи и используя слуховой анализ, русские лингвисты сделали много ценных открытий в фонетике живых иранских языков. Открытия эти не только не утратили в настоящее время своего значения, но, наоборот, были подтверждены В. С. Соколовой при помощи инструментального метода.

Настоящие «Очерки» основаны на непосредственном изучении иранских языков на местах, в походной обстановке. Работа по сбору фонетического материала велась с 1947 по 1950 г. Для одних языков материал собирался продолжительное время, с перерывами, для других — иногда лишь в течение нескольких дней (62, II)². Для проведения инструментального изучения фонетики в походных условиях автор применял (как и в предшествующих своих исследованиях) портативные экспедиционные аппараты. Осведомителями были люди, для которых данный язык являлся родным.

В двух томах рецензируемой работы представлены такие различные по звуковому строю и отдаленные в территориальном отношении языки, как белуджский, курдский, тальшский, татский, осетинский, ягнобский, а также памирские языки — шугнаноруханская языковая группа, язгулямский, ваханский и ишкашимский. Для каждого из этих языков автор в одних случаях уточняет, а в других устанавливает систему гласных и согласных фонем. Вслед за этим описывается субъективным и объективным методом инструментальной фонетики антропофоническая сторона фонем. Фонетическая (точнее, только звуковая) характеристика одного языка сопоставляется с характеристикой другого языка, диалекты сопоставляются между собой внутри одного языка, звуки одной группы иранских языков сравниваются со звуками другой. Сопоставление звуков автор проводит и в русском, и в тюркских, и в западноевропейских языках.

При сопоставлении звукового строя иранских языков автор выделяет не только те общие звуковые явления, которые связывают один язык с другим или одну группу языков с другими, но и показывает то особенное, что отличает языки друг от друга. Кроме того, автор отмечает архаичные и новые черты в звуковом строе данного языка.

Объем и детализация фонетической характеристики каждого языка зависит от степени изученности языка и от задач, поставленных предшествующими исследованиями. Естественно, что не все звуковые стороны языков, представленных в «Очерках», могли быть детально рассмотрены в рецензируемом труде, — это, конечно, не под силу одному человеку. Особое внимание было уделено изучению звукового строя того языка,

¹ См.: В. С. Соколова, *Фонетика таджикского языка*, М.—Л., 1949; В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад, В. А. Лившиц, А. И. Фархадян, *Новые сведения по фонетике иранских языков*, «Труды Ин-та языкознания», т. I, М., 1952.

² Арабскими цифрами обозначаем страницу, а римскими — том «Очерков».

который менее изучен или же представляет интерес с точки зрения выяснения фонетических закономерностей современных иранских языков.

Наиболее подробно в I и II томах «Очерков» дана характеристика длительности гласных, что объясняется необходимостью детального выяснения количественных взаимоотношений в вокализме иранских языков. В первом томе тщательному анализу при помощи инструментального метода подвергаются белуджский и курдский языки, а во втором — осетинский, шугнано-рушанская языковая группа, язгулямский и вахалский языки. Для белуджского, ягнобского и шугнано-рушанской языковой группы, а также частично для язгулямского характерно фонологическое противопоставление долгих и кратких гласных (43, I; 85, 64—70, 177, II).

Из согласных подробнее других описаны согласные белуджского и осетинского языков; с целью выяснения придыхательности, степени звонкости и места образования преграды проводились кимографические записи. Палатаграммы даны для языков курдского и ваханского (54—56, 72—77, 100—101, I; 49—58, 227—229, II). Звуковой состав остальных иранских языков был описан на основе слухового анализа и самонаблюдения над движением органов речи.

Для гласных всех языков автор создал таблицу в виде трапеции, в которой размечены гласные по степени расстояния между артикулирующей частью языка и нёбом. Узкие гласные размещены на вершине трапеции. Таблицы согласных представлены для белуджского, курдского, талышского, татского, ягнобского языков и для шугнано-рушанской языковой группы. Не все таблицы согласных одинаково точно отражают характеристику согласных. Например, для одних согласных переднеязычная артикуляция уточняется ее дорсальным и апикальным положением, а для других этого не имеется. То же самое находим в отношении фарингальных, согласных [r], [w] и других. Точную характеристику согласного читателю приходится искать в тексте (49, 136, I; 71, II и др.).

К очерку фонетики каждого языка в работе прилагаются тексты различного жанра, как-то: сказки, рассказы, политические статьи, отражающие главным образом обычную разговорную устную и письменную речь. Каждый текст сопровождается русским переводом. Некоторые из текстов представляют большую ценность для изучения фонетического, грамматического и лексического строя данного языка (например, для языков Памира), поскольку подобные тексты являются в настоящее время большой редкостью. Все тексты (исключая осетинский язык) даны в двух разновидностях фонетической транскрипции — в фонологической транскрипции, отражающей фонемный состав без ее вариантов, и в антропофонической. Текст, записанный в «детализованной», антропофонической транскрипции, отражает фонему во всех ее основных вариантах. Такие тексты помогут читателю проверить материальное описание фонемы.

Иногда такие фонетические тексты даются для всех диалектов одного языка, например, для татского, талышского, для шугнано-рушанской языковой группы. Сравнительные тексты даются также и в параллельной записи от лиц различных поколений (например, для татского языка). Такие сравнительные фонетические тексты дают возможность проследить звуковые соответствия по диалектам и между поколениями. К текстам ягнобского языка приложены некоторые сведения по грамматике и лексике (75, II).

Одним из кардинальных вопросов при сравнительном изучении фонетики современных иранских языков является количественное взаимоотношение гласных. Для современных иранских языков характерны различные средства фонологического противопоставления гласных. Так, одним языком свойственна фонологическая значимость длительности, в других языках фонологическое противопоставление основывается на качественном различии гласных (по месту образования и расстоянию между языком и нёбом).

Фонологическое противопоставление гласных по длительности является характерным фонологическим признаком для белуджского языка, ягнобского и шугнано-рушанской языковой группы. При общей основе вокализм отдельных диалектов этой языковой группы имеет, однако, и расхождения в количественном и качественном соотношении гласных фонем (86—129, II). Для язгулямского вокализма основной тип противопоставления фонем осуществляется по качественному признаку; однако признак длительности также имеет фонологическое значение, что проявляется в наличии долгого и краткого [ā] — [a] (177, II).

В большинстве современных иранских языков количественное противопоставление гласных почти исчезло и приняло иной фонологический характер. Здесь противопоставление идет по линии «редуцированности — нередуцированности»¹. Количество выступает не на первом плане, а в зависимости от качества гласного. Такое фонологическое явление характерно для гласных в языке курдов Туркмении, для инкашимского, ваханского, талышского, татского, таджикского языков (80, 110, 134, I; 221, 234, II).

¹ См. В. С. Соколова, Устойчивые и неустойчивые гласные, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)», Л., 1951, стр. 243.

Аналогичное фонологическое противопоставление характерно для гласных осетинского языка, где «сильные» гласные в противоположность «слабым» характеризуются большой качественной и количественной устойчивостью (13, 14, II).

В белуджском и ягнобском долгие гласные отличаются от своих соответствующих пар как по количеству, так и по качеству. Долгие являются более напряженными и полновзвучными. Долгие узкие [i], [ü] уже, чем соответствующие краткие, а долгие широкие, наоборот, шире своих кратких пар (67—69, 86—91, II). Аналогичное явление было отмечено ранее в немецком, английском, азербайджанском и других языках.

Как показывает материал автора, в иранских языках почти все гласные узкого образования, как краткие, так и долгие, короче, чем соответствующие широкие гласные; ср., например, длительность узких гласных [i], [y], [u] и [æ], [a], [o]. Такое же явление характерно для русского, английского, немецкого и других языков.

В разделе о согласных автор устанавливает определенную систему согласных фонем, показывает взаимоотношения согласных фонем друг с другом внутри одного языка, а также в различных языках. Как и в разделе о гласных, В. С. Соколова стремится выделить не только общие черты консонантизма иранских языков, но также и качественные признаки, присущие отдельным языкам.

Однако, как было отмечено выше, раздел о согласных разработан автором менее подробно, чем раздел о гласных, что было также оговорено самим автором (3, 4, I и др.). Большая часть антрофонических описаний согласных была сделана на основании субъективных наблюдений над работой органов речи во время произнесения согласных. Поэтому многие вопросы этого раздела требуют своего дальнейшего исследования инструментальным методом.

Во многих современных иранских языках наблюдается различная степень оглушения звонких смычных согласных. Звонкие согласные являются неполновзвучными в одних языках в конце и начале слова, а в других — только в конечном положении. Притом в конечном положении согласные больше оглушаются, чем в начальном положении. Полновзвучными согласные выступают только в интервокальном положении. Например, в белуджском звонкие конечные согласные заметнее оглушаются. Такое же положение наблюдается в курдском, талышском, татском, осетинском языках. Звонкие смычные в язгулямском и шугнано-рушанской языковой группе почти полностью оглушаются в исходе слова. Для шугнано-рушанской языковой группы характерно частичное оглушение даже и для звонких щелевых (94, 116, 140, I; 41, 139, 195, II и др.). Оглушение в осетинском и отчасти в белуджском автор доказывает кривыми кимографической записи (54—56, I; 49—58, II).

Придыхательность — непридыхательность является фонологическим признаком для противопоставления курдских [p], [t], [k], [ç]. При этом указанные согласные в конце своего звучания могут иметь звонкий взрыв. Видимо, это является отличительной чертой придыхательных только курдского языка, так как в других иранских языках подобного явления автор не отмечает (93, 94, I).

Придыхательность глухих смычных характерна также для многих иранских языков. В шугнано-рушанской языковой группе, татском (балаханский и сураханский говоры) придыхательность выражена слабо, а в язгулямском, в конахкентском и дивичинском говорах татского языка, талышском, осетинском — сильно (113, 140, I; 36, 139, 140, 195, II и др.).

Особенностью консонантизма осетинского языка является фонологическое противопоставление смычных звонких, смычных глухих придыхательных (ртовых) и смычных глухих непридыхательных гортанных. Глухие непридыхательные смычно-гортанные — это глухие смычные, сопровождающиеся параллельной смычкой в полости рта, смыканием голосовой щели, прекращающей доступ воздуха. Поэтому смычные гортанные могут быть только глухими, но не могут быть звонкими и придыхательными. Путем кимографических записей автор показывает, что размыкание голосовых связок при произнесении глухих смычно-гортанных отстает от взрыва смычки во рту (36, 49, 50, II)¹.

Для фонологического противопоставления белуджского языка характерно наличие переднеязычных дорсальных и переднеязычных ретрофлексных [ʈ], [ɖ]. Белуджские ретрофлексные [ʈ], [ɖ] слегка аффрицированы, т. е. смычка сопровождается не мгновенным, а постепенным взрывом, что дает на слух восприятие аффрицированности. Это положение убедительно иллюстрируется автором при помощи кимографических записей (53, 74—76, I). Ретрофлексные согласные имеются также в ваханском и частично в ишкашимском языках.

Отличительной чертой консонантизма шугнано-рушанской группы при сравнении с остальными современными иранскими языками (имеем в виду языки, которые исследовал автор) является наличие щелевых фонем типа [θ], [ð] (типа английских) и смычно-щелевых (аффрикат) [ç], [ʒ] (типа русского глухого и звонкого ц) (135, II).

¹ О возникновении и удельном весе смычно-гортанных в осетинском языке см. В. И. Абаева, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 518—525.

Язгулямский консонантизм имеет все фонемы, характерные для шугнано-рушанской группы и, кроме того, некоторые фонемы, представляющие специфику язгулямского консонантизма, — вульгарные заднеязычные округленные согласные [x^o], [γ^o], [ʒ^o], [k^o], [g^o], которые противопоставляются своим неокругленным парам (193, II). Противопоставление округленного и неокругленного [x^o] — [x] имеется в курдском, ягнобском, язгулямском и осетинском языках (97, I; 48, 72, II и др.).

Автор указывает, что в бесписьменных и малописьменных иранских языках происходит образование новых гласных и согласных фонем под влиянием письменных языков — языков междуреспубликанского значения. Эти наблюдения являются ценным материалом как для лингвиста, так и для историка, поскольку они дают возможность проследить и выявить связь истории языка с историей народа, говорящего на данном языке.

Необходимо отметить и ряд недостатков книги, которые не могут, впрочем, умалять ее достоинств. Очень часто, описывая антропофоническую сторону фонемы, автор определяет материальный признак фонемы как «фонологически безразличный», «незначимый», «внесуущественный» и как «фонологически существенный, значимый» (4, I; 222, II и мн. др.). Такое определение материальных признаков фонемы ведет к устранению изучения всех основных антропофонических признаков фонемы. Подобная трактовка фонемы противоречит принятому в отечественной лингвистике понятию о фонеме, как о целом, которое проявляется в ее частных материально значимых вариантах. С точки зрения смысловозначения, смыслоузнавания все материальные признаки фонемы одинаково существенны¹.

Так, описывая белуджский [n], автор пишет, что фонологически несущественно, какая часть языка соприкасается с альвеолами, так как в белуджском нет противопоставления согласных дорсальных, апикальных, ретрофлексных (58, I). Аналогичную мысль автор высказывает в отношении таджикских, язгулямских, шугнано-рушанских [t], [d], ваханских [l], [n] (221, 222, II и др.). В. С. Соколова указывает, что для гласных степень подъема языка фонологически незначима (11, 30, II и др.).

Такое пренебрежение к материальной стороне фонемы приводит автора к неточным материальным описаниям каждой фонемы. Описывая фонему и давая ей определение, необходимо исходить из изучения материального проявления фонемы. В изолированном произношении влияние других фонетических признаков устраняется. На практике, описывая звуковой состав языка, будь то метод самонаблюдения или инструментальный, мы имеем дело с описанием фонемы в изолированном произношении. За этим изолированным звучанием укрепилось название «основного оттенка». Параллельно описанию фонемы в изолированном произношении необходимо отметить и ее проявление в различных фонетических положениях, т. е. среди согласных, под ударением, в безударном положении и т. д.

Пренебрежение к традиционному описанию материальной стороны фонемы в ее изолированном звучании создает распыленные ее определения, встречающиеся в работе, например: «диапазон по подъему колеблется от 4-й до 5-й ступени», «образуемый в пределах переднего и смешанного ряда», «по преимуществу нейтрального (смешанного) ряда», «колеблется от неогубленного гласного заднего ряда нижнего подъема... до огубленного гласного заднего ряда 2-го подъема» (12, 81, 82, 106, I) и другие определения гласных и согласных.

Одно и то же понятие имеет у автора несколько названий. Автор не разграничивает ряд лингвистических понятий, например, «неполный стиль речи», «небрежная речь», «в быстрой речи», «в быстром темпе речи», «при отчетливой речи» (10, 11, 87, I; 120, II и др.) и многие другие названия. Здесь автор смешивает стиль речи и темп речи.

Слуховую сторону звучания автор отождествляет с акустической, хотя на слух мы определяем не акустику звука, а те слуховые впечатления, которые мы получаем от того или иного звука. Слуховые впечатления от звука обычно выражаются в восприятии более низкого или высокого характерного тона, шума, звонкости, мягкости, твердости и т. д. Но на слух мы не можем определить степень раскрытия челюстей, закрытый или открытый звук. Это признаки физиологические. Автор и в данном случае не придерживается точной слуховой терминологии, а часто смешивает ее с терминологией физиологической. Например, мы встречаем «акустические свойства», «акустические впечатления», «впечатления открытого, узкого звучания», «на русский слух», «слуховые впечатления» и другие названия (11—16, 109, 233, 235, II и др.).

В книге нет каких-либо фонологических выводов о наличии дифтонгов, гласных и согласных геминат типа [aa], [ii], [ai], [vi], [uɪ], [ss], [ʃs], [rr], [vv], [tt] и т. д. в тальшеском², татском, осетинском³, ягнобском и в других иранских языках. При этом необходимо отметить, что у автора встречается множество слов с вышеназванными и

¹ См. С. [И]. Б е р н ш т е й н, Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 6, стр. 542, 543 и др.

² См. Б. В. М и л л е р, Тальшеский язык, М., 1953, стр. 52.

³ См. В. И. А б а е в, указ. соч., стр. 516.

другими дифтонгами и геминатами в текстах и в примерах (50, 52, 59, 106, 108, 124, I; 11, 16, 62, 11 и др.).

В заключение следует сказать, что «Очерки по фонетике иранских языков» В. С. Соколовой являются ценным научным вкладом в изучение фонетики современных иранских языков. Как мы показали, автор устанавливает на материале различных иранских языков систему фонем, показывает соотношение фонемного состава между языками, их различие и сходство в материальном проявлении их звучания. С появлением работ В. С. Соколовой многие общefonетические закономерности западноевропейских, тюркских, кавказских и других языков были обнаружены и подтверждены инструментальным методом на обширном лингвистическом материале различных современных иранских языков, изучение малописьменных и бесписьменных иранских языков поднялось на высокую ступень научного исследования. Вместе с тем этот факт является ярким свидетельством национальной политики нашего государства — равного отношения к культуре и языку всех народностей нашей страны. Рецензируемая работа показывает, что мы имеем дело с крупным ученым-фонетиком в области теоретической и практической фонетики современных иранских языков.

Фуад Кязимов

Д. Дечев. *Характеристика на тракийския език*. — София, изд. на Бълг. Акад. на науките, 1952. 136 стр.

Болгарская лингвистическая литература пополнилась весьма важным исследованием. Вышла в свет книга акад. Д. Дечева, посвященная характеристике звукового строя фракийского языка — одного из древних языков Балканского полуострова¹.

В §§ 1—33 рецензируемой работы (стр. 6—42; 65—103) дано описание звуков фракийского языка по сравнению со звуками реконструируемого общеевропейского языка и исторически засвидетельствованных индоевропейских языков; в § 34 излагается отношение фракийского языка к фригийскому (стр. 42—46; 103—107); в § 35 говорится о связи фракийского языка с албанским (стр. 46—53; 107—115); последний § 36 посвящен месту фракийского языка среди других индоевропейских языков (стр. 54—58; 115—119). Из сказанного следует, что Д. Дечев дал в своей работе очерк фонетики фракийского языка и лишь попутно затронул некоторые вопросы лексики и морфологии.

В связи с отсутствием связанных текстов на фракийском языке мы почти ничего не знаем о морфологии и тем более о синтаксисе этого языка². Но с лексикой дело обстоит иначе. Как известно, лексика играет основную роль в деле создания прочной базы для сравнительно-исторического исследования, ибо нужно сперва сравнить с л о в а, чтобы иметь затем возможность установить фонетические, морфологические и другие закономерности для родственных языков³.

К сожалению, лишь в виде исключения Д. Дечев наряду с общеевропейским корнем приводит фракийское слово в реконструированном виде⁴. А было бы не лишним даже в работе, специально посвященной фонетике, приложить хотя бы список

¹ Работа написана на болгарском и немецком языках (болгарский текст : стр. 3—61, немецкий : стр. 63—119), а также имеет резюме на русском языке (стр. 120—124). В настоящей рецензии ссылки на книгу Д. Дечева даются в скобках в тексте, причем параллельно указываются страницы болгарского и немецкого вариантов.

² Морфологии посвящено несколько замечаний (стр. 28, 32, 38, прим. 3 и 4; 88, 92—93 и 99, прим. 1 и 2). О синтаксисе говорить пока вообще не приходится, так как чтение надписи на перстне из Езерово (V в. до н. э.), найденное в 1912 г., не может еще считаться установленным. Новое толкование см. у автора (стр. 28, прим. 2; стр. 88, прим. 3).

³ Ср. А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языковедении, ВЯ, 1952, № 4, стр. 8.

⁴ Кроме некоторых глосс, как βρῖχα «пожба» (стр. 14; 73) βρῖχα «город» (стр. 20, прим. 4; стр. 80, прим. 4) и др., Д. Дечев приводит следующие фракийские слова: awlo- «посвятить» (стр. 20; 80), daw-, daw- «бежать» (там же), pva- «рынок» (стр. 6; 65), tharpo- «долина» (стр. 7; 66). Для других фракийских слов автор дает только общеевропейский корень, а также родственные слова в других индоевропейских языках. Например, Zald-ata, Zald-eta, Molud-eta и др. и.—e. av «вода», «река», в лат. amnis (-abnis), др.-ирл. av «река» (стр. 29; 89).

фракийских слов или корней с переводом¹. Следует попутно заметить, что при этимологизации фракийских имен и названий автор часто возводит фракийские слова к индоевропейским архетипам, руководствуясь только наличием фонетических соответствий между ними и упуская из вида семантическую сторону. Это и делает многие этимологии Д. Дечева мало убедительными. Так, фракийское имя $\Delta\alpha\lambda\alpha\zeta\epsilon\mu\iota\varsigma$ автор толкует как $\Delta\alpha\lambda\alpha$ - от и.-е. *dhal* «цвести, зеленеть» (ср. греч. $\theta\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron$, алб. *dall* «вскодить, пускать ростки») + $\zeta\epsilon\mu\iota\varsigma$ из и.-е. *k'el* «прятать, покрывать». Однако, как увязать эти два понятия в одну этимологию, автор не говорит; да и вряд ли это возможно. Не лучшее обстоит дело, если взять для $\zeta\epsilon\mu\iota\varsigma$ фракийскую глоссу $\zeta\alpha\mu\omicron\varsigma \cdot \delta\omicron\rho\acute{\alpha}$ «шкура». Поэтому приходится толковать $\Delta\alpha\lambda\alpha$ - скорее как «теленюк» от и.-е. *dhei-*: *phe-*: *dhi-* «сосать» (ср. алб. *dele* «овца»)².

Вместе с тем следует указать, что в работе почти отсутствует филологическая документация источниковедческого материала. Лишь изредка в плане полемики автор касается источниковедческой стороны дела (например, на стр. 11, 12, прим. 1 и стр. 13, прим. 1 и 2; стр. 70, 71, прим. 2 и стр. 72, прим. 4). Это является следствием неудачно сложившихся обстоятельств, а именно того, что подготовленное автором собрание фракийских языковых памятников (глоссы, имена) до сих пор не напечатано Венской академией (см. стр. 3; 63)³.

Если при восстановлении облика скифского языка неоценимую помощь оказал его далекий потомок — осетинский⁴, то использование албанского языка при работе над фракийским пока что не дало столь значительных результатов⁵. Тем большее значение вследствие этого приобретает филологическая интерпретация источников⁶. В смысле охвата источниковедческого материала автор сделал немало. В своем исследовании он значительно расширил круг используемых источников по сравнению с работой Томашека, в основном за счет новых эпиграфических и отчасти палирусных находок. Об этом дает наглядное представление указатель к его книге (стр. 125—134) в котором много имен, не имеющих у Томашека (например, на букву «А»: $\text{A}\beta\epsilon\zeta\epsilon\mu\iota\varsigma$, $\text{A}\beta\lambda\omicron\upsilon\theta\iota\varsigma$ и др.; на букву «В»: $\text{B}\alpha\rho\gamma\iota\delta\epsilon\nu\theta\eta\varsigma$, $\text{B}\acute{\epsilon}\zeta\upsilon\varsigma$ и т. д.).

После этих — по существу предварительных — замечаний перейдем к рассмотрению основных положений автора. Они сводятся к следующему:

1. Фракийский язык принадлежит к группе *satem*⁷.
2. Фракийский язык сложился в результате скрещения иранского языка с этрусским.
3. Фракийский язык неродствен иллирийскому и фригийскому, так как последние принадлежат к группе *centum*.
4. Фракийский язык является языком-основой албанского языка.

Хотя деление индоевропейских языков на диалекты по единственному признаку спирализация заднеязычных языка-основы (*k/s*) не может считаться очень точным⁸, тем не менее первое положение автора не вызывает в целом возражений. С известными поправками может быть принято последнее положение. Иначе дело обстоит со вторым и третьим. Согласиться здесь с автором мешают: во-первых, скудость привлеченного материала; во-вторых, то, что утверждения Д. Дечева расходятся со свидетельствами древних авторов; в-третьих, некоторые преждевременные обобщения и гипотезы, которые он выдвигает.

Если ограничиться наиболее существенными фонетическими признаками, характеризующими индоевропейские диалекты, то выводы автора могут быть представлены в виде следующей таблицы:

¹ Наподобие списка Томашека (см. W. Tomaszek, *Die alten Thraker*, II, в кн. «Sitzungsberichte der philosoph.-hist. Kl. der Akad. der Wissenschaften», Bd. 131, Wien, 1894, стр. 101—103).

² Подробнее я касаюсь этих вопросов в статье «Эпиграфические следы фракийского языка в Северном Причерноморье» (непечатаемая).

³ Ср. «Anz. der Österreich. Akad. d. Wiss., Philosoph.-hist. Kl., 86 (Jg. 1949), № 1, Wien, 1950, стр. 28 (постановление вновь печатать работу Д. Дечева «Die thrakischen Sprachreste»).

⁴ Обзор работ, посвященных изучению скифского языка, см. в статье: J. Harmatta, *Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia*, «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. I, fasc. 2—3, 1951.

⁵ См. ниже, стр. 142.

⁶ Это учитывает также и автор, который посвятил данному вопросу свои «Вводные замечания» (стр. 4; 64).

⁷ Полемику с Йоклем, сторонником противоположной точки зрения, см. на стр. 13, 14; 72, 73.

⁸ См.: T. Leh-r-Spławiński, *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*, Poznań, 1946, стр. 28—29 и 149, прим. 32 (с указанием литературы вопроса); Б. В. Горюнов, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров, *Проблема образования и развития языковых семей*, ВЯ, 1952, № 1, стр. 53.

И.-е.	Фрак.	Алб.	Фриг.	Иллир. ¹	Арм.	Иран.
ō	a	a	ō	ō	o	a
ǎ	a (e)	a	a	a	a	a
k'	s	s — th	k	k	s	s — th
g'	z	z — dh	g	g	c	z — dh
b	p	b	p	b	p	b
d	t	d ²	t	d	t	d
g	k	g	k	g	k	g
bh	b	b	b	b	b	b
dh	d	d	d	d	d	d

Д. Дечев, опираясь на указанные выше черты сходства в фонетической структуре между фракийским и иранским (и.-е. $o > a$, спирантизация заднеязычных), а также на некоторые другие явления (и.-е. $k'w, g'(h)w > sp, zb, d-t, dh-t, tt > st$), приходит к неожиданному выводу, что фракийский язык будто бы возник в результате скрещения иранского языка с этрусским (стр. 54; 115), и если вычесть моменты, объясняющиеся скрещением (например, передвижение согласных), то остальные черты в области фонетической структуры свидетельствуют об исключительной близости фракийского и иранского. С этим согласиться невозможно. Не говоря уже о том, что для решения данного вопроса необходимо установить ряд совпадений не только в фонетике, но и в области морфологической структуры и основного словарного фонда исследуемых языков (а этого нет в рецензируемой книге), следует подчеркнуть, что перечисленные Д. Дечевым черты сходства в области фонетики свидетельствуют лишь о диалектном родстве фракийского и иранского в пределах главным образом группы сатэм индоевропейских языков, но не более.

В самом деле, переход и.-е. $ō$ в $ǎ$ встречается, кроме указанных языков, также в литовском и германских; спирантизация заднеязычных — в армянском, славяно-балтийских, индийских языках; изменение $t-t$ в st — в славяно-балтийских и греческом языках. Небезинтересно отметить, что переход и.-е. $ō$ в $ǎ$ характерен для фракийского и балтийских языков (но не славянских!), а появление вставного t в группе $s-r$ известно в славяно-балтийских и германских языках (см. стр. 58; 119—124)³.

Не дают каких бы то ни было оснований для отождествления фракийского языка с иранскими языками и скудные данные о доисторическом сосуществовании этих языков в Центральной и Восточной Европе. Так, гидронимы свидетельствуют о том, что еще в начале I тысячелетия до н. э. фракийский язык находился в близком соседстве с иранскими языками в районе местонахождения предков славян и балтов⁴ и что местами фракийские наименования вытеснялись иранскими (например, *Tiras* — *Днестр* < *Dāna* — *Ister*, где в первом компоненте имеем иран. *dānu* «река», осет. *dōn* и во втором — фрак. *Ister*⁵). Последнее обстоятельство говорит о более древнем наличии в этих краях фракийского элемента по сравнению с иранскими⁶.

¹ Под иллирийским автор понимает балкано-иллирийский, исключая венецкий и мессапский (стр. 53, прим. 2; стр. 114, прим. 2). Иллирийские соответствия Дечева наиболее спорны.

² *B, d, g, n* произносятся с оглушением, особенно в некоторых положениях; ср. К. Сиро, *Gramatika shqipe, Tiranë*, 1949, стр. 22, 33 и др.

³ Переход этот вообще мало показателен, так как он известен и во французском (ср. ст.-франц. *estre* < лат. *ess(e)-re*; франц. разговорное *castrole* из *casserole*) и мог возникнуть в разных языках независимо друг от друга.

⁴ См. Т. Lehrs-Plański, указ. соч., стр. 38—39.

⁵ См.: там же, стр. 60—61 и 168—169, прим. 99, 101 и 103; В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, вып. I, М.—Л., 1949, стр. 162 и 236; А. И. Белецкий, *Проблема языка скифов*, «Мовознавство», т. XI, Киев, 1953, стр. 80 (на укр. языке).

⁶ Этот вывод подтверждается также историческим материалом: античная традиция (Геродот, IV, 11—12) считает киммерийцев предшественниками скифов в Северном Причерноморье и иногда отождествляет их с фракийским племенем треров (Страбон, I, 3, 21).

Далее, по общеметодологическим¹, равно как и по конкретно-историческим соображениям, представляется н е в е р о я т н ы м, чтобы в результате скрещения фракийский язык мог обособиться от иранской группы языков. К тому же весьма рискованным представляется мнение именно об этрусском субстрате, которым будто бы и были названы такие особенности, как передвижение согласных и др. (ср. стр. 54 и сл.; 115 и сл.), поскольку: 1) изучение этрусского языка все еще находится на такой стадии, когда приходится воздерживаться от сколько-нибудь широких обобщений этрусских лингвистических материалов, 2) совершенно не доказуемо, что территория между Балтийским, Черным, Эгейским и Средиземным морями была заселена одним и тем же субстратом, скрещение с которым и превращало иранский язык во фракийский (стр. 55. прим. 2; стр. 116, прим. 3)².

Балкано-иллирийский язык в понимании Дечева не похож ни на венетский язык, ни на мессапский — единственные «иллирийские» языки в широком смысле этого слова, которые можно здесь привлечь для сравнения. Если при современном состоянии наших сведений в венетском языке правильнее всего видеть отдельную ветвь индоевропейских языков³, то вместе с тем нет оснований сомневаться в иллирийском характере мессапского языка, в котором, как во фракийском и албанском, и.-е. $\delta > \check{a}$, и.-е. $bh, bh, gh > b, d, g...$ и т. д.⁴.

Если сравнить иллирийский (мессапский) с фракийским, то обнаруживается, что спирантизация заднеязычных и есть важнейший признак, который их отличает (мессапский относится к группе *centum*). То же самое можно утверждать относительно балкано-иллирийского, так как в балкапо-иллирийском и.-е. δ имеет двойной рефлекс δ и \check{a} . Однако кентумный характер балкано-иллирийского и фригийского языков не может считаться доказанным⁵.

Если материал, проанализированный у Краге (Krahe), дает примеры на $k' > k$ и $g' > g$, то имеется и противоположный материал, как-то: названия рек и местностей, проанализированные Майером и Йоклем ($\Delta\acute{\iota}\zeta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ «крепостная река» — и.-е. $dheig'h$; $\Lambda\sigma\alpha\tau\eta\mu$ «камень» — и.-е. ak' ; ср. др.-инд. $a\check{s}man$, авест. $asman$, лит. $a\check{s}men(y)s$ «острие»), подтверждающий вывод о s и z , восходящих к и.-е. k', g', gh (стр. 50, 53; 111, 114)⁶.

Нам кажется, что если на Балканах были языки и *centum* (родственные венетскому и т. д.) и *satəm* (родственные фракийскому), то нельзя делать отсюда прямолинейный вывод, что все *centum*-языки на рассматриваемой территории иллирийские, а все языки группы *satəm* — фракийские. К тому же то, что называется сейчас балкано-иллирийским в языковом отношении, очевидно, было родственно фракийскому⁷.

В связи с этим мы считаем преждевременной попытку акад. Дечева (стр. 45—46; 106—107) поставить под сомнение данные античной традиции о родстве фракийского языка с фригийским (Геродот, VII, 73; VIII, 138 и др.; Страбон, VII, 295, 471 и фрагм. 25; XII, 550) и последнего с армянским.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 29—30.

² Такая гипотеза вряд ли в состоянии двинуть вперед решение интересующего нас вопроса, поскольку передвижение смычных согласных засвидетельствовано также в армянском и хеттском языках, где надо было бы говорить об «анаатолийско-южнокавказском» субстрате.

³ Ср. И. М. Троицкий, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 56.

⁴ См. там же, стр. 57 и сл. В венетском, как и в итальянских языках, и.-е. $bh, dh > f$.

⁵ Кречмер и Йоклем относили фригийский язык к группе *satəm* (см. библиографию у автора на стр. 45, прим. 1; 105, прим. 4).

⁶ То же самое приходится констатировать относительно фригийского языка. Наряду с примерами деналатизации $g', g'h, k'$ (стр. 44—45; 115), как $\epsilon\tau\iota\text{-}\tau\epsilon\tau\iota\chi\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ «обореченный» (< и.-е. $deik'$: dik' ; ср. греч. $\acute{\alpha}\rho\omicron\text{-}\delta\epsilon\iota\chi\nu\omicron\mu\iota$), имеются примеры перехода k' и $g'h$ в s и z ($\sigma\iota\chi\mu\iota\upsilon\varsigma$ < и.-е. $k'-ig'$ «прыгать»; $\zeta\epsilon\lambda\chi\iota\alpha$ < и.-е. $g'hel$ «зеленый»; $\alpha\sigma\sigma\upsilon\varsigma$. $\zeta\epsilon\mu\chi\alpha\nu$ < и.-е. $g'heu$; ср. греч. $\chi\epsilon\upsilon\mu\alpha$ «излияние»), которые автор, правда, склонен отбросить по тем или другим причинам. Ср. еще фриг. $-ezis$ «еж» (ср. армян. $ozni$) из и.-е. $eg'hi$.

⁷ Любопытно, что так называемые «праиллирийские» элементы в греческом языке (см. V. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache, «Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, т. XXXIII, 4, 1936, стр. 66—108) по фонетической структуре соответствуют данным фракийского языка (и.-е. $\delta > a$, спирантизация заднеязычных и др.). Другое объяснение находим у Д. Дечева (стр. 58; 119—124). Он считает, что эти элементы возникли в результате ассимиляции иранских слов и звуков в «этрусском» языке абorigенов Греции, а затем были переданы греческому языку, вытеснившему в свою очередь туземный язык этрусков.

Гораздо более убедительно освещена в рецензируемом исследовании проблема фрако-албанских связей. Как известно, в науке существуют две концепции относительно происхождения албанского языка. Так, Г. Майер, Бугге, Йонль считали албанский продолжением иллирийского языка¹, Хирт и Вейганд — потомком фракийского. К последней точке зрения примыкает и Деве (стр. 46—47; 107—108). Целый ряд фонетических особенностей (например, и.-е. $\delta > a$; и.-е. $\tilde{e} > ie$; и.-е. $bh, dh, gh > b, d, g$; и.-е. $k', g', g'h > s, z$ или th, dh ; и.-е. $dl > g(k)$)² роднит албанский язык с фракийским; прослеживается также группа родственных слов в обоих языках (например, *mal* «гора», *burrë* «муж», «мужчина», *ballë* «чело», *bunë* «хижина», *mbi* «при» и другие)³ и, наконец, весьма показательна сходная судьба латинских слов в албанском и дако-романском (например, лат. *populum* «тополь» — алб. *pler*, рум. *plor.* молд. *плон*, но франц. *peuplier*, итал. *pioppo*; лат. *lucta* «борьба» — алб. *luftë*, рум. *луптă*, молд. *лунтă*, но франц. *lutte*, итал. *lotta*, исп. *lucha*).

Безусловно, это слишком серьезные доказательства, чтобы их не принимать во внимание. Но подходу критически, следует заметить, что автор недостаточно использует материалы албанского языка (в первую очередь словарь) при объяснении фракийских имен⁴.

Несомненно, что при более широком привлечении материалов албанского языка четвертый вывод автора станет еще более убедительным⁵. Так, например, немало может быть сделано в деле реконструкции фракийского языка, если глубже исследовать акцентуацию и интонацию албанского языка⁶.

Известно, что печальный неудачный слог, особенно гласный, очень слаб в албанском языке. Это явление хорошо иллюстрируется судьбой латинских заимствований в албанском и дако-романском языках: ср. лат. *aprilis* алб. *prill*, молд. *приер*, рум. *prier-* (разг.); лат. *arena*, молд. *анине*, рум. *arină* (диал.), алб. *rërë*.

Очевидно, в какой-то связи с явлением слабости начального слога, характерной для албанского, находится колебание *a — e* во фракийском (стр. 29; 89); ср. имена $\Delta\alpha\lambda\delta\text{-}\sigma\alpha\chi\omicron\varsigma$ — $\Delta\alpha\lambda\delta\text{-}\sigma\eta\lambda\omicron\varsigma$, *Vyrebistas* — *Vrabistas* и др.

Несколько слов по поводу исторических судеб фракийцев и албанцев. Автор полагает, что вследствие вторжения иллирийцев фракийцы были вынуждены уйти в горные районы, где были обречены на «бедность и бескультурие» (стр. 51—52; 113). Возникает справедливый вопрос: почему же в албанский язык перешло столько латинских слов, свидетельствующих о длительных связях между римлянами и предками албанцев, если романизовалось только прибрежное иллирийское население, которое, как полагает автор, по языку столь резко отличалось от фракийцев.

Но все эти трудности отпадают, если допустить древнее родство между балкапо-иллирийским и фракийским⁸. Косвенный материал для такого рода суждений дают

Однако столь сложная гипотеза мало правдоподобна и мы склонны здесь видеть лексические заимствования из языка, родственного фракийскому. Ср. также рецензию Б. В. Горнунга на кн. Вл. Георгиева «Проблемы минойского языка» (ВН, 1954, № 2, стр. 108).

¹ На последней точке зрения стоят и албанские ученые; ср. Алекс Буду, О создании единого албанского литературного языка, «Известия [АН Арм. ССР]», Обществ. науки, 1951, № 6, стр. 77 и сл.

² И.-е. $dl > gl$ (алб.) и kl (фрак.).

³ Существование этих слов во фракийском доказывается тем, что при их помощи достигается удовлетворительная этимологизация фракийских собственных, этнических и географических имен в рамках установленных звуковых соответствий, например, *Dacia Malvensis* (иначе *Ripensis*), где лат. *-ripa* является, очевидно, переводом фрак. *mal*; Κασιβύων , где лат. *casa* поясняется при помощи фрак. *buno-* (ср. иллир. этноним *Buni* и название местности Βούωνος), и т. д.

⁴ См. стр. 49 (109—110), где сведены важнейшие из использованных албанских слов в количестве около пятнадцати. Весьма характерно, что в работе В. И. Абасва «Скифский язык» («Осетинский язык и фольклор», вып. I, стр. 151—190) на 230 скифских слов только 30 не имеют осетинских параллелей.

⁵ Так, некоторые фракийские и иллирийские имена сохранились у албанцев, например *Bala*, *Bato*, *Dasa* и др. См.: Fr. Norcsa, Sind die heutigen Albanesen die Nachkommen der alten Illyrier? «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1911, стр. 919—920; е го же, Thrakische-albanische Parallelen, «Anthropos», Bd. VIII, 1913, стр. 139, 142, 148.

⁶ Б. А. Серебряников [см. его «Краткий очерк грамматики албанского языка» — прилож. к «Краткому албанско-русскому словарю» под ред. А. Косталлари (2-е изд., М., 1951), стр. 465] справедливо отмечает неразработанность этой тематики.

⁷ Ср. А. Philippide, Originea Romînilor, vol. II. Iași, 1927, стр. 632 и сл.

⁸ Некоторые западноевропейские исследователи допускают древний контакт между иллирийским и фракийским. См. W. Brandenstein, Thrakische Sprache, Übersicht, в кн.: «Pauly's Real-Encyclopädie...», Reihe II, Halbband XI, Stuttgart, 1936, стр. 413. История языков, как известно, не знает примеров языкового родства, возникшего

романские языки Балканского полуострова, вытеснившие местами иллирийский, фракийский и другие туземные языки. Так, далматский язык показывает как будто бы другой субстрат, отличный от субстрата дако-романского языка, но вместе с тем показывает также ряд общих черт с дако-романским. Приведем один пример.

Далматский язык имел богатую систему дифтонгов (ср. лат. *album* — юж. далм. *ua'lb*), чего не было в дако-романском (молд. *alb* и рум. *alb*)¹. Весьма примечательно, что во фракийском языке старые индоевропейские дифтонги с *u* монофтонгизировались [*a(u) — e(u)*], а дифтонги с *i* (*ai, ei*) слились с вновь возникшими дифтонгами *ai* и *oi* (ср. имя *Ρασχοιτορις* < **Ρασχιοιτορις*, восходящее к и.-е. *rēg'* «править»), которые также не отличались устойчивостью (стр. 36—39; 97—99)².

Поэтому правомерно, исходя из обилия дифтонгов в далматинском, предположить наличие устойчивой серии дифтонгов в иллирийском языке, что подтверждается иллирийскими личными именами *Aioia, Andueia, Rallaios, Reucus* и т. д.³. Далее, характерно, что албанский язык имеет тоже много дифтонгов (*ai, ei, oi, ui, io, iu, ei, ou* и т. д.), что, вероятно, говорит о более близкой связи албанского с иллирийским, чем с субстратом дако-романского языка.

Таким образом, работа акад. Д. Дечева как результат долголетних и тщательных изысканий а тора заслуживает весьма положительной оценки. Книга эта безусловно сыграет значительную роль в деле дальнейшего развития исследований по фракийскому языку. В рецензируемой работе наиболее ценным является наличие связанного очерка фонетических особенностей фракийского языка (данного впервые), и если в ней имеются спорные положения, то это вина не столько автора, сколько самого историко-лингвистического материала. Плодотворной является постановка вопроса о фрако-албанских связях. Нам кажется, что, работая в этом направлении, можно будет сделать немало для пополнения наших сведений о фракийском языке. Менее убедительно раскрыты автором родственные связи фракийского языка с иллирийским и фригийским языками. Недоказанным остается предположение об исключительной близости фракийского языка к иранской группе языков.

Приходится сожалеть, что пропедевтическая часть работы, содержащая лексику фракийского языка, до сих пор не вышла в свет. Пожелаем автору, скорейшего ее напечатания.

Б. И. Надэль

в результате контакта или схождения языков, и поэтому речь должна идти здесь о генеалогическом родстве.

¹ См. Б. Надэль и Р. Пиотровский, К вопросу о народно-латинской основе молдавского языка, «Октябрь», Кишинев, 1952, № 6, стр. 69.

² Встречаюся также начертания *Ρασχοιτορις, Ρεσχοιτορις, Ρησχοιτορις*, свидетельствующие, с одной стороны, о колебании *a—e*, а с другой, о слабой дифтонгизации.

³ Ср. А. Philippide, указ. соч., vol. I, Iași, 1923, стр. 623 и сл.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВИСТОВ В БЕРЛИНЕ

С 11 по 13 ноября 1954 г. в Берлине состоялся конгресс славистов, организованный Германской Академией наук и Берлинским университетом им. В. Гумбольдта. Заседания конгресса проходили в аудиториях Славянского института университета им. В. Гумбольдта. В работе конгресса, кроме ученых Германской Демократической Республики и делегации Академии наук СССР, приняли организованное участие слависты Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, а также отдельные ученые Западной Германии, Австрии, Дании и Франции, что придало конгрессу характер широкого международного съезда. Задача съезда состояла в том, чтобы обменяться мнениями по актуальным вопросам славистоведения и установить более тесный контакт между учеными разных стран в разработке основных проблем славистоведения.

В состав делегации Академии наук СССР входили акад. В. В. Виноградов (руководитель делегации), проф. В. И. Борковский и проф. Н. С. Поспелов; по состоянию здоровья не смог участвовать в работе конгресса член делегации проф. Р. И. Аванесов. Польскую делегацию возглавлял акад. Т. Лер-Сплавинский, в ее составе были проф. В. Доросевичский, проф. Зд. Штибер, проф. А. Обрембска-Яблоньска, проф. Г. Волье. В состав чехословацкой делегации входили акад. Б. Гавранек, проф. В. Махек, проф. Я. Станислав; кроме того, в *Résumés* конгресса напечатаны тезисы докладов проф. А. В. Исаченко (Братислава) (о развитии «предикативов» в славянских языках) и проф. Г. Зибенштейна (Прага) (о немецко-чешско-немецком словаре). Румынскую славистику представляли на конгрессе акад. Э. Петрович (Бухарест), выступивший с докладом, и проф. Е. Зейдель (Клуж), приславший резюме своего доклада о славянском влиянии на румынский язык. В составе болгарской делегации в работах съезда приняли участие проф. Э. Георгиев, проф. И. Леков, Л. Георгиева и проф. С. Стаичев. Из капиталистических стран на съезд прибыли проф. Э. Кошмидер, проф. Д. Гергардт (Западная Германия), проф. А. Стендер-Петерсен, проф. Сёрсенсен (Дания), доктор И. Киоблох (Австрия), проф. Р. Триомф (Франция) и др. Славистику ГДР представляли на съезде проф. Р. Фишер, проф. Э. Винтер, проф. Э. Шнесвейс, д-р В. Фалькенган, д-р И. Шютц, Р. Ружичка и др. Активное участие в организации и проведении конгресса принял Г. Бильфельдт, профессор Берлинского университета и директор Института славистоведения Германской АН, открывший конференцию краткой вступительной речью. Большое внимание оказал участникам съезда вице-президент Германской АН акад. В. Штейниц, который тепло приветствовал участников конференции на банкете, устроенном президиумом Германской АН, и оказал значительное содействие научному объединению славистов различных стран, присутствовавших на съезде.

Работа съезда, привлечшего большое количество участников, протекала в трех основных направлениях: славянское литературоведение, славянское языкознание и вопросы устного творчества и истории славянских народов. Часть докладов, посвященных более общим вопросам славистоведения, была вынесена на пленарные заседания, большинство же докладов было прочитано на заседаниях секций. Советская делегация, представленная языковедами, естественно, не принимала участия в работе литературоведческой секции и секции народного творчества и истории славянства (на заседании литературоведческой секции выступил с докладом на тему «Основные проблемы изучения драматургии Горького» львовский профессор М. Пархоменко, приглашенный в Лейпцигский университет для чтения лекций по истории русской литературы и официально не вошедший в состав делегации СССР).

Проблематике русской литературы был посвящен первый из прочитанных на пленарном заседании съезда докладов проф. А. Стендер-Петерсена. В освещении докладчиком внутреннее развитие русской литературы, представленное в полном объеме от истории общества, было сведено к схеме «от византизма к европеизму» и к борьбе жанров, причем значение некоторых жанров, например жанра богослужебной лирики, было явно преувеличено (обсуждение доклада А. Стендер-Петерсена было

перенесено на заседание литературоведческой секции, в котором советская делегация не принимала участия).

Кроме доклада А. Стендер-Петерсена, на пленарных заседаниях конгресса были заслушаны доклады акад. В. В. Виноградова, проф. Р. Фишера, акад. Т. Лер-Сплавинского, акад. Б. Гавранка и проф. Э. Георгиева. В докладе акад. В. В. Виноградова «Основные вопросы русского синтаксиса» были раскрыты теоретические основы синтаксиса русского языка, на которых построен II том «Грамматики русского языка» (Изд-во АН СССР, М., 1954). В докладе было разъяснено глубокое качественное различие между словосочетанием и предложением как основными категориями синтаксиса; показано, что словосочетания как сложные грамматические единства номинативного характера, вытекающие из грамматических свойств частей речи и лексически ограниченные, являются лишь строительным материалом для предложения; выделены в качестве основных признаков предложения интонация сообщения и предикативность; разграничены разные виды предложений в зависимости как от их морфологической структуры, так и от своеобразия выражения в них категории предикативности. В целом же составители академической грамматики русского языка, отметил В. В. Виноградов, стремились, не выходя, в основном, за рамки сложившейся традиции, создать надежную базу для углубленного и всестороннего исследования всех элементов грамматического строя русского языка.

Доклад акад. В. В. Виноградова вызвал живой интерес у присутствовавших на заседании. Члены советской делегации поднесли в дар делегациям, представленным на съезде, экземпляры II тома «Грамматики русского языка», содержащего изложение синтаксической системы современного русского языка.

В докладе проф. Р. Фишера «Славянские названия мест в Германии» на большом топонимическом материале был обоснован тезис о широком славяно-немецком языковом взаимодействии на территории современной Германии и подчеркнута необходимость дальнейшего углубленного изучения этого сложного вопроса.

В докладе «Вопросы группировки славянских языков» акад. Т. Лер-Сплавинский подверг основательной критике существующие классификации славянских языков и стремился обосновать предлагаемую им систему классификации анализом археологических данных и древнейших взаимоотношений между различными группами славянских народов, учитывая при этом относительную хронологию языковых явлений, общих для тех или иных славянских племен.

В докладе акад. Б. Гавранка была кратко изложена получившая широкую известность концепция разделения славянских языков на две группы в зависимости от объединенного или изолированного выражения ими глагольных категорий времени и вида, в силу чего в одних славянских языках (всех восточнославянских, польском, чешском и словацком) были утрачены простые формы прошедшего времени и будущее время от перфективных глаголов стало выражаться формами настоящего времени этих глаголов, тогда как другие славянские языки (болгарский, сербо-хорватский и отчасти словенский) сохранили простые формы прошедшего времени (аорист, имперфект) и выражают будущее время перфективных глаголов аналитическими формами.

Как доклад Т. Лер-Сплавинского, так и доклад Б. Гавранка подверглись на конгрессе оживленному обсуждению; это показало, что защищаемые докладчиками концепции продолжают оставаться дискуссионными.

Дискуссионный характер носил и доклад проф. Э. Георгиева «Расцвет болгарской литературы в IX в.». В этом докладе он вновь выдвинул тезис о зависимости глаголицы, приписываемой славянскому первоучителю Кириллу, от кириллицы. Последняя же возникла на базе греческого алфавита как особого славянизированного письма, обусловленного широкое распространение славянской письменности еще в IX в., о чем свидетельствуют, в частности, древнейшие археологические находки.

На лингвистической секции конгресса было прочтано много докладов по различным вопросам славянского языкознания. Значительный интерес представляли доклады членов польской, болгарской, чешской, румынской делегаций, а также отдельные доклады других зарубежных ученых. К сожалению, здесь не было прочитано, за недостатком времени, ни одного доклада молодых ученых ГДР, хотя эти доклады были включены в повестку заседаний (доклады д-ра И. Шютца о сербо-хорватской топонимике, Р. Ружички о видах глагола в древнерусском языке по материалам Лаврентьевской летописи, Г. Кирхнера об особом положении звуков *i, u, r, l, m, n* в праславянской звуковой системе). Следует отметить, что Шютц и Ружичка выступали на конгрессе с интересными замечаниями при обсуждении других докладов. Нельзя не пожалеть и о том, что на заседаниях съезда не выступил с отдельным докладом известный славист Э. Кошмидер (Западная Германия), присутствовавший на съезде и принимавший активное участие в прениях.

Из докладов польских лингвистов, кроме уже названного доклада акад. Т. Лер-Сплавинского, следует признать очень актуальными доклады проф. В. Дорошевского и проф. Зд. Штибера. В. Дорошевский и Штибер прочитал доклад на тему «Проблема слова и развитие польской лексикографии». В первой части доклада, носившей теоре-

тический характер, был затронут существенный и для советской лексикографии вопрос об отношении слова к употреблению его отдельных форм; во второй, основной части доклада были подробно изложены главные этапы развития польской лексикографии. В развернувшийся по этому вопросу дискуссии приняли участие проф. Г. Бильфельдт и акад. В. В. Виноградов. Доклад Эд. Штибера был посвящен выяснению истории взаимоотношений кашубского и других польских диалектов; в этом докладе было представлено большое количество тщательно подготовленного фактического материала.

Проблема основного словарного фонда на материале болгарского языка была поставлена в докладе проф. И. Леркова (София). И. Лерков убедительно показал, что основной словарный фонд болгарского языка является почти целиком славянским. Этот доклад вызвал содержательную дискуссию, в которой приняли участие проф. В. Дорошевский, акад. В. В. Виноградов, акад. Э. Петрович и проф. Г. Бильфельдт. Большой теоретический интерес представлял доклад акад. Э. Петровича (Румыния) о фонологической системе румынского языка и тех изменениях, которые она претерпела под влиянием славянских языков.

На заседаниях языковедческой секции съезда в числе других докладов были с большим вниманием и интересом заслушаны доклады членов делегации СССР проф. В. И. Борковского и проф. Н. С. Поспелова.

Проф. В. И. Борковский выступил с докладом «Берестяные новгородские грамоты как источник для истории русского языка». Кратко ознакомив присутствующих с результатами археологических раскопок, проводившихся в последние годы в Новгороде под руководством проф. А. В. Арциховского, В. И. Борковский указал на историческое и общекультурное значение обнаруженных в древнем культурном слое грамот на бересте, являющихся ярким свидетельством широкого распространения грамотности в древней Руси. Представленные берестяными грамотами языковой материал В. И. Борковский охарактеризовал преимущественно со стороны отражения в нем морфологических и синтаксических явлений, свойственных живой разговорной русской речи XI—XV вв., а также остановился на налгографических особенностях берестяных грамот. Докладчик подчеркнул, что берестяные грамоты как памятники древнерусской письменности имеют особое значение для исторической грамматики русского языка, открывая возможность проверить и уточнить добытые исследованиями сведения о грамматической системе древнерусского языка.

В докладе проф. Н. С. Поспелова «Проблема частей речи в русском языке» в качестве исходного было выдвинуто общее положение о том, что деление слов на части речи заложено в самой природе слова как основной единицы языка. Части речи, по определению Н. С. Поспелова, — это лексико-грамматические разряды слов, в которых осуществляется преобразование наиболее обобщенных лексических значений в абстрагированные грамматические значения — такие, как предметность, действие (процесс), состояние, признак и т. п.; критериями при делении слов на части речи являются также характер грамматических изменений слова в его парадигме и специфика грамматической сочетаемости слов данного разряда со словами других лексико-грамматических классов. Особое внимание в докладе было уделено аналитическому оформлению новых лексико-грамматических групп слов (категория состояния, краткие формы прилагательных), а также были отмечены особенности структуры отдельных частей речи в различных славянских языках (болгарском, чешском, словацком).

Общим вопросом развития языкознания в современной Болгарии посвятила свой доклад Л. Георгиева.

Другие доклады, прочитанные на языковедческой секции съезда, были посвящены некоторым специальным вопросам славянского языкознания. Таковы, например, обстоятельно оснащенные материалом доклады представителей Чехословакии проф. В. Махека об инфинитивных глаголах на *-ати* в славянских языках и проф. Я. Станислава о древнеславянской социальной топонимике, доклад д-ра И. Кноблаха (Австрия) о способах формального выражения партитивных отношений в славянских и других родственных языках, проф. Ф. Ливера (ГДР, г. Грейфсвальд) о выражении отрицания в славянских языках.

Среди докладов, прочитанных на заседаниях литературоведческой секции, были доклады по истории русской литературы (например, проф. Р. Триома «Гоголь и русская критика о „Ревизоре“», проф. Д. Гергардта «Заключение пушкинского „Пророка“», Д. Локиса «Александр Герцен в 30-е годы», Г. Дудека «Композиционные формы в ранней реалистической лирике Некрасова») и по вопросам болгарского и польского литературоведения.

Из докладов, прочитанных на секции народного творчества и истории, представляли особый интерес доклады П. Недо и д-ра Э. Герника, посвященные народной словесности и истории лужичан, а также доклад проф. Э. Винтера о распространении западно- и южнославянских языков в Галле в XVIII в.

Естественно, что значительное разнообразие тем докладов и их многочисленность при ограниченности времени, отведенного на проведение съезда, не способствовали развертыванию широкой дискуссии по всем прослушанным докладам. Вместе с тем

многие вопросы, поднятые в ряде докладов, как это уже отмечено, подверглись оживленному обсуждению, которое протекало в атмосфере непосредственного и непринужденного научного общения между славистами разных стран. Выступления и вопросы были на немецком, русском, болгарском, чешском, польском, французском языках. Прения и обмен мнениями между учеными, а также тесное научное общение между ними происходили не только на самих заседаниях съезда, но и в перерывах. В частности, советская делегация имела возможность осмотреть Институт немецкого языка и литературы, Институт народного творчества и Институт востоковедения и ознакомиться с их работой. Такая обстановка содействовала также установлению личных дружеских связей между представителями разных областей славяноведения, работающими в различных странах.

Подводя итоги международного съезда славистов, следует высказать ряд пожеланий. Советская делегация (а также и ряд других делегаций) была представлена на съезде неполно: в ней не было специалистов в области литературоведения, фольклористики и истории славянских народов, а также специалистов по отдельным зарубежным славянским языкам. Самая программа съезда отличалась большой пестротой и дробностью, что не дало возможности подвести научные итоги съезда, сконцентрировать поднятые на нем вопросы вокруг нескольких актуальных для славяноведения проблем. И все же проведенный в Берлине конгресс славистов явился важным средством укрепления и расширения научных связей между учеными различных стран; осуществленный на конгрессе обмен идеями и взглядами, относящимися к разным областям славяноведения, несомненно будет содействовать дальнейшей разработке соответствующих научных проблем.

Н. С. Поспелов

ВТОРОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЪЕЗД ТУРКМЕНИСТАНА

С 6 по 9 октября 1954 года в Ашхабаде проходил Второй лингвистический съезд Туркменистана. В его работе приняли участие 287 делегатов и гостей из братских республик — Казахстана, Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана, Киргизии, а также представители Институты языкознания и востоковедения Академии наук СССР, студенты высших учебных заведений Ашхабада, писатели, работники издательства и печати.

В первый день работы съезда был заслушан доклад секретаря ЦК КПТ тов. Н. Дурдыевой на тему: «Современное состояние и очередные задачи туркменского языкознания». Подчеркнув остроту борьбы с буржуазными националистами в первые годы развития молодого туркменского языкознания, докладчик дал характеристику современного его состояния. Перейдя к задачам туркменских языковедов, тов. Дурдыева указала на необходимость усиления работы по изучению грамматического строя и словарного состава туркменского языка, его истории, языка писателей, по изучению диалектов и говоров туркменского языка и совершенствованию учебников для школ и вузов. Особое внимание тов. Дурдыева уделила вопросу подготовки научных кадров в области языкознания, в частности развитию аспирантуры и докторантуры.

Второй доклад, посвященный некоторым изменениям и дополнениям в орфографии туркменского языка, был сделан действительным членом АН ТССР, доктором филол. наук, проф. П. А з и м о в ы м.

Переход туркменской письменности на русскую графику, указал докладчик, способствовал успешному овладению туркменами великим русским языком. Этот переход сыграл также значительную роль и в усовершенствовании туркменской орфографии, в частности было уточнено и выяснено написание заимствованных слов.

При обсуждении орфографии туркменского языка на Первом лингвистическом съезде и на последующих совещаниях целый ряд вопросов не был еще глубоко изучен, а поэтому не все правила туркменской орфографии, разработанные на этом съезде и совещаниях, носили четкий характер: в результате в написании многих слов наблюдалась путаница. Например, имелись спорные моменты в написании основы слова, написании сложных слов, не было уточнено употребление заглавных букв, существовал разноречивый в употреблении аффиксов при аббревиатурах. Было введено не свойственное туркменскому языку правописание некоторых аффиксов, образующих отдельные прилагательные, например: *сыяси, хақыки* и т. д. В заимствованных из русского языка словах отмечалось выпадение в основе конечного а только в словах *фабрика, газета, машина, программа*. Параллельно существовали в языке и письме различные формы одного и того же слова, например: *фонетик — фонетики, область — област, контроль*

контроль, доставка — доставь, айсуз — айсуз, Орта Азия — Орта Азия и т. п. И все же, отмечает докладчик, существующая орфография туркменского языка не нуждается в коренной реформе. Ее необходимо лишь несколько улучшить, внести в нее некоторые уточнения и дополнения.

В ходе подготовки ко Второму лингвистическому съезду уделялось большое внимание выступлениям в печати учителей, писателей, переводчиков, ученых; мнения некоторых товарищей при этом расходились, особенно в таких вопросах, как отражение в письме фонематических долгот, написание губных гласных в первом и последующем слогах, написание сложных слов, принцип написания слов, заимствованных из русского языка и т. д.

Так, вопрос о фонематических долготах в туркменском языке обсуждался еще в 1927 г., и для обозначения долгот было введено удвоение гласных, например: *ат* «лошадь», *аат* «пня»; *от* «травя», *оот* «огонь» и т. д. Но отражение фонематических долгот на практике не улучшило, а усложнило орфографию туркменского языка, поэтому уже на первой научной конференции, которая проходила в 1930 г., отказались от этого предложения, как не оправдавшего себя в письме. П. Азимов отметил далее, что отражение фонематических долгот в письме повело бы к увеличению количества орфографических ошибок. Поэтому не случайно, что против этого предложения выступали почти все как в печати, так и на различных совещаниях по вопросам орфографии туркменского языка.

Касаясь написания губных гласных, докладчик указал, что реформа в написании губных гласных обозначала бы ничем не обоснованный отказ от уже установившихся правил правописания. Более того, губной сингармонизм, как и палатальный, свойственен почти всем диалектам туркменского языка; он не распространяется только на открытый конечный слог в словах. Поэтому предложение, выдвинутое проф. М. Хыдыровым и поддержанное А. Кекиловым и М. Хамзаевым, об отражении губных гласных только в первом слоге слова не может быть принято.

Образование слов путем сложения основ в современном туркменском языке является одним из основных способов словообразования, говорил докладчик, в результате этого появляются новые слова с другими значениями и оттенками, а в образовании сложных слов в туркменском языке принимают участие почти все части речи. Поэтому следует сохранить существующие, уже усвоенные правила написания сложных слов (с некоторыми уточнениями) и правила выпадения узких гласных.

Докладчик и выступившие в прениях товарищи уделили большое внимание принципам правописания слов, заимствованных из русского языка, и высказали мнение, что их следует писать так, как они пишутся в русском языке, а не так, как эти слова произносятся в туркменском языке. Различие в их написании не только вносит путаницу, ведет к порождению безграмотности при параллельном изучении в школах русского и туркменского языков, но и тормозит, культурное развитие туркменского народа.

В отношении графики М. Хамзаевым было выдвинуто предложение об увеличении числа букв туркменского алфавита. Предлагалось дополнительно ввести три новые буквы — *h*, *z*, *k* для обозначения соответствующих согласных звуков. Однако, как отметил докладчик П. Азимов, это изменение в туркменской графике не оправдало бы себя на практике, так как количество ошибок учащихся в письме могло бы в значительной степени увеличиться.

Было высказано и противоположное мнение: о необходимости сокращения количества существующих знаков до 31 путем изъятия из алфавита букв *я*, *е*, *ю*, *ы*, *у*, *ь*, *э*. Но и это предложение докладчиком не было поддержано, так как увеличение или уменьшение числа букв в алфавите не ограничилось бы только реформой туркменской графики, а неизбежно привело бы и к значительному изменению туркменской орфографии.

В прениях по докладу П. Азимова первым выступил канд. филол. наук А. М. Аннануров (Ашхабад), который говорил главным образом о значении фонематических долгот, о необходимости введения в графику их обозначения.

Дважды лауреат Сталинской премии писатель В. Кербабаев в своем выступлении отметил, что до сих пор многие проблемы орфографии еще не решены, иногда сами языковеды не могут прийти к определенному мнению при написании тех или иных групп слов. Нет, например, ответа на вопрос, как написать слово *доставь*, через *у* или *ы*. По мнению В. Кербабаева, нет необходимости, наряду с существующим в туркменском языке союзом *хем*, употреблять нетуркменский равнозначный союз *е*. Необходимо установить единое для русского и туркменского языков написание наименований городов, селений, гор, рек и т. д., ибо существующее положение, при котором, например, по-русски пишется Ташауз, Кара-Кала, а по-туркменски Дашховуз, Гаррыгала, вносит разноту и путаницу.

Канд. филол. наук директор Института языка и литературы АН СССР М. Хамзаев в подробном остановился на истории туркменского языка, на современном состоянии его орфографии.

В прениях приняли участие также кандидаты филологических наук З. Мухамедова, Г. Ачилова (АН ТССР), Дурдымуратов (Мин-во просвещения ТССР), Н. Ниязи (Таджикистан), член-корр. АН АзССР, проф. Ширалиев (Азербайджан), член-корр. АН СССР Б. А. Серебряников (Москва) и др. После окончания прений по докладу П. Азимова делегаты заслушали доклад тов. М. Д. Аниакурдова «Терминология туркменского языка и задачи ее улучшения».

Докладчик указал, что до Великой Октябрьской социалистической революции туркменский язык не имел научной терминологии. Буржуазные националисты держали ориентацию на арабо-персидские заимствования, всячески пытались затормозить развитие туркменского языка, сопротивлялись проникновению в лексический состав туркменского языка новых слов и терминов. После установления Советской власти в Туркмении в корне изменились условия жизни туркменского народа. С ростом промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры туркменский язык и его терминология развиваются как за счет новых слов, заимствованных из русского языка, так и за счет развития лексики родного языка.

Однако научная разработка терминологии туркменского языка до последнего времени, можно сказать, почти не велась.

На Первой научной конференции Туркменистана в мае 1930 г. стоял вопрос об упорядочении терминологии туркменского языка, по решения этой конференции были основаны на антимарксистской теории Марра. Правда, в решениях этой конференции даны некоторые указания о необходимости разработки терминологии туркменского языка и о введении слов и терминов, заимствованных из русского языка, в словарный состав туркменского языка, но эти решения носили скорее декларативный характер.

Тов. Аннакуров привел в своем докладе целый ряд примеров: с одной стороны, термины типа *абсолютный, классический* брались из русского языка без изменений, т. е. с окончаниями *-ный, -ческий*, а с другой стороны, термины того же типа употреблялись в таком оформлении: *техникалык редактор* «технический редактор», *буржуазлык меселес* «аграрный вопрос» и т. п.; *либераллык, либералчылык* или *либерализмчилик* «либерализм», *оппортунистлик, оппортунистчилик* или *оппортунизмчилик* «оппортунизм» и т. д. Эти примеры ярко подтверждают тот факт, что Первая научная конференция Туркменистана не смогла дать определенных правил употребления советско-интернациональных слов и терминов, перешедших в туркменский язык.

В упорядочении научной терминологии туркменского языка более значительную роль сыграл Первый лингвистический съезд Туркменистана, состоявшийся в 1936 г. На этом съезде было принято решение «Об освоении в туркменском языке интернациональных советских терминов».

Со времени созыва Первого лингвистического съезда Туркменистана, продолжал докладчик, произошли громадные изменения в экономической и культурной жизни Туркменистана. Значительно двинулись вперед промышленность и сельское хозяйство. Во все области народного хозяйства проникла новая техника, культура поднялась неизмеримо высоко. За это время были изданы на туркменском языке произведения классиков марксизма-ленинизма, произведения русской и мировой литературы, а также книги советских писателей, что значительно обогатило словарный состав туркменского языка. Многочисленные заимствования из русского языка и созданные при помощи русского языка новые слова и термины вошли в состав туркменского языка и были усвоены народом.

Множество заимствованных слов и терминов в туркменском языке употребляются, как и в русском языке, без изменений. Таковы, например, слова: *ирригация, шахта, оркестр, трактор, комбайн, бухгалтер, студент, аспирант, медицина, кафедра, приемник, энергия* и т. д. Эти и многие другие слова вошли в словарный состав туркменского языка как корневые, освоенные туркменским народом. Разные дериваты этих слов, изменяясь согласно грамматическим правилам туркменского языка, становятся общедоступными и понятными для населения. Например, *ирригация* «ирригационный», *механика* «механический», *коммунистик* «коммунистический», *агитация* «агитационный», *факультатив* «факультативный» и т. п.

Переводы на туркменский язык политической, художественной и учебной литературы оказали большое влияние на развитие туркменского языка и его терминологии. Переводческая работа привела к широкому употреблению заимствованных из русского языка терминов и оказала помощь в их усвоении и распространении. Дословный, «калькированный» перевод на туркменский язык множества русских слов и терминов привел к тому, что большое количество их, ранее используемых в туркменском языке, стало употребляться в качестве научных терминов. Например, *галкара* «международный», *бутунсоюз* «всесоюзный» и т. п.

Конечно, пополнение словарного состава туркменского языка не ограничивается лишь пополнением за счет увеличения количества заимствованных слов. Оно идет за счет расширения семантики слов родного языка. Слова во многих случаях, расширяя

свое первоначальное значение, приобретают новое значение, становятся терминами и входят в научный оборот. Например, слово *докма* раньше обозначало узкое понятие — «также как вид кустарного занятия, ремесло», а теперь стало составной частью сложных терминов, обозначающих такие понятия, как: *докма сенагати* «текстильная промышленность», *докма комбинати* «текстильный комбинат» и т. п. Очень многие слова, расширяя свои первоначальные узкие значения, теперь стали общественно-политическими и научно-техническими терминами.

Однако разработка вопросов терминологии туркменского языка еще далеко не является удовлетворительной. До сих пор не изжит разноречивость в употреблении терминов и слов, существуют серьезные недостатки в терминологии языка. Слабо ведется также работа по составлению терминологических словарей различных отраслей науки.

Необходимо постоянно, повседневно продолжать пополнение словарного состава туркменского языка путем заимствования русских и интернациональных слов и терминов. Передко на практике, вместо внедрения в научную терминологию туркменского языка советско-интернациональных слов и терминов, пытаются передать новые понятия каким-нибудь одним словом или переводить их значение несколькими словами. В качестве примера тов. Аниакурдов приводит следующие: вместо внедрения в туркменский язык терминов *антагонизм*, *конгломерат*, *концентрация*, *гипотеза* и т. д. они заменились смысловыми их переводами: *барышыксыз*, *гаршылык* «антагонизм»; *гарым-гатым* «конгломерат»; *бир ере чамлеммеги* «концентрация»; *чакламак* «гипотеза» и т. п.

Докладчик осудил стремление отдельных ученых санкционировать параллельное употребление двух или нескольких терминов в одинаковом их значении, например: *дил билими* и *диччилик билими* «языковедение», *басым* и *уьгь* «давление» и т. п. Это наблюдается и в других отраслях науки. Ср., например, *тебигат ылымы* и *тебигат билими* «естествознание», *басым* и *басыш* «давление», *ягылык* и *ыгык* «свет» и др.

Недопустимость параллельного употребления научно-технических терминов-синонимов не снимает возможности использования синонимов вообще в туркменском языке. Имеются факты, когда для выражения нескольких понятий употребляется один термин, например термины «дискуссия», «полемика», «дебаты» в туркменском языке передаются одним словом *чекшиме*.

Назрела необходимость дальнейшей более углубленной разработки и уточнения вопросов общеполитической и научно-технической терминологии на научной основе.

В прениях по докладу тов. Аниакурдова выступили старший преподаватель Туркменского университета Д. Амансарыев, доц. ТГУ им. А. М. Горького М. Мурадоев, научный сотрудник Академии наук СССР К. Атаев, переводчик Н. Гельдыев, канд. физико-математических наук А. Бердыев (АН ТССР), канд. сельскохозяйственных наук доц. ТГУ им. А. М. Горького Д. Жумаев, работник АН ТССР Т. Шамурадоев, географ А. Лавров, студент Туркменского университета Р. Эсенов, член-корр. АН СССР Б. А. Серебряников и др.

Б. А. Серебряников отметил, что постановка вопроса об упорядочении терминологии вполне своевременна. Нельзя дальше терпеть такое положение, когда существует несколько терминов, обозначающих одно понятие. Это вносит дезорганизацию в работу издательства, в педагогическую деятельность, в создание научных работ.

Вице-президент АН ТССР О. Мамедиязов сказал, что из года в год выпускаются учебники с разными терминами, передающими одно и то же понятие. Зачастую новые термины возникают необоснованно, оказываются неудачными, и тогда снова возвращаются к старым терминам, тоже, между прочим, не особенно точным. Проф. Джикия от имени лингвистов Грузинской ССР приветствовал делегатов съезда.

На третий день работы съезда делегаты заслушали и обсудили доклад члена-корр. АН ТССР, профессора Туркменского университета М. Н. Хыдырова «О пунктуации туркменского языка». М. Хыдыров отмечает, что наряду с орфографией пунктуация является одним из основных вопросов, разработка которого способствует усовершенствованию письменности и литературного языка. В туркменском языке, как известно, еще недостаточно полно разработана система пунктуации и единые правила употребления знаков препинания. До сих пор, за исключением только небольшой брошюры проф. П. Азимова, нет специальных трудов по пунктуации.

М. Хыдыров подверг критике те выступления в печати, в которых высказывается мысль о том, что предлагаемые в проекте правила употребления знаков препинания попросту перенесены в туркменский язык из русского. Это неверно, сказал докладчик, в проекте пунктуации есть случаи совпадения с правилами употребления знаков препинания в русском языке, но есть и несовпадающие случаи. Так, например, если в употреблении запятых при однородных членах предложения или после приложения, а также в некоторых других случаях или в употреблении кавычек предлагаются одинаковые правила, то в расстановке знаков препинания при служебных словах, при выделении депричастных оборотов и т. п. полностью учитываются особенности туркменского языка и созданы иные правила употребления знаков препинания.

Доклад М. Хыдырова также вызвал оживленные прения, в которых приняли участие гг. Аманбердыев (Чарджоу), учитель Атананекоев (Кизыл-Арват), учитель Гонуров (Кизыл-Этрек), Шамуратов (АН ТССР), проф. Г. Д. Саидеев (Москва) и др.

В заключение с речью выступил президент АН ТССР Т. Бердыев. Под руководством Коммунистической партии Советского Союза и родного Советского правительства, сказал он, наш народ достиг невиданных успехов в развитии науки и культуры, в подъеме благосостояния трудящихся. Туркменский народ за годы Советской власти вырос в семью братских народов Советского Союза, создал свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Одним из ярчайших примеров этих достижений являются те успехи в развитии филологической науки, о которых говорилось здесь, на Втором лингвистическом съезде Туркменистана.

Оратор привел знаменательные цифры и факты. Если в период Первого лингвистического съезда Туркменистана не было ни одного кандидата наук из туркмен, не говоря уже о докторах или профессорах, то во Втором лингвистическом съезде участвует не только много кандидатов наук, но и докторов наук, профессоров филологии, членов-корреспондентов и действительных членов АН ТССР. Это — свои научные кадры, свои ученые, которые уже проделали значительную работу по разрешению неотложных вопросов туркменского языка.

Но, говоря о достижениях, не следует забывать, что в туркменской лингвистике есть также серьезные недостатки и пробелы, которые и были вскрыты участниками съезда. Еще не развернута работа по исследованию истории туркменского языка, очень мало сделано для изучения его различных диалектов и говоров, не созданы фундаментальные труды по вопросам современного туркменского языка, не закончена работа над научной грамматикой туркменского языка. Перед Академией наук, перед всеми гуманитарными вузами республики стоят серьезные задачи — в ближайшее время общими силами шире и глубже осуществить лингвистические исследования на путях разрешения поднятых съездом проблем туркменской лингвистики. В заключение своей речи тов. Бердыев от имени ЦК КП Туркменистана, Совета министров ТССР, Президиума Верховного Совета Туркменской ССР и Президиума АН ТССР горячо поблагодарил всех делегатов за активное участие в работе Второго лингвистического съезда.

По всем трем докладам были приняты развернутые резолюции, направленные на улучшение практических вопросов туркменского языкознания.

А. А. Курбанов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

русских периодических и продолжающихся изданий,
принятых в журнале «Вопросы языкознания» начиная
с № 1 1955 г.

- ВЯ — Вопросы языкознания
- ВИ — Вопросы истории
- ВФ — Вопросы философии
- ВДИ — Вестник древней истории
- ИАН ОЛЯ — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка
- «Р. яз. в шк.» — Русский язык в школе
- «Ин. яз. в шк.» — Иностранные языки в школе
- ФЗ — Филологические записки
- РФВ — Русский филологический вестник
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
Имп. Акад. наук

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. А. Белецкий (Киев). Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков	3
Б. М. Юнусалиев (Фрунзе). Проблема формирования общенародного киргизского языка	28

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Б. Шапиро (Москва). Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи?	42
Н. С. Поспелов (Москва). В защиту категории состояния	55
И. А. Батманов (Фрунзе). Части речи в киргизском языке	66

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. Смирницкий Значение слова	79
А. М. Бабкин (Ленинград). Лексикографические заметки	90

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Г. С. Ахведиани (Тбилиси). К вопросу о преподавании курса «История языкознания»	98
А. Ф. Ефремов (Саратов). О программе и преподавании курса «Современный русский литературный язык»	102

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

М. А. Габинский (Кипшинев). Об издании словаря-справочника по языкознанию	105
О. Б. Шахрай (Нежин). «Ложные друзья» переводчика	107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. С. Кузнецов (Москва). <i>С. П. Обнорский</i> . Очерки по морфологии русского глагола	112
С. Е. Яхонтов (Ленинград). <i>Ван Ляо-и</i> . Основы китайской грамматики	120
К. А. Тимофеев и А. М. Бабкин (Ленинград). <i>Е. М. Галкина-Федорук</i> . Современный русский язык. Лексика. (Курс лекций)	125
Фуад Кязимов (Баку). <i>В. С. Соколова</i> . Очерки по фонетике иранских языков	134
Б. И. Надэль (Ленинград). <i>Д. Дечев</i> . Характеристика на тракийския език	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. С. Поспелов (Москва). Международный конгресс славистов в Берлине	144
А. А. Курбанов (Ашхабад). Второй лингвистический съезд Туркменистана	147

Р е д к о л л е г и я:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (отв. секретарь редакции),
В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондратов,
Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
Б. А. Серебрянников, В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

Т- 01476	Подписано к печати 15.III. 1955 г.	Тираж 13450 экз.
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Бум. л. 4 ³ / ₄	Печ. л. 13,02
		Уч.-изд. л. 15,0

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

2

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА